

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Б. П. НАРУМОВ

Формирование романских литературных языков

Современный галисийский язык

Ответственный редактор
академик Г.В. СТЕПАНОВ

МОСКВА "НАУКА" 1987

Монография является первым в советской романистике комплексным описанием внутреннего состояния и функционирования галисийского языка — одного из региональных языков Испании. Дается очерк истории развития галисийского языка с древнейших времен до середины XX в. Основное внимание уделено особенностям литературной нормы, характеризующейся значительной неустойчивостью. Дано полное описание фонологической и грамматической системы современного языка с большим количеством иллюстраций из художественной литературы.

Рецензенты:

Т.Б. Алисова, Е.М. Вольф

ВВЕДЕНИЕ

Языковая ситуация в Испании в 60-е и 70-е годы нашего века характеризовалась резким усилением конфронтации между государственным языком (испанским) и языками национальных меньшинств, которые не имели никакого официального статуса, весьма ограничено использовались в средствах массовой информации и в системе образования и не обладали высокой степенью кодифицированности норм, присущей испанскому языку. Борьба за возрождение языков национальных меньшинств явилась составной частью широкого движения за политико-экономическую и культурную самостоятельность исторических областей, присоединенных в свое время к кастильской короне. Первый этап этой борьбы завершился после падения франкистского режима предоставлением ряду областей режима предварительной автономии и возведением региональных языков в ранг коофициальных наряду с испанским в пределах соответствующих автономных областей. Однако национальный вопрос не нашел удовлетворительного разрешения в рамках буржуазной демократии, поэтому языковая ситуация в Испании 80-х годов продолжает оставаться напряженной и неустойчивой, а будущее языков национальных меньшинств вызывает законную тревогу у лингвистов, филологов, писателей, всей прогрессивной интеллигенции.

8-й Международный конгресс в защиту языков и культур, находящихся под угрозой, который состоялся в Барселоне в 1978 г., признал наличие в Испании следующих языков кроме испанского: каталанского, галисийского, баскского, астурийского (бабле), арагонского, окситанского (аранского диалекта в долине Аран), цыганского (кал6) и португальского [García Arias 1982, 417]. Галисийский язык по своей демографической и иной значимости занимает второе место после каталанского среди региональных языков, однако с чисто лингвистической точки зрения это, пожалуй, наиболее необычное явление не только среди литературных языков Пиренейского полуострова, но и среди романских литературных языков в целом. Сложность социолингвистических процессов в Галисии, незавершенность становления литературной нормы, оригинальная трактовка галисийскими филологами проблем соотношения языка и диалекта галисийского и испанского, галисийского и португальского — все это представляет огромный интерес для романского языковедения, теории литературных языков и социолингвистики.

На галисийском языке говорит коренное население исторической области Галисии, расположенной на крайнем северо-западе Пиренейского полуострова. В настоящее время территория Галисии в административном отношении разделена на четыре провинции: Ла Корунья, Оренсе, Понтеведра и Луго. Галисийские говоры распространены также в сопредельных с Галисией областях провинций Астурия (до реки Навии), Леон (район Бьерсо, долины Анкарес и Финольедо) и Самора (до Лубиана). Граница между галисийскими говорами и леоно-астурийскими нечеткая, что обусловлено их исторической общностью: и те и другие развились из народной латыни древней Галлеции (см. ниже).

По приблизительным оценкам около 80% населения Галисии владеет в той или иной мере галисийским языком в его различных формах существования. Общее число говорящих на галисийском только в Галисии оценивается приблизительно в 2 млн. 700 тыс. человек. Сюда нужно добавить более 1 млн. эмигрантов и их потомков, проживающих в странах Нового Света. Наиболее значительные колонии галисийцев существуют на Кубе и в Аргентине; галисийцы проживают также в Бразилии, Мексике, США и других странах американского континента. В самой Испании еще около четверти миллиона галисийцев проживают за пределами Галисии. Так, в 1970 г. в одной только провинции Мадрид насчитывалось 70 тыс. галисийцев. Общее число говорящих на галисийском составляет около 4 млн.

Подавляющее большинство населения Галисии — сельское, распыленное по небольшим селениям и хуторам, что обусловило некоторые особенности языковых процессов. Уровень неграмотности сравнительно высокий: 9,46% в 1970 г. Важно для языковых процессов то, что в Галисии значительно выше, чем в других областях Испании, доля автохтонного населения [Alvarez 1976, 71, 83].

Равномерность заселения территории Галисии и общий этнический субстрат обусловили отсутствие четких диалектных границ, поэтому выделение отдельных диалектных областей затруднено. В классификации, предложенной Р. Карбальо Калеро, выделяются следующие четыре диалекта.

1. Юго-западный диалект, отличительными чертами которого в фонетике являются *seseo* и *gheada*¹, предорсальная артикуляция *s*, сохранение *-n* < лат. *-anu*, *-ana*: *irmán* 'брат', 'сестра', образование формы множественного числа имен на *-l* по модели *animal* — *animás* 'животн||ое, -ые'.

2. Северо-западный диалект характеризуют: *seseo* только в конечной позиции — *lus* вместо *luz* 'свет', *gheada*; апико-альвеолярная артикуляция *s*, отпадение *-n* в именах *irmá*, *irmás* 'брат, -ья', 'сестр||а, -ы'; образование множественного числа имен на *-l*, как в юго-западном диалекте.

3. Центральный диалект характеризуется отсутствием *seseo* и *gheada*, апико-альвеолярной артикуляцией *s*, переходом лат. *-anu* > *-ao* и

¹ Объяснение этих явлений будет дано во второй главе.

-ana > -á: *irmao* 'брат', *irmá* 'сестра', образованием множественного числа имен на -l, как в западных диалектах.

4. Восточный диалект характеризуется теми же чертами, что и центральный диалект, но образование множественного числа имен на -l, -n происходит по модели *animal* — *animáis* 'животн|ое, -ые', *can* — *cais* 'собак|а, -и'.

За пределами галисийских провинций выделяются переходные галисийско-астурийские и галисийско-леонские говоры.

Данная классификация не является единственной, она возникла в результате критики классификации, данной А. Саморой Висенте, который выделял только восточный и западный диалекты. Ф. Родригес [Rodríguez 1976b] выделяет западный, или атлантический, диалект с подразделением на северо-западный и юго-западный, восточный центральный диалект, в южных говорах которого примечательны формы местоимений *iste*, *ise*, *aquil*, *il*, отсутствующие в других говорах, и восточный внешний диалект, т.е. восточные говоры за пределами Галисии, которые характеризуются некоторыми архаичными чертами, в частности сохранением носовых дифтонов, как в португальском. Ф. Фернандес Рей [Fernández Rei 1982] выделяет три "блока" говоров: западный, центральный и восточный. К западному блоку он относит инновизирующие говоры западной части провинций Корунья и Понтеведра, к центральному блоку говоры северо-восточной части и центральной части провинции Корунья и центральной части провинции Понтеведра, а также говоры провинций Луго и Оренсе, за исключением их восточной части; к восточному блоку относятся архаичные говоры восточной части провинций Луго и Оренсе и западной части провинций Астурия, Леон и Самора.

В общих трудах по романистике галисийский язык странным образом упоминается исключительно редко². Однако эта странность легко объяснима, если учесть, что в традиционной сравнительно-исторической романистике различие между языком и диалектом проводилось непоследовательно, да и не могло быть четко определено, поскольку основой такого различия являются социальные факторы, которые для сравнительно-исторического языкознания конца XIX — начала XX в. фактически находились за пределами науки. Если компаративисты сомневались в выделении самостоятельного каталанского языка, несмотря на наличие мощного движения за возрождение каталанского языка и культуры начиная с середины XIX в., то о галисийском и подавно не могло быть речи как о языке.

Известно, что объектом сравнительно-исторического языкознания являются прежде всего диалекты. Однако и диалекты галисийского не заняли подобающего им места в романистике. Как отмечает К.П. Отеро [Otero 1971, 143], непонятным образом галисийские диалекты изучаются в португалистике как любой другой порту-

² О месте галисийского в обобщающих трудах по романистике см. [Васильева-Шведе 1983, 128].

галисийский диалект, несмотря на то что галисийские диалекты более архаичны, более близки к общероманскому Галлеции. Добавим также, что галисийские диалекты большей частью являются автохтонным развитием народной латыни на территории Галлеции, в то время как португальские диалекты являются производными от них в историческом плане и не автохтонными, а "колоннальными", привнесенными на территорию современной Португалии в процессе Реконкисты. Поэтому взгляд на галисийский как на "коддиалект" португальского противоречит как исторической, так и современной (социо)-лингвистической реальности.

Отсутствие галисийского в перечне романских языков характерно для обобщающих трудов по романистике не только первой половины XX в., но и для современных работ, в которых он не фигурирует в качестве самостоятельного романского языка. Однако галисийский язык и его диалекты представляют собой интереснейший уголок Романии, достойный изучения и в сравнительно-историческом, и в социалингвистическом, и в грамматическом аспектах. Особенный интерес представляет современный галисийский язык для теории литературного языка, поскольку в Галисии нормализационные процессы носят глубоко своеобразный, порой причудливый характер, поэтому изучение выработки литературной нормы в свете отношения ее к диалектам, просторечию, языку художественной литературы, кастильскому и португальскому языкам и к латыни крайне интересно с теоретической и практической точки зрения.

Поскольку настоящая книга является первой в нашей стране монографией, целиком посвященной галисийскому, автор счел нужным придать ей в какой-то мере энциклопедический характер, чтобы читатель смог получить не только представление о процессе становления и развития современного литературного языка, но и необходимые сведения о внутренней структуре самого языка и его статусе в современной Галисии в связи с важными социальными переменами, происходящими там со второй половины 70-х годов XX в.

Иллюстративный материал приводится в книге с сохранением особенностей оригинала, этим объясняется разноречивость в графике и орфографии примеров на галисийском, который отражает действительную вариативность письменного облика галисийского языка.

К монографии прилагается небольшая антология галисийской прозы XX в., которая позволит читателю, знакомому испанский или португальский язык, на конкретном материале усвоить себе особенности галисийского языка, рассматриваемые в книге. Автор сердечно благодарит профессора Университетского колледжа в Ла Корунье Ш.М. Добарро за помощь в составлении антологии.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ГАЛИСИЙСКОГО ЯЗЫКА

ДОРИМСКИЙ ПЕРИОД И РОМАНИЗАЦИЯ ГАЛЛЕЦИИ

Галисийские диалекты распространены на территории, которая в древности именовалась Галлецией (Gallaecia, Callaetia, Galecia), однако Галлеция охватывала не только территорию современной Галисии, но и территорию северной Португалии, Астурии и Леона¹. По вопросу об этнической и языковой принадлежности племен, населявших эту область до прихода римлян, существуют различные мнения. По-видимому, это были племена, говорившие на каком-то индоевропейском языке; в VIII—VI вв. до н.э. в Галлецию начали проникать кельты. Галисийские историки и филологи XIX в. без достаточных оснований объявили кельтов единственными предками галисийцев; с тех пор "кельтская гипотеза" постоянно использовалась галисийским национализмом для противопоставления галисийцев другим народам Иберийского полуострова [Alonso Montero 1970, 35]². Однако не приходится сомневаться в этнической обособленности галисийцев, сохранившейся в силу исторических обстоятельств до настоящего времени. Эта обособленность ощущалась и в древние времена, и племена, обитавшие в Галлеции, объединялись для их соседей под общим наименованием галайков, хотя первоначально эти племена единого этноса не составляли.

Римская колонизация не изменила существенно этнический состав Галлеции. Начало колонизации относится к 138 г. до н.э., когда проконсул Деций Юний Брут, сломив сопротивление лузитан и галайков, перешел реку Лимия и овладел южными районами Галлеции (север современной Португалии) до реки Миньо. В 60 г. до н.э. Юлий Цезарь совершил морскую экспедицию вдоль побережья Галлеции, высадившись в Бриганциуме (современная Ла Корунья) и подчинил себе ряд племен. Полное же подчинение Галлеции Риму произошло при императоре Августе, которому в 26—19 гг. до н.э. удалось замирить мятежные племена кантабров, астуриков и галайков.

¹ Подробнее см. [Carballo Calero 1982, 16, 17].

² Противопоставление "арийцев" (галисийцев) "сеμίтам" (кастильцам и прочим), против которого выступал в свое время выдающийся галисийский писатель Альфонсо Кастелао [Castelaо 1977, 260, 261], не редко и в наши дни. Своеобразная форма галисийского национализма нашла отражение даже в одном из пособий по галисийскому языку, в котором учащимся предлагается доказать превосходство галисийский "расы" над иберийской [Enríquez Salido 1982, 12]. См. также [García Negro 1984, 36].

До 27 г. до н.э. Испания делилась на две провинции: Ближнюю Испанию (*Hispania Citerior*) и Дальнюю Испанию (*Hispania Ulterior*). В 27 г. до н.э. Дальняя Испания была поделена на Бетику и Лузитанию; в состав последней вошла также Галлеция. Но в 15 г. до н.э. Август отнес Галлецию (вместе с Астурией) к Ближней Испании, отделив ее от Лузитании. В 214 г. император Каракалла образовал из Галлеции, Астурии и Кантабрии новую провинцию *Hispania Nova Citerior Antoniniana*. Наконец, в конце III в. Диоклетиан выделил провинцию Галаика, в которую входили территории современной северной Португалии (междуречье Доуро и Миньо), Астурии, Сантандера, части Леона и Старой Кастилии и собственно Галисии.

Власть Рима в Галлеции длилась более четырех веков. Романизация происходила медленно, но в конечном счете оказалась более полной, чем в других северных областях Испании [Carballo Calero 1980, 110]. Экономическое развитие было интенсивным, так как в Галлеции разрабатывались месторождения ценных металлов; еще до начала новой эры провинция покрывалась сетью дорог. В IV в. Галлеция быстро христианизировалась; в конце IV — начале V в. получила развитие христианская литература. В Галлеции зародилась присциллианская ересь; из нее вышли два значительных историка эпохи поздней Империи — Идаций и Орозий.

ГАЛИСИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА (V—XIII вв.)

В начале V в. в Галисию вторглись германские племена свевов, которые основали первое варварское королевство на территории Римской империи со столицей в г. Браге. Под властью свевов находилась также северная Лузитания вплоть до Коимбры, часть Леона и Астурии. При короле Теодомире (559—570) свевы приняли христианство; установленное тогда церковное деление Галисии сохранилось до наших дней. Были образованы две метрополии в Луго и Браге, что явилось своего рода прообразом будущего деления Галисии и Португалии.

Влияние языка свевов на романский язык в Галисии было незначительным, но можно предположить, что свевское государство явилось тем политико-экономическим фактором, благодаря которому на территории Галисии развились очень близкие между собой диалекты, отличные в то же время от астуро-леонских [Otero 1971, 144].

В 585 г. свевское королевство вошло в состав вестготского, сохранив в нем некоторую автономию.

Арабы вторглись в пределы Галисии в 716 г., но уже при Альфонсе I Католическом (739—757) территория до реки Миньо была от них очищена. В Галисию бежало от арабов значительное количество готской знати, которая потеснила местную и в конечном счете способствовала упрочению феодального строя.

В 718—914 гг. Галисия является частью Астурийского королевства. Галисийская знать оказывала постоянное сопротивление асту-

рийском королям, стремясь образовать независимое государство, но это сопротивление жестоко подавлялось. В 813 г. произошло важное в политическом и культурном отношении событие — "обретение мощей апостола Иакова". Это еще один миф, усиленно эксплуатируемый галисийским национализмом, хотя высказывалось трезвое мнение, что эта история является гениальной выдумкой короля Альфонса II Целомудренного (789/791—892), который, используя слухи о нахождении мощей, построил за свой счет церковь на месте находки и наделил ее вместе с близлежащим селением, будущим городом Сантьяго-де-Компостела, особыми привилегиями, теснее привязав тем самым Галисию к своей короне [Bageiro Fernández 1976, 109].

При Ордоньо II (914—924) Галисия становится частью Леонского королевства и остается в его составе до гибели последнего представителя вестготской династии Бермудо III (1027—1037) в битве с королем Кастилии Фердинандом I.

Начиная с Фердинанда I, который перенес свой двор в Леон, Галисия оказывается тесно связанной с кастильской короной. Ее значение в Реконките постепенно ослабевает, особенно после отнятия у арабов в 1085 г. города Толедо, который становится политическим и религиозным центром королевства. Отвоєванные у арабов земли к югу от Галисии передавались в руки не галисийской знати, а местных мосарабов, которые в дальнейшем стали главной движущей силой в борьбе за независимость Португальского графства, образованного в 925 г. в междуречье Минью и Визеу.

Начало процесса разъединения Галисии и Португалии относится ко времени правления короля Альфонса IV (1076—1109). В 1090 г. он передал управление Галисией и Португалией, расширившей свои владения за счет отвоєванных у арабов земель, дочери Уррике, своей наследнице, и ее мужу Раймунду Бургундскому. Однако в 1093 г. он поручил Энрике, двоюродному брату Раймунда, защиту пограничных с арабами земель, наделив его титулом графа Португальского. Галисия же осталась во владении Раймунда. Энрике Бургундский затем женился на дочери Альфонса VI Терезе и основал собственный двор в Браге. После смерти Альфонса VI Португалия как графство, находившееся в вассальной зависимости от Кастилии, осталось во владении Энрике и Терезы. Образование Португальского графства на южной окраине Галисии в конце концов привело к тому, что Галисия оказалась отрезанной от участия в Реконките, которая велась силами только Португалии и Кастилии.

В XII—XIII вв. завершается процесс формирования пиренейских государств: Кастилии, Португалии и Арагона. В первой половине XII в. ожесточается борьба между Галисией и Португалией, с одной стороны, и между Португалией и Кастилией — с другой. Епископ г. Сантьяго-де-Компостелы Диего Хельмирес, стремясь превратить свой город в религиозный центр Испании, добился независимости от метрополии в Браге; в 1120 г. Сантьяго-де-Компостела был признан папой лузитанской метрополией, причем земли новой метрополии окружали Брагу с севера и востока, что способствовало превращению Браги в центр борьбы за независимость

Португалии от Кастилии и Галисии. В 1128 г. сын Терезы Португальской Альфонс Энрикес объявил себя королем Португалии и после долгой борьбы с галисийцами и кастильцами был признан таковым в 1143 г.

В 1156 г. король Кастилии Альфонс VII завещал своему сыну Фердинанду Леон, Галисию и Астурию. Период правления Фердинанда II (1157—1188) и Альфонса IX (1188—1230), когда Галисия была политически независима от Кастилии, является периодом расцвета галисийской культуры и литературы в частности.

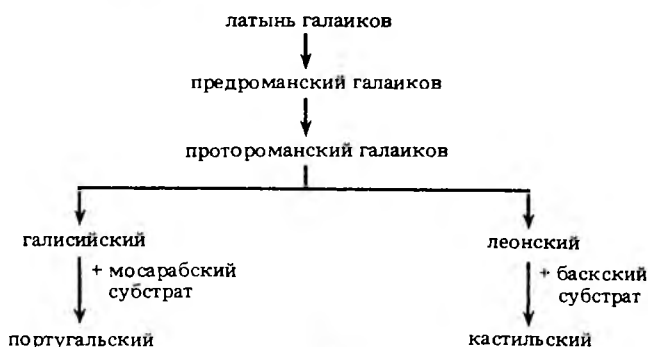
Однако Галисии было суждено снова соединиться с Кастилией, когда сын Альфонса IX от его брака с дочерью кастильского короля Беренгелой Фердинанд унаследовал в 1217 г. кастильский трон. При Фердинанде III была укреплена власть светских и церковных феодалов в Галисии, главная опора кастильских королей. Города в Галисии не пользовались королевским покровительством и даже не имели своих представителей в кортесах.

РАЗВИТИЕ РОМАНСКОЙ РЕЧИ НА ТЕРРИТОРИИ ГАЛИСИИ. ЯЗЫКОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ПОРТУГАЛИИ ОТ ГАЛИСИИ

Если в римскую эпоху существование общеиспанского языкового единства представляется сомнительным, то языковое единство Галлеции более чем вероятно [Otero 1971, 144]. Формирование отличительных черт галаико-романской речи относят обычно к VI—VIII вв. [Veiga Arias 1980, 23; 1983, 295, 298; Rodríguez 1976b], хотя некоторые исследователи датируют этот процесс несколькими веками позже [Piñeiro López 1968, 47]. Особенности политических процессов в условиях Реконкисты помешали сохранению единого языкового ареала на территории древней Галлеции и привели к раздельному развитию галисийских и португальских диалектов и к возникновению двух самостоятельных языков. Обособление Португальского графства в конце XI — начале XII в. положило начало языковой дифференциации [Carballo Calero 1971, 211].

По мере продвижения христиан на юг увеличивалась и зона распространения галисийских диалектов, которые во взаимодействии с мосарабской речью положили начало португальским диалектам. Необходимо уточнить, что современная граница между Галисией и Португалией не есть граница между стационарными и колониальными диалектами, поскольку северопортугальские диалекты на первоначальной территории Португальского графства исторически относятся к галисийским и являются автохтонным развитием латыни на южной окраине Галлеции. Таким образом, с исторической точки зрения португальский является производным от галисийского, первоначально это пограничный диалект галисийского, подобно тому как, по мнению Р. Карбальо Калеро, кастильский оказывается первоначально пограничным диалектом леонского; соотношение гали-

сийского, португальского и кастильского в диахронии он иллюстрирует следующей схемой [Carballo Calero 1980, 113]:

Согласно этой схеме романский галайков оказывается протоязыком по отношению и к португальскому, и к кастильскому, что составляет еще один предмет национальной гордости галисийцев. Галисию поэтому называют "питомником романских наречий" (*o viveiro dos romances*), хотя, если быть точнее, так можно назвать Галлецию в целом вместе с Астурией и Леоном. Сходную схему приводит А. Отеро [Otero 1971, 145]:

Из схемы следует, что разделение галисийского и португальского относится к XIV в., когда Галисия окончательно закрепляется за кастильской короной. Хотя с исторической точки зрения галисийский является протоязыком по отношению к португальскому, было бы ошибочно полагать, что в современном состоянии галисийский в целом архаичнее португальского, "ближе" к латыни, как это нередко утверждается скорее из патриотических, чем научных побуждений. Оба языка прошли долгий путь развития в разных социально-политических условиях, и в общем нельзя считать один язык архаичнее другого, хотя, например, в вокализме португальский безусловно архаичнее своего "предка", поскольку в нем сохранились особенности гласных, исчезнувшие в галисийском к новому времени.

К концу XII — началу XIII в. относится появление первых письменных памятников на галисийском как литературного, так и делового характера. В дальнейшем бурно развивается лирическая

поэзия и намного более скромно проза (см. ниже). Галисийский, наряду с латынью, использовался в делопроизводстве³. Такое положение сохранялось и некоторое время после присоединения Галисии к Кастилии. Фердинанд III, родившийся в Леоне и воспитанный в Галисии, сам писал галисийские стихи, при его дворе подвизались галисийские трубадуры. Кортесы собирались отдельно в Кастилии и в Галисии; языком последних был галисийский. Но уже при Альфонсе X Мудром (1221—1284) стали собираться общие кортесы, языком которых был кастильский. Таким образом, галисийский лишился важной общественной функции.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГАЛИСИИ В XIV—XV вв. И НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ СИТУАЦИИ ДВУЯЗЫЧИЯ

XIV в. и большая часть XV в. характеризуется в Галисии демографическим, экономическим и социально-политическим кризисом. Это эпоха непрекращающихся народных волнений, борьбы различных партий знати между собой. В борьбе против Кастилии Галисия получала поддержку Португалии и Англии. Кастильские короли династии Трастамара в целях усмирения непокорной галисийской знати проводили политику образования нового слоя знати, которая была бы в тесной зависимости от короля. Эта политика была успешной и новая знать помогла королю подавить народные восстания, в том числе коммунальное движение ирмандиньос в 1428—1429 гг. и в 1467—1469 гг. Восстания крестьян, ремесленников, буржуазии и части духовенства и мелкой знати были направлены против крупных земельных собственников. Однако феодальные устои в Галисии оставались крепкими. Сеньоры и духовенство владели 95% земли [González López 1980, 270].

Окончательно сопротивление галисийской знати было сломлено при католических королях Фердинанде и Изабелле (1474—1516), абсолютистская политика которых в Галисии выражалась прежде всего в том, что местная знать различными способами изгонялась из Галисии, привлекалась ко двору, осыпалась милостями и почетными должностями в других районах Испании. Знать привлекали к военной службе во время завоевания Гранады, ее даже принуждали срывать собственные замки. Была произведена реорганизация монастырской жизни, в результате которой кастильское духовенство наводнило Галисию. Хотя формально Галисия оставалась отдельным королевством, в ней были созданы такие орудия центральной власти, как Королевская аудиенция (суд) и Святая Германдада, полицейский орган, наделенный судебной и исполнительной властью. Королей в Галисии представлял губернатор, или капитан-генерал. Инквизиция, однако, была учреждена значительно

³ Огромное количество памятников деловой прозы XIII—XVI вв. хранится в различных архивах Галисии [Piñeiro López 1968, 48].

позднее, в 1577 г., поскольку галисийцы упорно сопротивлялись ее введению, ссылаясь между прочим на то, что чистота крови местного населения не подлежит никакому сомнению. Галисия была разделена сначала на пять, потом на семь провинций, во главе которых стояли коррехидоры. В 1495 г. было создано галисийское правительство — Хунта королевства Галисии.

Хотя в конце концов Галисия полностью потеряла политическую самостоятельность и к концу XV в. стала частью единого испанского государства, в котором главенствующую роль играла Кастилия, кастилизация галисийского общества в целом в этот период была незначительной. До XIV в. можно говорить о полном одноязычии. С воцарением династии Трастамара в правящий слой Галисии вливается большое число негалисийцев [Alonso Montero 1973, 57]; страна становится двуязычной, но о двуязычии на индивидуальном уровне говорить еще нельзя, поскольку ни галисийцы не овладевают кастильским языком, ни пришлые кастильцы не помышляют об изучении галисийского. Такую ситуацию Р. Чакон Калвар называет диглоссией без двуязычия [Chacón Calvar 1979, 449]. И только с кастилизацией местной галисийской знати и духовенства можно говорить об индивидуальном двуязычии. Но количественно этот слой населения был невелик [Rodríguez 1976b, 226]. Основная масса населения пользовалась во всех сферах жизни родным говором.

В течение долгого времени галисийский продолжал оставаться языком делопроизводства, и лишь во второй половине XV и в начале XVI в. его использование в этой сфере постепенно сошло на нет в результате абсолютистской политики католических королей. Последний деловой документ на галисийском датируется 1532 годом; в нем заметна контаминация галисийских и кастильских форм [Carballo Calero 1974, 31]. Подчинение Галисии абсолютной монархии было полным и замена галисийского языка кастильским в сфере администрации произошла стихийно. Никакой сознательной языковой политики абсолютная монархия не проводила, да она и не нуждалась в ней [Carballo Calero 1979, 43]. Этим Галисия разительно отличается от Каталонских стран, которые до начала XVIII в. сохраняли свои многочисленные феодальные вольности и привилегии и где каталонский язык продолжал использоваться в делопроизводстве вплоть до воцарения Филиппа V Бурбона (1700—1746). Ранее среди галисийских историков и филологов имел хождение миф о наличии некоей королевской прагматики, в которой запрещалось пользоваться галисийским в делопроизводстве, однако в настоящее время точно известно, что такой прагматики не существовало [Alonso Montero 1973, 60].

Замечательным памятником средневекового галисийского языка является лирическая поэзия трубадуров и сегрелей, представителей так называемой галисийско-португальской школы. Конец XII в. (появление первых письменных свидетельств) — середина XIV в. — период расцвета этой поэзии. Концом периода условно считается 1354 г. — дата смерти португальского графа Барселуша, покровителя поэтов и составителя песенников. Первоначальным центром галисийской лирики был Сантьяго-де-Компостела, город, в котором наиболее ощущалось влияние европейской культуры, поскольку туда стекались паломники, ремесленники, художники, студенты из всей Западной Европы. Вопрос о литературных истоках галисийской лирики (в свете различных "влияний") и о социальных условиях, ее породивших, в течение многих десятилетий оживленно дебатруется в литературоведении. В XIX в. галисийскую лирику считали производной от провансальской; затем была выдвинута арабская гипотеза, основанная на преувеличении восточных влияний на европейскую лирику. Антропологическая теория делала упор на единстве лирики на романских языках, обусловленном единым этническим субстратом — кельтским или лигурийским. Фольклорная теория сводила сложную придворную поэзию к народным истокам; искали ее генезис и в ученой латинской поэзии, в литургии [Шишмарев 1941, 253—258; Васильева-Шведе 1976; Carballo Calero 1971, 180 и сл.].

Как бы там ни было, галисийская лирика обладала значительным своеобразием, отличающим ее от провансальской, и, видимо, не случаен тот факт, что ее расцвет приходится на годы правления Альфонса IX и Фердинанда III, когда Галисия переживала общий подъем культуры.

Из поэтов Сантьяго-де-Компостелы наиболее известны Палья, Бернал де Бонавал, Жоан Айрас, оставивший наибольшее количество произведений, и Айрас Нунес, наиболее талантливый представитель этой школы. Культивировали галисийскую поэзию и короли Альфонс IX и Фердинанд III. При дворе последнего в Леоне жили Пай Гомес Чариньо и Перо да Понте, творчество которого считается вершиной галисийской поэзии.

К галисийско-португальской школе относится также творчество португальского короля Дионисия I (1279—1325); король, его сыновья и близкие были последними поэтами этой школы. Выделяются три основных жанра светской лирики. Песни о милом (*cantigas de amigo*) являются оригинальным жанром, не имеющим параллелей в провансальской лирике. Они характеризуются народностью и архаичностью выразительных средств; им присущи элементы драматизма (тенцоны), поскольку они представляют собой разговор влюбленной девушки с матерью, подругой или другом. Высказывается предположение, что песни о милом оказали влияние на становление средневекового галисийского театра [Lourenzo, Pilado Mayor 1979, 27, 28]. Песни о любви (*cantigas de amor*) наиболее

близки провансальской поэзии, влияние которой усматривается даже и языке [Filgueira Valverde 1949, 575]; им присущи черты придворной, условной поэзии. К третьей группе относятся песни насмешливые и хулительные (*cantigas de escarnho e de maldizer*), несколько различающиеся между собой. Насмешливые песни отличаются более вычурной формой, словесной игрой, обилием двусмысленностей, символики; общий тон их юмористический. Хулительные песни характеризуются более откровенным комизмом и представляют собой как карикатуры на отдельных личностей, так и сатирическое изображение общественных порядков.

Произведения галисийско-португальской поэзии дошли до наших дней в основном в трех сборниках. Ажудский песенник (по имени лиссабонского дворца Ажуда, в библиотеке которого он хранится) был составлен в Португалии в конце XIII — начале XIV в. при дворе Дионисия I и содержит 310 поэтических произведений; почти все — песни о любви. Сборник Национальной библиотеки в Лиссабоне (ранее сборник Колоччи-Бранкути), содержащий 1647 произведений и фрагмент трактата о поэтике XIV в., и Ватиканский сборник, содержащий 1205 песен, были составлены в Италии в конце XV — начале XVI в. по заказу итальянских гуманистов на основе утерянных списков [Armesto 1973, 222 и сл.; Landeira Yrago 1975, 22, 23]. Первоначальные песенники составлялись на основе списков стихов одного поэта. Из этих списков до нас дошел только один, содержащий семь песен о милом Мартина Кодаса, поэта конца XIII в.

К галисийско-португальской лирике первого периода относятся также 453 произведения кастильского короля Альфонса X Мудрого, из которых 20 представляют собой хулительные песни, а 420 посвящены деде Марии и носят повествовательный или апологетический характер. Причины употребления галисийского языка в лирике Альфонса X привлекают особое внимание филологов, если учесть, что, с одной стороны, Альфонс X недоброжелательно относился к Галисии и городу Сантьяго как сопернику Толедо, с другой стороны, галисийский — это язык его детства, так как он воспитывался в Галисии и, следовательно, в отношении языка он не должен был испытывать никаких затруднений [Losa-da Castro 1976, 251 и сл.]. Каковы бы ни были причины первоначального расцвета лирики в Галисии, ее высокий престиж был перенесен и на сам язык, которому стали приписывать особую поэтичность как его внутреннее свойство [Filgueira Valverde 1949, 607]. Традиция закрепила за галисийским функцию языка лирики, и Альфонс X примкнул к этой традиции в условиях отсутствия единого национального языка, когда за определенными жанрами письменности были закреплены разные языки [Niederehe 1975, 87]⁴.

Итак, на долгое время галисийский язык стал поэтическим койне, обслуживавшим лирическую поэзию не только галисийских, но и португальских и кастильских поэтов. "В XIII в. в Испании

⁴ У нескольких иное объяснение в [Павловский 1983, 49 — 51)

существует общее литературное кастильско-леонско-галисийско-португальское гражданство с использованием галисийско-португальского языка как средства выражения в ученой лирике окситанской традиции" [Carballo Calero 1971, 176]. Галисийско-португальская лирика зародилась в Галисии, галисийские поэты преобладали численно над португальскими, но язык тех и других был идентичен, а вариативность его была присуща всем авторам и текстам [Там же, 216; Losada Castro 1976, 250], поэтому он получил условное наименование галисийско-португальского языка. Следует подчеркнуть, что речь идет о чисто литературном явлении, о письменном языке, и во избежание путаницы это название не следует применять к тому исходному состоянию, к романским говорам Галлеции, из которых позднее развились галисийские и португальские диалекты и говоры, т.е. следует различать предмет сравнительно-исторического языкознания и предмет истории литературных языков.

Следующий период развития галисийско-португальской поэзии — с середины XIV в. до середины XV в. (условно до 1445 г. — даты составления Базнского песенника) — получил название периода галисийско-кастильской школы. Поэзия этой школы перестает питаться народной традицией и приобретает придворный, ученый характер. Но, самое главное, наряду с галисийско-португальским в лирике начинает употребляться кастильский; язык некоторых произведений Базнского песенника, составленного Хуаном Альфонсом де Базна для короля Хуана II, носит смешанный характер. Сборник содержит 576 сочинений, в том числе произведения Алвареса де Вильясандино и Масиаса по прозвищу Влюбленный, наиболее известного из последних галисийских трубадуров, творившего во второй половине XIV в. Число песен, приписываемых ему, колеблется от четырех до десяти.

Последнее свидетельство галисийско-португальской лирики — это сборник Резенде 1516 г., в котором представлены поэты так называемой кастильско-португальской школы. Последним известным поэтом, писавшим на галисийско-португальском, является Гомес Манранке (1412—1491).

В отличие от поэзии проза на галисийском представлена в средние века слабо, поскольку в основном она писалась на латинском: труды по истории и праву, итинерарии, рыцарские романы. Так, по указанию епископа Диего Хельмиреса была составлена "Historia Compostelana". Самым известным произведением латинской прозы является Калликстинский кодекс, составленный в конце XI — начале XII в. и посвященный папе Калликсту II. Кодекс содержит четыре книги: учебник литургии, описание чудес апостола Иакова, хроника Турпина и описание "французской дороги", по которой паломники из Европы шли в Сантьяго-де-Компостелу [Carré Alvarellos 1973, 26; González López 1980, 109].

Галисийская же проза начала формироваться в эпоху, когда Галисия теряла уже свою самостоятельность, в конце XIII — начале XIV в. К наиболее значительным произведениям относятся: галисийский перевод "Всеобщей хроники" Альфонса X Мудрого, 16

первой и последней ее части, перевод второй части его же "Кастильской хроники", а также перевод первых шести книг и части седьмой "Всеобщей хроники" конца XIII — начала XIV в., перевод "Троянской хроники", перевод "Книги Иосифа Аримафейского". Оригинальными произведениями являются "Чудеса св. Иакова" (XIV в.) и "Хроника св. Марии из Ирри" единственное прозаическое произведение XV в., написанное Руем Вакесом.

Печатное дело стало развиваться в Галисии с 1495 г., но печатались в основном книги религиозного содержания для нужд церкви [O libro galego a discusión 1974, 82].

Начало расхождения галисийского и португальского языков относят обычно к середине XIV в., а завершение этого процесса — к концу XV в. В памятниках галисийско-португальской литературы различия между галисийскими и португальскими скриптами невелики и более заметны в прозе, чем в поэзии с ее условным, окостенелым языком. Вопрос этот довольно плохо исследован; были отмечены расхождения орфографического порядка и грамматические различия: употребление форм местоимений *te*, *che*, форм глаголов [Шишмарев 1941, 254—259; McCartney, 1967, 368; Carballo Calero 1971, 216, 217; 1980, 119].

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ГАЛИСИИ в XVI—XVIII вв.

И ПОЛОЖЕНИЕ ГАЛИСИЙСКОГО ЯЗЫКА

Как и в Каталанских странах, период XVI—XVIII вв. в Галисии является периодом упадка духовной культуры, начавшимся в условиях отсутствия политической самостоятельности и экономического застоя. Насколько Галисия находилась в положении подчиненной окраины по отношению к центру, показывает тот факт, что галисийские города не имели голоса в кортесах Леона и Кастилии и всю Галисию представлял г. Самора, даже если кортесы заседали в Сантьяго, как это было в 1520 г. Несмотря на протесты и петиции, направлявшиеся королю, право голоса в XVI в. так и не было предоставлено; это произошло лишь в 1623 г. при Филиппе IV.

В первой половине XVI в. в Галисии наблюдается некоторое экономическое оживление. В 1530 г. портам Ла Коруньи и Байоны было разрешено снаряжать корабли в Америку, но возвращаться они должны были в Севилью, что лишало торговлю Галисии с Америкой необходимой прибыльности. При Филиппе II (1556—1598) были определены административные границы Галисии, не совпадающие с историческими. Были выделены две провинции *de realengo* Корунья и Бетансос и пять провинций *de abadengo* Луго, Мондосьедо, Оренсе, Сантьяго и Туй. Это административное деление сохранялось до 1834 г. Местом пребывания Королевской аудиенции и капитана-генерала была Ла Корунья.

В 1501 г. в Сантьяго были образованы *Estudios de Humanidades*, прообраз будущего университета, но ни о каких гума

нистических веяниях в этот период говорить не приходится; в основном это был центр теологических штудий [González López 1981, 1, 200].

Конец XVI в. и весь XVII в. характеризуются упадком экономики и демографическими потрясениями: эпидемиями чумы, высокой смертностью от голода; начинается эмиграция галисийского населения, первоначально в Андалузию и Португалию. Постоянная эмиграция населения — черта, характерная для демографической ситуации в Галисии вплоть до наших дней. Продолжался и переезд галисийской знати ко двору короля. Оставшаяся знать была по преимуществу сельской. Слой знати и духовенства в целом был гораздо менее значительным, чем в других районах Испании. Сохранялась средневековая система землевладения; при этом основную часть крестьянского населения составляли мелкие землевладельцы и арендаторы, а не батраки и поденщики. Рабочую массу городов составляли рыбаки, ремесленники, а также наемные рабочие. Поскольку промышленное развитие было весьма скромным, рост промышленной буржуазии происходил очень медленно, даже в XVIII в., причем в Галисии буржуазия была в основном иноземной, а значит, и иноязычной, поскольку промышленные предприятия основывались чаще всего каталонцами и басками.

К началу XVI в. письменный галисийский язык фактически прекращает свое существование. Галисийские же диалекты и говоры продолжают развиваться, будучи для большинства местного населения единственным средством общения в быту и в любой другой доступной ему сфере коммуникации. Почти поголовная неграмотность крестьянского населения ограничивала распространение кастильского языка в этой среде; им пользовалась лишь небольшая прослойка аристократии, духовенства и чиновничества. В начале XVI в. завершается переход на кастильский в сфере делопроизводства. Последний деловой документ на галисийском датируется 1532 г. Даже записи актов гражданского состояния, которые велись приходскими священниками, начали составляться на кастильском [Pen-sado 1970, 40].

Факт перерыва галисийской письменной традиции на заре нового времени имел очень важные последствия для дальнейшей судьбы литературного языка. Ведь именно в этот период другие романские языки обращаются к античному наследию, обогащают свою лексику, в значительной степени латинизируя ее, вырабатывают строгие литературные нормы на основе "образцового узуса" высших слоев общества [Ferreiro 1982, 46]. Ничего этого не потерпел галисийский язык, который в XVI—XVIII вв. представлял собой лишь совокупность говоров. Все же иногда он прорывался в сферу письменной речи, но происходило это нерегулярно, в зависимости от случайных обстоятельств. Письменные свидетельства галисийского языка были несовершенным отражением на письме устной речи и ни о какой обработке языка, нормализаторских устремлениях говорить не приходится [Carballo-Calero 1974, 33].

Если для периода упадка каталанского языка в XVI—XVIII вв.

характерным является решительное преобладание поэзии над прозой, также и в Галисии мы имеем спорадическое культивирование поэзии, проза же почти полностью отсутствует. По-видимому, традиция версификаторства на родном языке никогда не умирала, но в печать галисийские стихи проникали очень редко. Так, в Ла Корунье в 1611 г. было устроено "поэтическое поминовение" жены Филиппа III Маргариты Австрийской, умершей в том же году. В 1612 г. в Сантьяго был издан том "Relación de las Enequias", содержащий стихотворные произведения, созданные по этому поводу. Большинство из них написаны по-латыни, но есть и две галисийские поэмы на тему смерти Гомеса Тонэлы и Педро Васкеса де Нейра, которые отличаются, по мнению литературоведов, высоким художественным уровнем [González López 1980, 334]. Галисийские стихи звучали иногда на поэтических праздниках Fiestas Minervales, проводившихся в Сантьяго с 1536 г. Например, в сборнике "Fiestas Minervales y aclamación perpetua de las Musas..." (1697) содержатся девять романсов на галисийском, являющиеся образцами барочной поэзии невысокого уровня. Известны десимы аббата Мартина Торрадо (1617 г.), посвященные апостолу Иакову. Эти факты и многие другие говорят о наличии значительного количества версификаторов на галисийском [Losada Castro 1976, 200].

Галисийский язык использовался также в низших жанрах драматургии: интермедиях и фарсах и в драматизированных жанрах религиозной поэзии: рождественских песнях и лаудах (прославлениях новозаветных персонажей). Но это были лишь зачатки театра, которые так и не развились в полноценную галисийскую драматургию. В 1953 г. была впервые издана интермедия Габриэля Фейшó де Араушо, написанная в 1671 г. и известная под названием "Entremés famoso sobre da pesca do río Miño". Поскольку в ней идет речь о споре галисийских и португальских крестьян по поводу ловли рыбы в реке Миньо, то диалоги и монологи написаны на португальском и галисийском. Характер пьесы указывает на то, что она была предназначена для представления, а не только для чтения, и не была единичным явлением.

Любопытно, что рождественские песни (вильянисикос) на галисийском были распространены по всей Испании. Если их автор не был галисийцем, то в языке наблюдалось смешение кастильских и галисийских форм, однако примечателен сам факт сохранения прикрепленности галисийского к определенному жанру поэзии за пределами Галисии [Ferreiro 1982, 55].

XVIII век характеризуется, с одной стороны, пробуждением интереса к истории Галисии и к ее языку у галисийских ученых-историков, с другой стороны, продолжающимся упадком галисийской письменности. Художественная литература на галисийском по-прежнему представлена в основном немногочисленными поэтическими произведениями невысокого уровня. Можно указать на обширное, разнообразное по тематике поэтическое творчество Диего

Антонио Сернадаса-э-Кастро, приходского священника из Фруйме (1698—1777); среди его произведений на кастильском, изданных в семи томах в 1778—1781 гг. в Мадриде, обнаруживаются и галисийские стихи. Также в некоторых из написанных им интермедий ряд персонажей изъясняются по-галисийски. И другие поэты, в основном писавшие по-кастильски, время от времени обращались к родному языку.

XVIII век — время зарождения галисийской филологии. Однако если в Каталонских странах эрудитов XVIII в. можно считать предтечами каталонского возрождения середины XIX в., то вряд ли это возможно сказать о галисийских филологах, поскольку галисийское Возрождение во второй половине XIX в. протекало гораздо более вяло по сравнению с каталонским и, главное, не опиралось на какую-либо предшествующую традицию.

У истоков галисийской филологии стоит выдающийся ученый, эрудит, монах-бенедиктинец отец Мартин Сармьенто (1695—1772), в миру Педро Хосе Гарсиа-э-Балбоа. Эта замечательная личность является, может быть, наиболее ярким воплощением в Испании того типа просвещенного гуманиста, который так характерен для XVIII в. Широта интересов М. Сармьенто поражает: кроме филологии его интересовали история, археология, ботаника, экономика, медицина, космография, математика, минералогия и другие науки. Забегая вперед, можно сказать, что М. Сармьенто явился прообразом многих галисийских гуманитариев XIX и XX вв., которых отличает универсальность ума и разнообразие интересов, простирающихся от лингвистики до геологии, — качество, ставшее редкостью в современной Европе.

М. Сармьенто провел детство в Галисии, затем, живя за ее пределами, совершил туда три путешествия в 1725, 1745 и 1754 гг. Во время путешествий он изучал архивные документы, составлял различные лексиконы. Особое внимание он обращал на сбор терминологии, относящейся к флоре и фауне, ландшафту, топонимии, ибо, по его мнению, "чтобы познать происхождение живого языка, надо создать каталог всех вульгарных слов, относящихся к естественной истории во всем ее объеме. Эти слова обычно наиболее древние и сохраняются долее всего за исключением слов, относящихся к географии" (цит. по [Pensado 1974, 25,26]).

М. Сармьенто оставил огромное рукописное наследие. Среди его рукописей находим и самый большой художественный текст на галисийском языке в XVIII в.: *Coloquio de 24 gallegos rústicos*, представляющий собой 1200 четверостиший, в которых нашло своеобразное отражение лексическое богатство галисийского языка. Четверостишия начали писаться в 1746 г. вместе с глоссарием и комментарием; последние не были, однако, доведены до конца ввиду своей обширности и подробности. Стихи предназначались для галисийских детей, поскольку М. Сармьенто полагал, что "преподаватель, которому придется обучать галисийских детей латыни, одновременно должен будет преподавать им галисийский язык" [Sarmiento 1973,18]. Родной язык рассматривался им как наиболее

эффективное средство приобщения маленьких галисийцев к латинской или кастильской культуре на начальном этапе обучения, что видно также из следующего высказывания: "Ведь приобретя такие обширные познания в галисийском языке, в кастильский язык они войдут как в свой родной дом" (цит. по [Varcla Jáscome 1956, 465]). Четверостишия М. Сармьенто были использованы в XIX в. при составлении первых галисийско-кастильских словарей в качестве наиболее надежного источника лексики.

Из лингвистических трудов М. Сармьенто наибольший интерес для истории галисийской лингвистики представляет трактат "Исследование происхождения и формирования галисийского языка", впервые опубликованный в Испании в 1880 г. и переизданный в 1943 г. в Аргентине [Sarmiento 1943], а также его письмо о происхождении галисийского языка, впервые опубликованное в 1878 г.; критическое его издание выполнено исследователем творчества М. Сармьенто Ш.Л. Пенсадо [Pensado 1974]. В этих трудах содержатся интересные мысли о происхождении галисийского языка и намечается программа его исследования. М. Сармьенто считал галисийский более близким к латыни, чем кастильский, и объяснял это тем, что на галисийском писали только до времени Карла V, причем не заимствовали слов из других языков, а затем галисийский стал только устным языком и избежал многочисленных заимствований, которые проникли в испанский в новое время. По его убеждению, языки, на которых говорят и пишут, не так хорошо сохраняют свое первоначальное состояние, как языки, на которых только говорят [Sarmiento 1943, 31, 32].

Много занимался М. Сармьенто вопросами галисийской орфографии. При написании своих четверостиший он не особенно заботился о единообразном написании, но в комментариях исправлял небрежности, придерживаясь при этом этимологического принципа в орфографии и учитывая данные живого языка, старых документов, а также португальскую орфографию [Sarmiento 1970, 44,45]. Для истории лингвистики интересным является тот факт, что М. Сармьенто понимал закономерный характер развития фонетической системы языка; он полагал, что "превращение одних букв в другие" можно свести к "математическим принципам" [Там же, 53; 1973,18].

М. Сармьенто очень огорчало отсутствие грамматик и словарей галисийского языка. Для создания различных типов словарей он предлагал, во-первых, обследовать средневековые латинские тексты и отобрать характерную для них лексику, дополнив таким образом словарь Дюканжа, во-вторых, обследовать галисийские рукописи до 1500 г., выписывая слова с сохранением их орфографии, и, в-третьих, организовать с помощью местных эрудитов сбор лексики, употребляемой в различных областях Галисии, особенно в деревнях [Sarmiento 1943, 41; Pensado 1974,28]. Во время своих путешествий по Галисии он составил обширные лексиконы, в которых собраны тысячи наименований, относящихся прежде всего к флоре и фауне. М. Сармьенто постоянно проводил мысль о

невозможности изучения слов в отрыве от обозначаемых ими вещей; он является настоящим создателем метода "слова и вещи". Приводя названия какой-либо рыбы или моллюска, он давал также подробное их описание, заключая его неперменной фразой: *vile u comile* 'я это видел и я это ел', дабы у читателя не возникало сомнений в достоверности описания.

ГАЛИСИЙСКИЙ ЯЗЫК В XIX в.

В конце XVIII — начале XIX в. в Галисии наблюдается некоторый рост промышленного производства и получают развитие капиталистические отношения. Однако если для развитых стран наступает эпоха индустриализации, становления национальной буржуазии, то Галисия в это время изводится фактически на роль полуколонии в пределах Испанского государства, и капиталистическое производство в ней оказывается импортированным предпринимателями, переселявшимися туда из других районов Испании. Кастильцы и леонцы захватили в свои руки торговлю, каталонцы — рыбную и судостроительную промышленность, в то время как галисийские крестьяне и ремесленники оставались в стороне от технического прогресса. Новая пришедшая буржуазия оттеснила местную; сосредотачиваясь в городах, она делала их центрами кастилизации галисийского общества. Однако кастилизация галисийской буржуазии шла очень медленно и завершилась только к концу XIX в. Кастилизация же других слоев общества по-прежнему оставалась незначительной.

В первой трети XIX в. в Галисии наблюдается рост населения, но одновременно продолжается его эмиграция, прежде всего на Кубу, в Бразилию, Аргентину и США.

Известно, что политическая ситуация в Испании в рассматриваемый период отличается сложностью и неустойчивостью. 1808—1814 гг. — это время наполеоновских войн и вместе с тем либерализации испанского общества под знаком Кадисской конституции; 1814—1820 гг. характеризуются реакцией в общественно-политической жизни после реставрации монархии Филиппа VII; затем следует волна либерализма 1820—1823 гг. Эти события непосредственным образом отражались на судьбе галисийского языка, который постепенно начал проникать в печать.

Сильный толчок реставрации письменного языка на галисийском дала война с Наполеоном. В Галисии французы появились в 1809 г., но уже в июне того же года они были освобождена усилиями самих галисийцев. В период борьбы с наполеоновской Францией в 1808—1814 гг. получили распространение литература пропагандистского характера на галисийском, обращенная к простому народу. Это были стихи, романсы, диалоги и даже небольшие пьесы. Хотя художественные достоинства этих произведений невелики, они дают ценный материал для изучения разговорного галисийского языка начала XIX в., который получил в них, по-видимому, достаточно верное отражение. Пропагандистские тексты опублико-

вались как на отдельных листах, так и в газетах различного направления, выходивших в Галисии. Только Ш. Фернандес Нейра, автор диалога "Proezas de Galicia, explicadas bajo la conversación rústica de dos compadres Chinto y Mingote" (1810) попытался создать текст на общегалисийском, отказавшись от употребления узколокальных черт [Carballo Calero 1975,38]; для других же авторов характерно употребление на письме родного говора с многочисленными кастилизмами, присущими разговорной речи.

Имеются сведения о том, что во время войны с французами писались пьесы патриотического содержания, однако до нас дошел лишь сайнет на темы из сельской жизни А.Б. Фандиньо (ок. 1770—1831) "Сводница" ("A Casamenteira"), написанный в 1812 г. и опубликованный только в 1849 г.

Реставрация монархии в 1814 г. и устранение свободы печати в период с 1814 по 1820 г. помешали развитию печати на галисийском. Но в 1820—1823 гг. политическая литература на галисийском снова оживает; язык ее по-прежнему остается более или менее верным отражением разговорного языка крестьян, к которым обращена пропаганда либералов. Примером могут служить диалоги "Tertulia na Quintana de Santiago" (1820), в которых содержится защита конституции 1812 г. С 1823 г. и до 1836 г. подобная литература снова исчезает. В общем можно утверждать, что в первой трети XIX в. настоящая литература на галисийском отсутствует.

К середине XIX в. несмотря на замедленность социально-экономического развития Галисии создались предпосылки для определенного оживления литературной деятельности, возрос интерес к языку и культуре, национальной истории. В Галисии, где, как уже указывалось, индустриальное развитие протекало очень медленно, а крупная буржуазия была пришлой, социальная база национализма и движения в защиту родного языка была узкой. В условиях крайней враждебности правящих кругов к галисийскому языку только выходцы из мелкой буржуазии и мелкого дворянства могли встать на защиту родного языка [Rodríguez 1976b, 228]. Основная масса неграмотных крестьян, ремесленников, рыбаков не имела доступа к галисийской литературе, несмотря на то что зачастую она имела популистский характер. Анархическим и социалистическим движениям XIX в. проблемы галисийского языка были чужды [Alonso Montero 1973,85].

Первым этапом развития галисийского национализма в XIX — начале XX в. являются провинциализм и регионализм, когда была осознана культурно-историческая и языковая обособленность Галисии. Большую роль в становлении галисийского национализма сыграли периодическая печать, которая с конца 30-х годов стала выступать в защиту галисийской культуры, обсуждать политические и экономические проблемы Галисии с точки зрения интересов ее коренного населения. Если сначала эти проблемы обсуждались только на кастильском языке, то позднее наблюдается переход, хотя и очень медленный, на галисийский язык. До сере

дины XIX в. основной корпус галисийской литературы представлен газетными публикациями [Dobarro Paz 1982, 75, 76].

Наиболее ярко идеология регионализма представлена в трудах выдающегося галисийского историка Мануэля Мургии (1833—1923), супруга поэтессы Р. де Кастро, главной фигуры галисийского возрождения. Будучи сторонником идей паниберизма, он отводит галисийскому связующую функцию между другими романскими языками Иберийского полуострова, поскольку этот язык считался наиболее древним, непосредственным предком португальского. Исторической же миссией Галисии М. Мургия признавал посредничество между Испанией и Португалией. Об интегрирующей функции галисийского не только на Иберийском полуострове, но и в Латинской Америке говорили и другие писатели и публицисты XIX—XX вв.: Э. Пондал, А. де ла Иглесиа, Ш. Висенте Викеяра, М. Лугрис Фрейре, А. Вилар Понте, Р. Огеро Педрайо, А. Кастелао. Таким образом, галисийский национализм даже на первом этапе своего развития выходил за рамки регионализма, поскольку ему были присущи идеи своего рода пангалисизма. Следует отметить, что галисийский национализм имеет, так сказать, "культурологический уклон", а в политическом аспекте характеризуется отсутствием экстремизма, поскольку в Галисии никогда не было сильного движения за отделение Галисии от Испании [Alvarez 1976, 95]. На начальном этапе своего развития галисийский национализм был чисто теоретическим и литературным движением. Защита галисийского языка являлась частью популистской программы действий, направленных против ассимиляторской и централизаторской функции капитализма, ведущей к удушению мелких земельных собственников, к культурной маргинации галисийцев.

Точная датировка начала возрождения галисийской литературы (Rexurdimento) является спорной. Если в каталанской филологии с известной долей условности начало возрождения каталанской литературы связывают с одой "Родина" К. Арибау (1833), то в Галисии подобную поэтическую вежу видят в "Утренней песне" ("Alborada") Н. Пастора Диаса Корбелье (1811—1863), опубликованной в 1828 г. Однако это произведение, в языке которого отмечаются многочисленные кастилизмы, фактически не имело литературных последствий [Carballo Calero 1975, 47]. Некоторые филологи относят начало возрождения к концу 30-х — началу 40-х годов XIX в., другие — к началу 60-х годов; в последнем случае период 40—50-х годов рассматривается как предвозрожденческий⁵. Для этого периода характерна романтическая поэзия невысокого художественного уровня; основными ее тематика — восхищение простотой крестьянской жизни и негодование по поводу униженного положения Галисии в испанском государстве. Поэты-предшественники главной фигуры галисийского возрождения Р. де Кастро получили название предтеч. Наиболее видным из них является

⁵ О периодизации галисийского возрождения см. [Díaz Nidia 1976, 31 и сл.; Dobarro Paz 1982, 67, 68].

Шоан Мануэл Пинтос Вильяр (1811—1876), который в 1853 г. издал двуязычный сборник стихов и диалогов с пространным названием "A gaita gallega, tocada po lo gaiteiro, ou sea Carta de Cristus para ir dependendo a lingua gallega, e aínda máis" (Pontevedra, 1853), из которого видно, что его труд преследовал также дидактические цели. В книге содержится апология галисийского языка. Ш.М. Пинтос предлагает унифицировать его путем соглашения между представителями разных областей Галисии, выступает в пользу этимологической орфографии, устанавливает длинный ряд галисийско-латинских лексических соответствий, предприняв по существу первую попытку создания этимологического словаря галисийского языка [Cátedra de lingüística e literatura galega 1975].

К поэтам предвозрожденческого периода относятся также Ф. Аньон Пас (1812—1878), которого Ш. Алонсо Монтеро называет, однако, пионером возрождения [Alonso Montero 1977, 113—117], А. Каминьо Сигер (1820/1821—1861), Ш. Биейто Амадо (1822—1886) и ряд других.

В 1861 г. в Ла Корунье состоялись первые Цветочные игры. Премированные произведения были напечатаны в 1862 г. в сборнике *Album de la caridad*, который явился первой двуязычной антологией галисийской поэзии, представленной сорока поэтами.

Галисийское возрождение — это прежде всего расцвет галисийской поэзии; проза и драматургия до начала XX в. развивались слабо. Что касается литературного языка, необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что в отличие от каталанского возрождения, приведшего к консолидации литературной нормы уже во втором десятилетии XX в., деятельность галисийских поэтов, писателей и филологов не привела к каким-либо определенным результатам в плане выработки устойчивых норм в фонетике, грамматике, лексике, создания нормативных грамматик и словарей. Отсутствие строго научного подхода к изучению галисийского языкового ареала в самой Галисии привело к тому, что в XIX в. он оказался за пределами внимания романского языковедения вообще.

Возрождение, хотя и медленное, галисийского языка и литературы обусловлено прежде всего внутренними тенденциями развития галисийского общества, однако нельзя отрицать влияния европейского романтизма с его любовью к прошлому, к народным традициям, экзотике. Современные исследователи обращают внимание на то, что галисийские романтики — предтечи возрождения — с самого начала воспевали не индивидуальную свободу поэта, а стремление к свободе всего галисийского народа [Dobatto Paz 1982, 77].

Подлинное начало галисийского возрождения связывается с публикацией "Галисийских напевов" ("Cantares gallegos", Vigo, 1863) Росалии де Кустро (1837—1885). Этот сборник, как и последующий "Новые листы" ("Follas Novas", La Habana, 1880), являются вершинами галисийской поэзии XIX в. Однако роль поэтессы и разви-

тии галисийского языка и литературы неоднозначна. Представляется несомненным, что она сильнее других осознавала необходимость поддержания литературной традиции на галисийском, которую она же и возобновила [Alonso Montero 1972, 12; Mayoral 1974, 19, 291; Díaz Nidia 1976, 33—36]. Тем не менее творчество Р. де Кастро важно прежде всего для истории галисийской литературы и лишь косвенно соотносится с процессом создания литературного языка, поскольку она не ставила задачу создания единой нормы [Carballo Calero 1971, 243; Alonso Montero 1973, 76 и сл.]. Основой поэтического языка Р. де Кастро является ее родной говор со всеми кастилизмами, которые бытовали в то время в народной речи.

В ее языке обнаруживается такая характерная черта юго-западного диалекта, как *seseo* (произнесение [s] на месте [θ]), однако *gheada* (произнесение [h] на месте [g]) отсутствует. Колебания в образовании форм множественного числа имен на -n и -l (*más* и *mans*; *mortales*, *mortals*, *mortáis*, *mortás*), в формах суффиксов (-bre и -ble) говорит о том, что в языке Р. де Кастро объединялись черты разных говоров [Carballo Calero 1974, 36; Casal Silva 1976, 45]. Интердиалектность, т.е. сосуществование различных диалектных форм в пределах одного текста, проявляется и в единственном прозаическом произведении Р. де Кастро, написанном по-галисийски, — в "Галисийской новелле"; в других прозаических произведениях и в переписке поэтессы пользовалась кастильским. Исследователи творчества Р. де Кастро указывают на наличие большого количества кастилизмов в ее языке, особенно в "Новых листах" с их более абстрактной лексикой [Mayoral 1974, 500], однако так называемые псевдогалисизмы, т.е. искусственно созданные формы, наводнившие впоследствии галисийскую литературу, были ей чужды; это свидетельствует о том, что она верно отражала на письме реальный речевой узус [Alonso Montero 1972, 112]. Отсутствие каких-либо нормализаторских устремлений в творчестве Р. де Кастро приводит современных исследователей к выводу, что "как в прозе, так и в поэзии трудно рассматривать Росалию в качестве классика галисийского языка" [Losada Castro, 1976, 269]. Необходимо учесть и то обстоятельство, что, хотя "Галисийские напевы" считаются началом галисийского возрождения, непосредственного продолжения они не имели ни в творчестве поэтессы, ни в творчестве других писателей, только с начала 70-х годов начинают множиться публикации на галисийском [Carré Aldao 1911, 59, 60].

Другим выдающимся поэтом галисийского возрождения был Эдуардо Пондал Абенте (1835—1917). Вслед за историком М. Мургией он развивал в своей поэзии своеобразный вариант галисийского расизма: этнической основой галисийской нации в противоположность другим народам Иберийского полуострова он считал кельтские племена, населявшие Галлецию до прихода туда римлян (см. выше). Основным его произведением является поэтический сборник "Ветер в соснах" ("Queixume dos pinos", 1886). Веря в

"светлое предназначение расы и народа, который должен вернуть свет народам Иберии" [Losada Castro 1976, 271]. Э. Пондал сознательно подходил к совершенствованию письменного галисийского языка, старался очистить его от вульгаризмов и кастилизмов, не останавливался перед созданием нужных ему новых слов.

Велико значение гражданской поэзии Мануэла Курроса Энрикеса (1851—1908), пылкого республиканца, яростного противника католицизма. Ему принадлежит сборник стихов "Воздух моего края" ("Aires da miña terra", 1880) и пародия на "Божественную комедию" Данте "Божественный сайнет" ("O divino sainete", 1888). Язык его поэзии отличается богатством выразительных средств, сознательным отношением к проблемам литературной нормы. Сопоставление ряда изданий его поэм обнаруживает мучительный процесс поиска истинно галисийских форм, стремление очистить язык от кастилизмов, которые однако часто приводили к неудачам; так, истинно галисийское слово *gargallada* 'смех, хохот' заменяется на псевдогалисизм *carcaxada*; культизм *obsceños* превращается в *ousceños*; выбираются то общеупотребительные формы местоимений, *el, aquel*, то узколокальные *aquiles, ise, istes*. Наблюдаются колебания в орфографии и в морфологии. Заимствования из португальского редки, нет таких диалектизмов, как *gheada* и *seseo* [Couceiro 1977, 107].

Большой популярностью пользовался поэт и прозаик Валентин Ламас Карвахал (1849—1906). В своей костюбристской поэзии и гражданской лирике он рисовал грустные картины сельского быта. Ему принадлежат поэтические сборники "Шипы, листья и цветы" ("Espiñas, follas e frores", 1875—1876), "Галисийские печали" ("Saudades gallegas", 1880) и "Деревенская муза" ("A musa das aldeas", 1890), а также знаменитый "Катехизис крестьянской доктрины" ("Catecismo da doutrina labrega", 1889).

В последние два десятилетия XIX в. публикуется много поэтических сборников других авторов⁶. Большая часть произведений — костюбристского или лирического характера. По инициативе А. Мартинеса Саласара (1846—1923) выпуском галисийской литературы занялось издательство *Biblioteca Gallega*, основанное в 1886 г.; галисийские книги выходили и в других издательствах.

Галисийская проза в XIX в. развивалась очень слабо⁷. Только в последней трети XIX в. начинают появляться новеллы и повести на галисийском. Преобладание поэзии, в основном кратких ее форм, удобных для опубликования в периодической печати, было обусловлено отсутствием широкой массы читателей; издание больших прозаических произведений было невозможно по экономическим причинам. Первым значительным произведением галисийской прозы явилась повесть Марсиала Вальядареса Нуньеса (1821—1903) "Машина, или Незаконная дочь" ("Maxina ou a filla espúrea", 1880). В повести показано отрижение двуязычие галисийского общества: если крестьяне

⁶ О галисийской поэзии XIX в. см. [Varela 1958; Fernández del Riego 1976, Candeago Alvarez 1978].

⁷ О галисийской прозе XIX в. см. [Varela Jácome 1957].

говорят по-галисийски, то господа, даже общаясь с крестьянами, всегда говорят по-кастильски; комические персонажи изъясняются на галисизированном кастильском — кастрапо. Значение прозы М. Вальядареса велико, если учесть, что ему пришлось разрешать многочисленные проблемы лексического, морфологического и синтаксического характера без опоры на солидную традицию. Автор постарался отразить в своей новелле огромные лексические богатства галисийского языка, превратив ее в настоящий "музей языка", по выражению Р. Карбальо Калеро [Carballo Calero 1975, 92,93]⁸.

В конце века публикуются исторические романы Антонио Лопеса Феррейро (1837–1910): "Ткачиха из Бонавала" ("A tecedeira de Bonaval", 1894), "Замок Памбре" ("O castelo de Pambre", 1895), "Голубиное гнездо" ("O nido de rombas", 1905). Его романы, отличающиеся лексическим богатством, сыграли большую роль в развитии письменного галисийского языка; А. Лопес Феррейро сознательно подходил к задаче укрепления письменной традиции, но для него, как и для многих других литераторов, письменный галисийский язык являлся по-прежнему более или менее верным отражением разговорного языка.

Так же слабо развивалась драматургия. Пьесы, написанные на галисийском, могли быть поставлены только силами кружков любителей, поскольку профессиональные актеры не могли изъясняться по-галисийски. Профессиональная театральная деятельность в Галисии ограничивалась гастролями кастильских трупп. Первой галисийской пьесой, поставленной и опубликованной в Ла Корунье в 1882 г., была драма "Клятвенный источник" ("A fonte do xuramento") Франсиско Марии де ла Иглесиа (1827—1897), которая положила начало реализму костюбристского толка в драматургии. Наиболее плодовитым автором был Гало Салинас, написавший около двадцати пьес невысокого художественного уровня. Основными чертами драматургии этого периода являлись преобладание сельской тематики, стихотворная форма, лиризм, романтический дух. Позднее появляются пьесы на исторические темы [Lourenzo, Pillado Mayor 1979,45,46].

Любопытное явление представляют собой первые переводы библейских текстов на галисийский, сделанные в середине XIX в. в чисто филологических целях и стоящие вне процесса возрождения галисийской литературы. В 1857 г. в галисийском переводе была опубликована "Питча о блудном сыне" ("Parábola do Fillo Pródigo") из Евангелия от Луки. Этот перевод был помещен в качестве приложения к книге: *M. Peris y Ramona. Historia de la Lengua y de la Literatura Catalana* Barcelona, 1857 — наряду с переводами той же притчи на другие языки и диалекты Пиренейского полуострова для доказательства их сходства. В 1861 г. в Лондоне был опубликован галисийский перевод Евангелия от Матфея, сделанный по заказу Л.Л. Бонапарта Х. Санчесом де

⁸ Подробнее о языке повести см. [Vázquez Cuesta 1976].

Санта Мария. Переводу предпосланы в качестве предисловия "Сравнительные заметки о галисийском, астурийском, кастильском и португальском произношении". Как известно, Л.Л. Бонапарт заказывал переводы Евангелия на многие языки в целях изучения их грамматики и лексики; используя переводы в качестве исходного материала, он действовал в духе Фатера и Аделунга. Таким образом, выйдя за пределы Галисии, галисийский язык в качестве объекта лингвистических штудий роковым образом оказался связанным с отмиравшей лингвистической традицией и так и не привлек внимания компаративистов. Будучи отпечатанным в 250 экземплярах, галисийское Евангелие осталось неизвестным испанским эрудитам и не послужило стимулом для развития галисийской прозы [Alonso Montero 1977, 87—97]. Имеются также другие, рукописные переводы Евангелия на галисийский.

Большую роль в развитии публицистики на галисийском сыграла периодика; в 1874—1880 гг. издавался двуязычный еженедельник "El Heraldo Gallego", а в 1876—1889 гг. В. Ламас Карвахал издавал популярный еженедельник "O Tío Marcos da Portela", печатавшийся целиком на галисийском. Также целый ряд других местных газет помещал статьи на галисийском.

Говоря об общих особенностях письменного галисийского языка XIX в., необходимо отметить, что применительно к этому периоду речь может идти только о письменном языке — языке художественной литературы, в меньшей мере публицистики, но не о литературном языке в полном смысле этого слова, т.е. о кодифицированном языке в его устной и письменной разновидностях, обладающем полной функциональной парадигмой. Сами галисийцы, говоря о родном языке, называли его *dialecto* (или *idioma*), понимая это слово, конечно, не в современном терминологическом значении; под "диалектом" понимался некий "неофициальный", провинциальный язык, нуждающийся в защите от всепроникающего влияния господствующего языка (при цитировании мы условно переводим слова *dialecto*, *idioma* словом "наречие"); этот термин был лишен пейоративной окраски.

В отличие от возрождения каталанского языка и литературы литературное возрождение в Галисии происходило в условиях отсутствия регулярной письменной традиции, начиналось почти с нуля. В середине XIX в. средневековая лирика еще не были известна широкой публике; издания соответствующих текстов стали появляться в последней четверти XIX в. и в начале XX в. Поэтому единственной основой письменного языка в первой половине XIX в. могла служить разговорная речь в ее диалектных разновидностях, в различной степени кастилизированная. Неудивительно, что первые попытки фиксации галисийского на письме характеризуются "диалектальностью"; первоначально пишущие следовали своему родному говору с его многочисленными кастилизмами [Carballo Calero 1974, 35, 36]. Следующую стадию развития письменного языка галисийские филологи называют "интердиалектальностью", когда писатели имитируют друг у друга диалектные особенности в стилисти-

ческих целях и тексты представляют собой всевозможные комбинации диалектных черт.

Письменный галисийский язык XIX в. — это фактически литературный диалект, а не литературный язык. В стремлении поднять галисийский до уровня литературного языка писатели не имели ясных представлений, каким должен быть этот язык. В Галисии отсутствовали какие-либо авторитетные лингвистические институты, издания, не было писателей, язык которых можно было бы признать образцовым, не было и определенного в социальном и географическом отношении слоя населения (например, столичная буржуазия), на речь которого могли бы ориентироваться нормализаторы языка. Сфера функционирования письменного языка оставалась узкой, в основном это была художественная литература. Личную переписку даже писатели вели на кастильском, на галисийском не произносились речи, не писались научные трактаты; лишь иногда галисийский проникал в историографию [Carballo Calero 1975, 571]. Все это не позволило возвести галисийский язык в XIX в. в ранг литературного, произвести необходимую унификацию форм. "Письменный галисийский язык XIX в., как и кастильский XII в., пробует формы, примеривает фонемы и морфемы" [Carballo Calero 1974, 36]⁹.

Необходимо отметить также следующие особенности литературного движения в XIX в. Писатели галисийского возрождения рассматривали чаще всего свой язык как нечто самостоятельное, независимое как от кастильского, так и от португальского. Поэтому ни кастильский, ни португальский не могли служить им моделью литературного языка. Например, галисийский поэт Ф. Аньон, живший в Португалии и писавший по-португальски, и не помышлял об обогащении галисийского за счет португальского, но зато грешил кастилизмами [Carballo Calero 1976, 36, 37]. Влияние португальского языка на галисийский в области лексики было незначительным. Ш. Алонсо Монтеро выражает сомнение относительно португальского происхождения слитной формы артикля и предлога *ao* (<*a+o*), получившей распространение в XIX в. наряду с формой *ó*. Видимо, те, кто писал *ao*, ошибочно полагали, что отражают реальное произношение. В конце XIX в. развернулась настоящая филологическая полемика между *oístas* и *aoístas* [Alonso Montero 1970, 46 и сл.]. По-иному, как мы увидим ниже, станет рассматриваться соотношение галисийского и португальского в XX в.

Отмечая отсутствие унификации письменного галисийского языка, необходимо иметь в виду, что она не только являлась результатом описанных выше факторов, но и в какой-то мере сознательно сохранялась писателями, которые противопоставляли независимый галисийский язык как язык региональный, крестьянский, а потому сохраняющий всю свою живую непосредственность и

⁹ Яркую характеристику орфографического, грамматического и лексического хаоса в галисийской литературе конца XIX в. дал Э. Карре Алдас в своей превосходной истории галисийской литературы [Carré Aldao 1911, 83 и сл.]

неотделанность, испанскому литературному языку как строго регламентированному языку угнетающей нации [Alonso Montero 1968a, 117]. Этот дух языкового анархизма галисийская языковая традиция сохранила и по сей день.

Параллельно с возрождением галисийской литературы рос интерес к галисийскому языку как одному из проявлений народного духа. В 60-е годы публикуются два словаря и четыре грамматики галисийского языка. Первый галисийско-кастильский словарь был опубликован в 1863 г.: *F. Javier Rodríguez. Diccionario gallego-castellano. Coruña, 1863*. В том же году были опубликованы два листа грамматики и словаря *P. Алвареса де ла Браньи: R. Alvarez de la Braña. Gramática y vocabulario del dialecto gallego, Madrid, 1863*. Был опубликован также галисийско-кастильский словарь *X. Кувейро Пиньоля (1876)* и наиболее полный словарь *M. Вальядареса: M. Valladares. Diccionario gallego-castellano. Santiago, 1884*; ряд словарей был завершен в рукописи, но не издан. В 60-е годы были изданы также три грамматики — *Ф. Мираса (1864)*, *X. Кувейро Пиньоля (1868)* и *X.A. Сако-и-Арсе (1868)*.

Первой полной печатной грамматикой галисийского языка является небольшая книжечка *Ф. Мираса*, имеющая, однако, пространное заглавие: *F. Mirás. Compendio de gramática gallega-castellana, con un vocabulario de nombres y verbos gallegos y su correspondencia castellana, precedidos de unos diálogos sobre diferentes materias. Un grandioso poema de 100 octavas titulado La Creación y Redención. Un extracto de Fábulas de los mejores fabulistas así como algunas del autor. Santiago, 1864*. Само название грамматики (вроде словаря: галисийско-кастильская) и обозначаемая автором в предисловии цель издания не оставляют никаких сомнений в том, что эта грамматика не имеет никакого отношения к возрождению галисийского языка и литературы: "Поскольку в Галисии, чьи ярмарки так многолюдны, случается, что многие, слушая речь крестьянина, не могут понять его, как мы наглядно покажем это в различных диалогах на несколько тем, которые будут приведены в Компендии, мы решили издать его [Компендий], чтобы было возможным понимать это наречие, которое, подобно баскскому, каталанскому, астурийскому и другим, имеет свои особые обороты, пока не настанет время, когда цивилизация... превратит нас в одну единственную нацию и притом с одним и тем же языком. Честно говоря, удивительно, как в одном и том же королевстве сохраняются различные наречия, такие, что даже сами жители не могут их понять" [Mirás 1978, 6].

В предисловии к факсимильному изданию грамматики *Ф. Мираса* *Ш. Алонсо Монтеро* справедливо отмечает, что у автора нельзя обнаружить стремления возродить галисийский язык, нет у него и пуристических наклонностей, писательское дарование также отсутствует, хотя грамматика иллюстрируется диалогами и стихотворениями собственного изготовления.

В первой главе грамматики приводятся формы "склонения" (ро-

да и числа) артикля, указываются способы выражения падежных значений существительных с помощью предлогов; здесь автор следует латинизирующей традиции видеть падежи там, где их нет. То же наблюдается в главе о местоимениях, где между прочим приводятся такие кастилизированные формы, как *posoutros*, *vosoutras*, вместо *pós* и *vós*. В главе, посвященной глаголу, приводятся парадигмы спряжения с вспомогательным глаголом *haber*, которые современной нормой отвергаются как вопиющие кастилизмы. К грамматике прилагается галисийско-кастильский словарь. Далее следуют диалоги, поэма, басни, приводимые автором в качестве иллюстраций. Из них наибольший интерес представляют диалоги, в которых отражены такие особенности диалектной разговорной речи, как *seseo*, *gheada*, многочисленные кастилизмы. Принципов отражения автором разговорной речи мы не знаем, поэтому следует осторожно относиться к высказываемому иногда утверждению, что грамматика, словарь и тексты Ф. Мираса представляют собой верный "снимок" сельского говора в окрестностях Сантьяго.

Определенную ценность для своего времени представляла грамматика Х.А. Сако-и-Арсе (*A. Saco y Arce. Gramática Gallega. Lugo, 1868*), хотя с современной точки зрения ее филологический уровень довольно низок [Alonso Montero 1970,30]¹⁰.

В 1982 г. была завершена в рукописи грамматика Марсиала Вальядареса, которая в свое время опубликована не была. Эта грамматика носит исключительно нормативный характер, хотя М. Вальядарес нередко отмечал вариативность форм, не навязывая выбор одной из них в качестве обязательной: *edá/ edade*, *salú/ salude*, *pazón/ nación* [Valladares 1970,33]. Его книга содержит множество подробных сведений о фонетических и морфологических особенностях галисийского языка, в то же время в морфосинтаксисе и синтаксисе он часто выбирает в качестве образца кастильский, отбрасывая исконно галисийские конструкции. Так, он не рекомендует употреблять спрягаемый инфинитив, перифрастический герундий *a + infinitivo* (*anda pedindo*, а не *anda a pedir*), предлог *en* после глагола *ir*, считает обязательным присутствие предлогов в перифразах *ir a + infinitivo* (*vou á ver*, а не *vou ver*) и *haber de + infinitivo* [Там же, 108,109]. Все отвергаемые им черты стали позднее характерными для литературной нормы. Вслед за другими филологами М. Вальядарес отвергает также такие диалектизмы, как *gheada* и энтези [i] (последняя допускается в современной норме) [Carballo Calero 1971, 255—260; 1974, 34,35; Moralejo Alvarez 1977,86].

В XIX в. были изданы некоторые труды М. Сармьенто: *Recopilación de muchas palabras, vocets y frases de la lengua gallega. Pontevedra, 1859*; *Estudio sobre el origen y formación de la lengua gallega, 1880* с примечаниями М. Мургии.

В 1886 г. была опубликована трехтомная антология А. де ла Иглесиа (1822—1892), в которой были помещены произведения га-

¹⁰ Об этой грамматике см. подробнее [Васильева-Шведе 1983, 130,131].

лисийской литературы, в основном XIX в., а также XVI—XVIII вв. [Iglesia 1977]. Антологии предпослаиа апология галисийского языка, возникновение которого автор относит к VII и даже VI в.; Иглесиа обнаруживает литературные тексты на галисийском уже в IX и X вв.! Отмечая древность галисийского, он в то же время подчеркивает стабильность его форм и структур. Поскольку рассуждения автора далеки от науки, в этой части его антология давно потеряла свое значение.

Мнение о древности галисийского, о его предшествовании во времени кастильскому и португальскому было широко распространено и служило обоснованием определения галисийского как самостоятельного языка. В связи с этим подчеркивалась и особая близость галисийского к латыни.

Распространено было мнение и о кельтской основе галисийского языка¹¹, в чем Ш. Алонсо Монтеро усматривает раннее проявление дифференциализма: спасение своей национально-языковой самобытности галисийская интеллигенция видела в противопоставлении своих этнических и языковых корней остальной Испании [Alonso Montero, 1970,35].

Наряду с латинскими и кельтскими истоками в галисийском усматривали греческие корни; А. де ла Иглесиа в сонете "Галисийский язык" (1862) утверждал, что галисийский "происходит от кельтского и латыни и греческого". Привлекало внимание сходство греческих и галисийских дифтонгов (Х.А. Сако-и-Арсе), даже форм артикля. Подобные поиски "благородного" происхождения языка, характерные для национальных филологий в пору их становления, во второй половине XIX в. представляются совершенно архаичными и свидетельствуют о глубокой провинциальности галисийской филологии. Мы уже говорили о том, что она развивалась в отрыве от романской филологии в целом. Положение не изменилось и с опубликованием первой исторической грамматики галисийского языка В. Гарсии де Диего: *V. García de Diego. Elementos de gramática histórica gallega*. Burgos, 1906. Быстро став библиографической редкостью, эта книга выдающегося испанского диалектолога и компаративиста оказалась недоступной галисийским филологам того времени, чуждой их интересам.

¹¹ Например, М. Мургия, выступая в качестве президента Цветочных игр в 1891 г., говорил в своей речи, произнесенной на галисийском: "Кельтский передал ему [галисийскому] свою мягкость и большую часть словаря; язык римлян укрепил его, от свевского он воспринял гибкость, от нашего сердца идут его ласковые интонации, нежные звуки и чувства кельтских племен (цит. по [Faleiro Galego 1971, 11]).

ПИСЬМЕННЫЙ ГАЛИСИЙСКИЙ ЯЗЫК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Период от начала века до поражения республиканцев в гражданской войне 1936—1939 гг. — это период подъема националистического движения в Галисии, дальнейшего развития галисийской литературы и культуры в целом и расширения употребления письменного галисийского языка. Вместе с тем этот период нельзя считать переломным в истории галисийского литературного языка, так как качественных изменений в его состоянии и функционировании не произошло.

Переход от регионализма к собственно националистической идеологии связывается с образованием Братств речи (*Irmãdades de Fala*), культурно-политических объединений, которые начали возникать в различных городах Галисии с 1916 г. Органом этих Братств стал журнал "Наша земля" ("*A Nosa Terra*"). Целью Братств речи являлось пробуждение коллективного сознания галисийского народа для защиты своей самобытности и для борьбы с каскизмом. С 1918 г., когда состоялась Ассамблея Братств речи в Луго, эти объединения становятся настоящим движением галисийских националистов, которые выдвигали, в частности, требование придания галисийскому статусу коофициального наряду с кастильским [*Calicia. Catro documentos socio-políticos* 1978,65]. С политической точки зрения Братства речи были объединением разнородных тенденций; четкой политической программы, включающей наряду с культурными и языковыми проблемами социально-экономические, у них не было [*García Negro* 1984,88,89]. Социальной основой этого движения были интеллектуалы — выходцы из среды мелкой буржуазии, которые вели борьбу за освобождение крестьянства как ведущей социальной силы Галисии.

Галисийский язык с начала XX в., хотя и очень робко, начинает проникать в такую сферу, как политическая пропаганда и агитация, митинги и собрания. Впервые публичное использование галисийского отмечается в октябре 1907 г. в г. Бетансосе на митинге "Галисийской солидарности", организации, которая сознательно занималась языковым вопросом. Речь произнес Мануэл Лугрис Фрейре (1863—1940), автор галисийской грамматики. В манифесте "Галисийской солидарности" 1907 г. говорилось: "... в Каталонии существует [местный] язык, полный жизни в литературе и в быту; этот язык является тем сильнейшим средством объединения и отстаивания самобытности. В Галисии он не имеет такой силы, хотя и является единственным языком для пяти шестых населения" (цит. по [*Alonso Montero* 1973,88]). В 1908 г. эта организация публикует "Катехизис солидарности" на двух языках. На двух языках проводились и митинги в сельской местности. В отличие от этого образованная в 1912 г. "Лига галисийского действия", защищавшая интересы крестьян, вела свою пропаганду на кастильском [Там же, 87]. Настоящим средством пропаганды среди крестьян галисийский становится в 1918 г., когда состоялась первая

Ассамблея Братств речи в Луго. В это же время появляются требования введения галисийского языка в систему преподавания. В 1923 г. движение Братств речи было подавлено в связи с установлением диктатуры Примо де Риверы.

В конце 20-х — начале 30-х годов происходит организационное оформление националистических партий: Автономной галисийской республиканской организации, Галисийской республиканской националистической партии, Гальегистской партии. Из них только Гальегистская партия, образованная в 1931 г., использовала галисийский в печати и на митингах. Она требовала нормализации положения родного языка, объявления его коофициальным наряду с испанским и введения его в систему образования (Rodríguez 1976b, 230]. Рабочее движение, левые партии относились к гальегизму настороженно; в своей политической деятельности они не пользовались галисийским, языковым вопросом в Галисии не занимались.

Что касается демографической ситуации в Галисии, то, с одной стороны, наблюдался рост населения, которое к 1920 г. перевалило за два миллиона, с другой стороны, по причине неблагоприятной экономической ситуации продолжалась эмиграция населения, которая особенно усилилась в годы гражданской войны; в это время образовались новые значительные галисийские колонии в США, Мексике, Венесуэле, Уругвае.

Никаких лингвистических институтов, которые сосредоточили бы свои усилия на стабилизации норм галисийского языка, в рассматриваемый период не возникло. В 1906 г. начала свою работу Галисийская академия (Real Academia Gallega), первым президентом которой стал М. Мургия. С самого начала работа Академии осуществлялась на кастильском языке, исключение представляли лишь вступительные речи новых членов (Piñeiro 1972, 76, 77). Отделение языка в Галисийской академии не проявляло особой активности. Словарь галисийского языка не был доведен даже до буквы D.

Ощутимое воздействие на деятельность галисийских филологов оказали публикации памятников средневековой галисийско-португальской литературы, в частности публикация Мартинесом Саласаром "Троянской хроники" в 1900 г. Средневековая лексика, грамматические формы начинают не только использоваться поэтами и прозаиками, но и фиксироваться словарями; так, материал "Троянской хроники" использовал Сесар Ваамонде при редактировании статей академического словаря. Здесь возникает еще одна проблема конституирования литературного языка: в какой мере современный письменный язык может воспринимать галисийско-португальские элементы? Если в произведениях ряда поэтов введение архаизмов могло получать какое-то оправдание стилистическими заданиями, то в галисийской лексикографии обращение к старому языку создало настоящую мешанину из архаичных и современных форм в словарях.

В 1923 г. группа университетских студентов, собравшись в деревне Ортоньо, где прошло детство Р. де Кастро, основала Се-

минар галисийских исследований, подразделявшийся на ряд секций. Семинар просуществовал до 1936 г. Основное значение Семинара для истории галисийского языка состоит в том, что галисийский благодаря разнообразной научной деятельности его участников завоевал сферу научной прозы. Собственно языковедческие исследования в Семинаре почти не велись; профессиональных лингвистов в этом кружке не было, филологическая секция существовала номинально. Семинар был двуязычным, работы представлялись на галисийском и кастильском, заседания велись на галисийском. С 1923 г. Семинар занялся проблемой орфографической унификации. А. Коусейро Фрейномил (1888—1954) представил, а затем опубликовал основы галисийской орфографии. В 1931 г. была назначена специальная комиссия, и в 1933 г. были разработаны нормы орфографии, предназначенные прежде всего для нужд членов Семинара. По мнению Р. Карбальо Калеро, для орфографии Семинара галисийских исследований характерны фонетический принцип, проникновение вульгарных и диалектных форм, явление дифференциализма (например, в конце слов рекомендовалось писать всегда -s, а не -z, поскольку фонема /θ/ признавалась принадлежностью кастильского, но не галисийского языка). Вообще же для языка участников Семинара характерны отсутствие единой ориентации, произвол в выборе форм, обилие псевдогалнлизмов [Carballo Calero 1978, 13—18]. Ш. Филгейра Валверде и другие начали публикацию галисийско-кастильского словаря, но не довели ее до конца.

20-е — 30-е годы XX в. — время подлинного расцвета галисийской литературы. Большое значение для развития галисийской культуры имело издание с 1920 по 1935 г. журнала "Мы" ("Nós". Boletín mensual da cultura galega). Изданием журнала руководили прозаик и историк Висенте Риско (1884—1963) и выдающийся галисийский писатель и художник Альфонсо Кастелао (1886—1950). Вокруг журнала сплотилась группа передовой галисийской интеллигенции, которая в истории галисийской литературы получила наименование «Поколение "Мы"». В журнале сотрудничали такие ставшие впоследствии известными писатели, как Ф.Л. Куэвильяс, Р. Отеро Педрайо, Л. Амадо Карбальо, Э. Бланко Амор, Ф. Боуса Брей, Р. Кабанильяс, Р. Карбальо Калеро, Л. Карре Альварельос, А. Куикейро, А. Фолс, Ш. Филгейра Валверде, А. Иглесиа Алвариньо, А. Норьегу Вирела, А. Вилар Поинте.

В интеллектуальном плане поколение "Мы" представляло собой настоящую литературную элиту, жизнь и деятельность которой протекала в стороне от народных масс; традиции гражданской поэзии Курресо Энрикеса и других поэтов XIX в. были забыты [Alonso Montero 1968a, 140, 141]. Народу галисийская литература оставалась по-прежнему недоступной, поскольку грамотность на галисийском была едва распространена [Piñeiro 1978, 9 и сл.; Losada Castro 1976, 282]. Все же значение этих писателей для развития галисийской литературы и языка было велико. Если до поколения "Мы" галисийская литература носила фольклорный, костюм-

бристский характер, то теперь происходила модернизация, европеизация ее. Писатели «Поколения "Мы"» по праву считаются создателями современной галисийской прозы, не только художественной, но и научной [Moralejo Alvarez 1977, 87]. Для их творчества были характерны ориентация на португальский язык и язык галисийско-португальской литературы, неприятие диалектизмов и кастилизмов и предпочтение тем элементам галисийского языка, которые отличают его от испанского (дифференциализм).

Журнал "Мы" был органом галисийской культуры без какой-либо определенной политической ориентации. До 1936 г. издательство журнала "Мы" опубликовало также около ста книг на галисийском. Для поэзии поколения "Мы" была характерна прогрессирующая деполитизация и усиление контактов с европейской поэзией, прежде всего с французской. Многочисленных последователей имели поэты экспрессионистического направления Манозл Антонио Перес Санчес (1900—1928) и Луис Амадо Карбальо (1901—1927). К поэтам, преодолевшим в своем творчестве модернистские влияния, принадлежат Антонио Норьега Варела (1869—1947) и Рамон Кубанильяс (1876—1959), "классик галисийской поэзии" [Hernández 1974, 109]. С опубликованием в Коимбре "Песен о милом" из галисийско-португальской лирики связано возникновение поэзии "неотрубадуrows", в которой был осуществлен синтез средневековой лирики и современной поэзии. Зачинателем этого направления был Фермин Боуса Брей (1901—1973), опубликовавший в 1932 г. сборник "Одинокый корабль" ("Nao senlleira"). К неотрубадурам принадлежал также поэт и прозаик Алваро Кункейро (род. в 1911 г.). Вне литературных направлений стоял Луис Васкес Пиментел (1895—1958), соединявший в своей поэзии элементы символизма и импрессионизма¹².

В прозе наблюдается преобладание очерка над романом. К старшему поколению прозаиков, родившихся в 1880-1890 гг., принадлежат Р. Отеро Педрайо (1888—1976), А. Кастелао, Ф. Куэвильяс (1886—1958) и В. Риско, автор литературного манифеста "Мы, неприспособленные" ("Nós, os inadaptados", 1933). Кроме художественной прозы перу этих авторов принадлежит ряд фундаментальных исследований по истории культуры Галисии. Ко второму поколению прозаиков принадлежат Р. Диесте, Э. Монтеc, Э. Корреа Калдерон и др.

Драматургия была представлена на галисийском гораздо слабее. В 1919 г. была создана Национальная консерватория галисийского искусства, которая с 1922 по 1926 г. называлась Галисийской драматической школой. Руководил Школой Леандро Карре Алварельос (1888—1976), издатель, переводчик, автор галисийского словаря и грамматики, новеллист и драматург. Чаще всего ставилась пьеса "Идальго" ("O Fidalgo", 1918) Ш. Сан-Луиса Ромеро (1872—1966), направленная против касикизма; популярностью пользовались также пьесы А. Родригеса Элиаса (1872—1958). Позже чрезвычайную популярность приобрела комедия А. Кастелао "Старикам влюбляться

¹² О галисийской поэзии XX в. см. [Carballo Calero 1955].

не положено" ("Os vellos non deben de namorarse"), впервые поставленная в Буэнос-Айресе в 1941 г. С 1936 г. издание литературы на галисийском прекращается, и до 1946 г. единственным опубликованным по-галисийски произведением оказывается сарсуэла Ш. Траперо Пардо "Не плачь, Сабелинья" ("Non chores, Sabeliña"), поставленная в 1943 г. в Луго. В этот период галисийские книги, главным образом поэзия, публикуются в эмиграции, в основном в Аргентине.

Перед самой войной создались необходимые условия для официального признания галисийского в качестве языка автономной Галисии. 28 июня 1936 г. был проведен плебисцит по вопросу о принятии Статуса автономной Галисии, в котором галисийский язык признавался коофициальным наряду с испанским и допускался в администрацию и систему начального образования. В средних школах и педагогических училищах должны были быть введены предметы "галисийский язык, история, литература", хотя само обучение велось на испанском языке. В сношениях с центральным правительством и другими областями Испании должен был использоваться испанский язык [Alvarez 1976, 15]. Однако Статут не успел пройти ратификацию в парламенте, когда разразилась гражданская война [O estatuto de Galicia... 1971]¹³.

ГАЛИСИЙСКИЙ ЯЗЫК НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СВОЕГО РАЗВИТИЯ

Во франкистской Испании не было издано каких-либо законов или указов, запрещающих использование галисийского языка, но фактически внутренняя политика режима игнорировала наличие нескольких национальностей в пределах одного государства; единственным языком печати, администрации и образования в Галисии был испанский. Выход печатной продукции на галисийском прекратился фактически полностью после 1936 г. В 40-50-е годы большинство книг на галисийском печаталось в странах Латинской Америки. В "американский период" истории галисийской литературы и языка (1936—1955) культурной столицей галисийцев становится Буэнос-Айрес с его Галисийским центром. В Буэнос-Айресе продолжали творить Э. Бланко Амор, Р. Диесте, А. Кастелао, А. Фолле, Л. Сеоане и другие писатели, издавалось несколько серий галисийской поэзии и прозы [O libro galego e discusión 1974, 6, 7].

Несмотря на неблагоприятную политическую ситуацию, в самой Галисии в 1950 г. удалось основать издательство Галаксия, которое занялось выпуском книг на галисийском. В работе издательства принимали участие такие известные деятели галисийской культуры, как Р. Отеро Педралло, Р. Пиньейро, Ф. Фернандес дель Риго, и др. Первой книгой, выпущенной издательством Галаксия в 1951 г., были антология народной песни "Antifona de

¹³ О драматической судьбе Статута см. [Castelao 1977, 144].

cantiga". Затем были изданы три сборника очерков различных авторов: "La Saudade" (1953), "Paisaxe e cultura" (1955), "Sete ensaios sobre Rosalía" (1952). Несмотря на скромные масштабы, деятельность издательства в 50-е годы позволила хоть в какой-то мере поддержать письменную традицию. Галаксия издает также журнал "Грааль" ("Grial". Revista da Cultura Galega) и "Галисийский экономический журнал" ("Revista de Economía de Galicia"). В этом издательстве были опубликованы переводы произведений Плавта, Платона, Омара Хайяма, Ануя и других классиков мировой литературы [Alonso Montero 1968b; O libro galego a discusión 1974,75].

В 60-е годы поток галисийских эмигрантов направляется в основном в страны Западной Европы, и культурная деятельность галисийских центров в Латинской Америке становится менее значительной [Cambre Mariño 1974,96]. Зато в самой Галисии открывается ряд новых издательств: Селта, Шистрал, Септ, Кастрелос, Эдисьос до Кастро и др. Книги выходят, однако, небольшими тиражами и остаются малодоступными широким массам¹⁴.

В отличие от предыдущих периодов интенсивно развивается галисийская проза. Наиболее видными ее представителями являются писатели старшего поколения: Э. Бланко Амор, А. Кункейро, А. Фоле, К. Касарес. В 60-е годы на сцену выходит послевоенное поколение писателей, чьи произведения издательство Галаксия публикует в серии *Illa nova*: Ш.Л. Мендес Феррин, Г. Родригес Моурульо, Ш. Касал, Ш. Нейра Вилас и др. С 70-х годов начинает развиваться театр; наряду с оригинальными пьесами публикуется много переводов произведений классической и современной драматургии. Современную галисийскую поэзию представляют такие имена, как Селсо Эмилио Феррейро и Мануэл Мария Фернандес Тейшейро. С середины 70-х годов начинает появляться и периодика на галисийском.

В 60-е годы предпринимаются отдельные попытки преподавания галисийского языка в частных учебных заведениях. В 1971/72 учебном году галисийский язык преподавался уже в 13 школах [Marbán 1980]. В 1965 г. в университете Сантьяго-де-Компостелы вводится предмет "галисийский язык и литература" для студентов факультета философии и филологии. В 1971 г. при университете был создан Институт галисийского языка с целью стандартизации орфографии, выпуска учебников и словарей. Трехтомный учебник галисийского языка для испаноговорящих [Gallego 1975; Galego 1976; 1977], изданный этим Институтом, представляет собой уникальное издание для "малых" романских языков; кроме систематических сведений о внутреннем строе галисийского языка учащийся получает различные сведения об истории, культуре, обычаях галисийцев; это настоящий учебник "галисийского языка и цивилизации".

С 1972 г. галисийский вводится как предмет изучения в неко-

¹⁴ Об издательской деятельности в Галисии дают представление библиографические справочники [Catálogo de libros en galego 1974; 1978; Vilariño Pintos, Pardo Gómez 1981].

торых средних учебных заведениях и вузах; он также изучается на курсах для взрослых, организуемых различными культурными организациями. С 1975 г. начали работу курсы по подготовке преподавателей галисийского языка.

После установления в 1975 г. конституционной монархии вместе с процессом автономизации отдельных областей Испании происходит выработка законодательства, относящегося к функционированию кастильского и региональных языков, которое постоянно подвергается критике за расплывчатость формулировок и за половинчатость решения языкового вопроса.

Королевским декретом от 10 мая 1979 г. местным органам самоуправления было разрешено пользоваться как местным, так и кастильским языком. По специальному решению местные органы могут вести делопроизводство на региональном языке, пользоваться им в дебатах; однако корреспонденция, направляемая в государственные органы, суд, трибуналы, в органы недвухязычных областей, должна составляться на кастильском. Также на кастильском составляется корреспонденция, идущая из центра на места [Legislación Preautonómica 1980, 79].

Королевский декрет от 20 июля 1979 г. регулирует положение галисийского языка в системе образования. В качестве обязательного предмета галисийский вводится в учебные планы дошкольных учреждений, начальной и средней школы и в систему профессионального образования первой ступени. С 1979/80 учебного года учебные программы в государственных и частных школах могут разрабатываться на галисийском или кастильском в зависимости от родного языка учащихся, от желания родителей и от наличия необходимых средств для обучения на галисийском. Предписывается создание кафедр галисийского языка и культуры в педагогических школах, готовящих учителей для средних школ. Галисийский язык и культура вводятся в программу подготовки бакалавров. Предусматривается создание курсов повышения квалификации учителей галисийского языка [Legislación Preautonómica 1980, 748].

В указе от 1 августа 1979 г. обращается внимание на недопустимость ограничений в изучении кастильского и иностранных языков. На изучение галисийского отводится три часа в неделю в начальной и средней школе и два часа в неделю в профессиональных училищах [Там же, 750]¹⁵.

Несмотря на значительную нормализацию положения литературного галисийского языка языковая ситуация в Галисии продолжает оставаться сложной. В других разделах книги будут рассмотрены важнейшие особенности литературного языка на современном этапе его развития, здесь же укажем на некоторые черты языковой ситуации в Галисии вне сферы функционирования письменного языка¹⁶. Сферу устной коммуникации характеризует конкуренция следующих языковых состояний.

1. Галисийские говоры в более или менее чистом виде распрост-

¹⁵ О последующем законодательстве см. [García Negro 1984, 11].

¹⁶ О языковой ситуации в современной Галисии см. также [Степанов 1976, 144—162; 1983].

ранены только в сельской местности, расположенной вдали от больших городов. На них говорит только старшее поколение (люди старше 50 лет).

2. Наиболее обычным средством общения для среднего поколения в деревне (30—50 лет) служит так называемое чапуррао (chapurrao) — кастилизированная форма галисийского. В городе чапуррао как исключительное средство общения характерно для старшего поколения в рабочих семьях. Среднее и молодое поколение рабочих и все поколения низшего слоя средней буржуазии двуязычны, т.е. владеют кастильским и чапуррао. В деревнях молодое поколение также постепенно овладевает кастильским.

3. Галисизированный кастильский язык — кастрапо (castrapo, castejano) является нормальным средством общения для городских жителей, единственным средством для средней буржуазии и почти единственным средством для мелкой буржуазии и многих рабочих [Rabanal 1967, 18].

Данные, собранные в г. Сантьяго-де-Компостела и его окрестностях в 1975 г., свидетельствуют о 'большем распространении чапуррао по сравнению с кастрапо [García 1976, 339—342]. К. Гарсия подробно описал основные особенности чапуррао. Важнейшие из них — это ослабление противопоставления фонем /e/ и /ε/, /o/ и /ʊ/ в пользу открытых гласных как результат замены многих галисийских слов кастильскими, колебания в роде существительных; a leite, a sal, o ponte, o dor вместо o leite, o sal, a ponte, a dor, регулярная препозиция безударных форм личных местоимений: o veu, lle mandóu вместо véu, mandóulle, употребление кастильских форм cuio и quenes, не существующих в галисийском, безразличное употребление форм che 'тебе' и te 'тебя', опущение определенного артикля перед притяжательными прилагательными, многочисленные кастилизмы в глагольных формах и т.д. [García 1976, 336—338]. Особенно велико, конечно, влияние кастильского в области лексики, которое усилилось в последние десятилетия в связи с распространением средств массовой информации, повышением уровня грамотности на кастильском, быстрого изменения традиционного уклада жизни. Вместе с предметами старого быта исчезает огромное количество галисийских слов, на смену которым вместе с новыми предметами приходят кастильские. Это относится прежде всего к названиям новых товаров, реалиям из сферы транспорта, армии, городской жизни. Однако и самые обычные галисийские слова могут заменяться кастильскими: escoba вместо basoira 'швабра', cuchilo вместо coitelo 'нож', güevos вместо ovos 'яйца', garganta вместо gorxa 'глотка', nusa вместо caluga 'затылок', забываются галисийские названия дней недели и месяцев, такие слова, как abó 'дед', Deus 'бог', frade 'монах'. Тем не менее фонетическая и грамматическая структура галисийских говоров сохраняет удивительную устойчивость и оказывает постоянное влияние на разговорный кастильский язык в Галисии [García 1974, I—III].

Взаимопонятность кастильского и галисийского языков обусловила интенсивность контактов между ними, начало которых можно отнести к концу XVIII в., когда в Галисию начали переселяться

промышленники и коммерсанты из других районов Испании. Хотя приезжие говорили на обычном кастильском языке, их дети, постоянно общаясь с галисийским населением, постепенно восприняли многие черты галисийского языка в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике. В связи с этим можно говорить о региональном варианте кастильского языка в Галисии, для которого характерны, в частности, особая интонация, наличие противопоставления фонем /e/ и /ε/, /o/ и /ɔ/, редукция безударных гласных: *vicino*, *piligro*, *esti día*, переход *a>e* перед *r*: *Marcedes*, наличие таких форм, как *vos*, *alguién*, *estes*, *eses*, *deste*, *nese*, *daquel*, отсутствие аналитических форм глагола с *haber*, употребление формы на -*ga* в значении плюсквамперфекта индикатива и т.д. Меньшее влияние оказывает галисийский на кастильский в области лексики в силу указанных выше причин [Rabanal 1967, 21 и сл.; García 1976, 329 и сл.].

Интересно, что чапуррао и галисизированный кастильский получают разную оценку в устах самих говорящих. Говорящие на галисизированном кастильском, по-видимому, не осознают галисийской окраски своей речи и считают, что говорят на обычном кастильском языке. Говорящие же на чапуррао осознают, что их язык — нечто неправильное, уродливое, не истинный галисийский язык, на котором хорошо говорят только старики или жители глухих деревень [García 1976, 330]. Однако крестьяне, говорящие на более или менее "правильном" галисийском, свой родной язык оценивают невысоко, и для них более престижна речь тех, кто больше употребляет кастильских слов.

Позиции устного галисийского и чапуррао в сельской местности в сфере быта остаются устойчивыми несмотря на сильное давление со стороны кастильского: галисийский используется в семье, в общении с соседями, со всеми теми, кто также владеет галисийским: местными торговцами, священниками, учителями, врачами. Общение с земляками-галисийцами на кастильском представляется совершенно неестественным, смешным. Об устойчивости положения галисийского в быту свидетельствует и то, что им пользуется молодое поколение [Enríquez 1974, XIII].

Владение устными формами существования галисийского языка широко распространено в Галисии. Процент говорящих (по различным оценкам — от 70 до 95%) на региональном языке выше, чем соответствующий процент в Каталонских странах (и исключенном Балеарских островах) и в Стране Басков. Обусловлено это прежде всего тем, что 90–94% населения составляют коренные жители, а уровень иммиграции из других районов Испании невелик [Rojas 1981, 275]. Таким образом, демографическая ситуация благоприятна для распространения литературной формы галисийского языка, поскольку для нее имеется соответствующая социальная языковая база. Однако этому противостоят неблагоприятные тенденции, связанные с низкой престижностью родного языка в галисийском обществе в целом. Если обобщить классовую характеристику носителей галисийских говоров, то окажется, что на нем говорят в основном крестьяне, рабочие, моряки-рыболовы, часть мелкой буржуазии, которым противостоит испано-

язычная крупная и средняя буржуазия и представители государственной администрации [Rodríguez 1976b, 232]. Подчиненное положение галисийского по отношению к кастильскому является в конечном счете отражением экономического подчинения трудящихся Галисии испанскому капиталу.

Любопытные данные о престижности галисийского и кастильского языков приводит К. Гонсалес Перес [González Pérez 1978], исследовавший "языковую ситуацию" в народных сказках. Такие персонажи, как Христос, дева Мария, святые, черти, мавры (в галисийских сказках они являются хранителями кладов), ведьмы, основатели селений говорят всегда по-кастильски в отличие от главных действующих лиц, отправляющихся на поиски сокровищ или заключающих договор с дьяволом. Если в сказке речь идет о чем-либо написанном, будь то письмо или надпись, обязательным является кастильский язык. Также в заговорах важнейшая их часть почти всегда составлена на кастильском, что свидетельствует о господстве этого языка в сфере сакрального.

Традиционно высокая престижность кастильского языка приводит к тому, что в семьях родители, общаясь между собой по-галисийски, к детям стараются обращаться по-кастильски, чтобы те лучше усвоили язык, от хорошего знания которого зависит их будущее экономическое благополучие. Многие родители не против того, чтобы их дети изучали галисийский в школе, но основным языком обучения они считают целесообразным сохранить кастильский.

Процессу дальнейшей кастилизации галисийского общества в последние годы противостоит обратная галисизация, т.е. возвращение к родному языку тех, кто оставил его, получив образование на кастильском и добившись повышения своего социального статуса. Особенно эта тенденция заметна среди молодежи и, несомненно, связана со значительным изменением социально-политического климата в испанском государстве [Rojo 1981, 290, 293].

Церковь в истории Галисии всегда была важнейшим фактором кастилизации. До недавнего времени семинаристам, как, впрочем, и школьникам вообще, запрещалось общаться между собой по-галисийски. После того как Ватикан разрешил отправлять богослужение на родном языке прихожан, галисийские епископы решили, что родным языком галисийцев является кастильский; это вызвало отрицательную реакцию части прогрессивного духовенства и общественности в целом. Лишь в 1969 г. Ватикан подтвердил право галисийского быть языком литургии [Píñeiro 1972, 75, 76; Freixanes 1976, 251 и сл.].

Отрицательно воздействуют на позиции галисийского языка в бытовой сфере кроме упомянутых выше средств информации такие мощные факторы, как эмиграция рабочей силы и туризм. Если раньше галисийские трудящиеся эмигрировали в основном в Латинскую Америку, то теперь поток эмигрантов направляется в европейские страны: в ФРГ, Нидерланды, Францию, Швейцарию. Эмигранты в наибольшей степени подвержены опасности забвения родного языка; своих детей они стремятся обучить кастильскому, чтобы те легче могли пробить себе дорогу в жизни. Развитие же массового туризма приводит к

тому, что галисийцам все более приходится общаться по-кастильски с массой отдыхающих, которые наводняют Галисию летом [Enríquez 1974, XIII—XIV].

По мнению некоторых лингвистов, языковую ситуацию нельзя охарактеризовать как ситуацию диглоссии, поскольку последняя предполагает употребление в разных сферах общения разных языков или сильно различающихся между собой форм существования одного языка. В Галисии же в бытовой сфере используются как испанский, так и галисийский, между которыми наблюдаются сложные диастратические и диафазические отношения [Aragil 1980, 27]. Что касается других сфер коммуникации, в которых до недавнего времени безраздельно господствовал испанский, то современная ситуация характеризуется постепенным проникновением в эти сферы литературного галисийского языка. Важнейшим фактором укрепления его позиций является, конечно, введение его в систему школьного обучения: впервые за всю историю Галисии широкие массы галисийцев получают возможность овладеть собственным языком в литературной форме.

Поскольку окончательная социализация галисийского литературного языка — дело будущего и процесс социализации протекает не без противоречий и в неблагоприятных условиях при сохранении существующих социально-экономических структур, а следовательно, преимущественного положения испанского языка, дальнейшая судьба галисийского языка вызывает обоснованную тревогу у лингвистов и филологов. Дискуссии по этому поводу отличаются высоким накалом и выявляют большое разнообразие точек зрения. Ф. Родригес [Rodríguez 1976a, 234 и сл.] выделяет четыре типа подходов к языковой проблеме: 1) представители "идеологии смерти" высказывают глубокое сомнение по поводу того, что трудящиеся массы могут включить языковой вопрос в программу своих требований, относящихся к социально-экономическим преобразованиям; языковой конфликт рассматривается при этом вне реального контекста, в отрыве от ситуации фактически колониальной зависимости Галисии от центральных властей; "идеология смерти" характерна для трудов известного галисийского филолога Ш. Алонсо Монтеро и для португальского филолога М. Родригеша Лапы, который подходит к языковым проблемам с чисто культурологических позиций; 2) мелкобуржуазные идеологии сохранения двуязычия исключительно с помощью политико-административных мер; 3) культурологические идеологии, в которых целесообразность сохранения галисийского трактуется в узких рамках педагогики и западной социологии; 4) идеологии нормализации, под которой понимается полное восстановление функционирования галисийского языка на всех уровнях коммуникации в галисийском обществе, что не отрицает полезности изучения испанского языка для нужд коммуникации с другими регионами испанского государства.

Следует подчеркнуть, что коофициальность испанского и галисийского и сохранение ситуации двуязычия в Галисии рассматривается прогрессивными галисийскими филологами как нерешенное состояние, а не как окончательное разрешение языкового конфликта в Галисии. По их мнению, в условиях буржуазного государства ситуация двуязы-

чия неизбежно закончится победой господствующего языка — испанского. Окончательное разрешение языкового конфликта заключается в подлинном социально-экономическом освобождении трудящихся Галисии — основных носителей галисийского языка [Rodríguez 1976a, 237; García Negro 1980, 53—55].

В 60-е и 70-е годы получает развитие галисийское языкознание. Проблематика литературного языка рассматривается в статьях, публикуемых журналом "Grial", а также в отдельных исследованиях Ш. Алоисо Монтеро, Р. Карбальо Калеро, Ш.М. Алвареса Каккамо, Х.Х. Моралехо Алвареса и др. С 1974 г. Университет Сантьяго-де-Компостелы издает ежегодник "Verba". Anuario Gallego de Filología, в котором публикуются статьи по фонетике, фонологии, грамматике и лексике не только галисийского, но и других романских языков; свежие материалы и высокий научный уровень исследований сделали этот журнал одним из интереснейших журналов по романской филологии. В качестве приложений к ежегоднику опубликована целая серия превосходных монографических исследований, посвященных отдельным говорам или отдельным аспектам грамматической системы галисийского языка.

Для галисийской филологии традиционным является особый интерес к проблемам лексикологии и этимологии; и в современном галисийском языкознании заметно преобладание лексикологических исследований: это описания лексики отдельных говоров, профессиональных жаргонов или описания отдельных лексико-семантических групп (см., например, [Bas López 1980; Brea 1980; 1981; Couceiro 1974; 1976; Enríquez 1974; Fraga García 1975; García 1974; 1980; 1981; García Alín 1977; Otero 1977, Penas Patiño 1976; 1977; 1980; Ríos Panisse 1977]); исследования по антропонимии и топонимии [Moralejo Laso 1976; 1977a, b; 1978; 1979; 1980; Piel 1975; 1979a, c]. Многочисленные этимологические штудии публикуются не только галисийскими, но и зарубежными филологами (см., например, [Buschmann 1965; Meier 1977; 1981; Pensado 1978; 1980; Piel 1978; 1979b])¹⁷.

¹⁷ Библиографические сведения об исследованиях по галисийскому языку можно найти в [Bibliografía dialectal gallego portuguesa 1976]; о лингвогеографических исследованиях см. [Alvar 1974; García 1977].

ЗВУКОВОЙ И ГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК ГАЛИСИЙСКОГО СЛОВА И ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВИЗАЦИИ

С некоторых пор среди испанских лингвистов, занимающихся региональными языками, стали употребительны термины "нормализация" и "нормативизация", применяемые к разным аспектам языкового планирования. Под нормализацией понимается придание в законодательном порядке официального статуса региональному языку и введение его в различные сферы коммуникации, в которых ранее безраздельно господствовал испанский язык, в том числе в систему преподавания. Этот аспект языковой политики был кратко рассмотрен в первой главе. Остальная часть книги будет посвящена процессу нормативизации — упорядочению звуковой, графической, грамматической и лексической систем языка и кодификации их в грамматиках и словарях. При этом нам придется заняться и чисто описательным моментом, т.е. выделением характерных черт галисийского, которые то сближают его с кастильским или португальским, то выделяют его на фоне других иберо-романских языков¹. Стабилизация звукового и графического облика галисийских слов является, пожалуй, наиболее сложной проблемой нормативизации, при решении которой галисийскими филологами высказываются различные, часто противоречащие друг другу мнения. Поэтому звуковая и графическая системы галисийского языка будут изложены со всей полнотой, в то время как при описании грамматической системы мы сосредоточим внимание только на узловых моментах, не претендуя на полноту нашего описания.

СИСТЕМА ВОКАЛИЗМА

Во всех диалектах галисийского языка и в литературном языке обнаруживается семь гласных фонем /i/, /u/, /e/, /o/, /ɨ/, /ɔ/, /a/. Система галисийского вокализма тождественна каталонской, но резко отличается от португальской, поскольку в галисийском отсутствуют носовые гласные.

Фонема /a/. Основной аллофон [a] является открытым гласным переднего ряда. Степень открытости варьирует по диалектам. В конечной безударной позиции наблюдается значительное ослабление напряженности артикуляции. Веяризованный вариант [a] обнаруживается перед гласными [o] и [u], согласными [l] и [x] (в тех диалектах, где он есть) и после согласного [ŋ]: auga [áɣuɐ] 'вода', aonde [aónde] 'куда'.

¹ Об особенностях галисийского в сравнительном аспекте см. также [Гэх 1985].

alguém [algém] 'кто-то', lago [lágo] 'озеро', unha [úŋa] 'одна'. Аллофон, характеризующийся большей степенью открытости и большей длительностью [a:], произносится в ударной позиции при восходящей интонации: ¿qué pasa? [ké pá:sa] (—) 'что происходит?'; ¡claro! [klá:ro] 'ясно!'. В некоторых случаях аллофон [a:] является реализацией бифонемного сочетания /aa/, возникающего чаще всего при соединении в речи предлога а и определенного артикля ж. р. ед. ч. а (графически это слияние изображается как á); ср.: a casa [a kása] 'дом' и á casa [á:kása] 'домой'; viñeron as tres [biñéron as trés] 'пришли три (женщины)' и viñeron ás tres [biñéron á:s trés] 'пришли в три часа'; ср. также: ama [áma] 'хозяйка' и а ama [á:ma] 'хозяйка' (с определенным артиклем). Во всех случаях аллофон [a:] находится в ударной позиции [Enríquez 1976, 127; Porto Dapena 1977, 14, 15; 104, 105].

Фонема /a/ встречается в любой позиции, ограничений на ее дистрибуцию нет. Графически изображается как а или á.

Фонема /i/. Основной вариант [i] — закрытый гласный переднего ряда верхнего подъема. Вариативность реализации незначительна, наблюдается ослабление артикуляции в безударной позиции. В исконных словах редко встречается в заударной неконечной позиции, в безударной конечной позиции в исконных словах эта фонема исключена, поэтому даже в заимствованиях из кастильского Pili, mili в исходе слова звучит [e], а не [i] [Veiga Arias 1976, 49]. Графически изображается как i, í: fio [fió] 'нить', igual [iywál] 'равный', píntega [pínteɣa] 'саламандра'.

Фонема /u/. Основной вариант [u] — закрытый гласный заднего ряда верхнего подъема, огубленный. Вариативность реализации незначительна. Так же, как и /i/, редко встречается в заударной неконечной позиции; в конечной безударной позиции в исконных словах не встречается. Графически изображается как u, ú: uva [úβa] 'виноград', lúa [lúa] 'луна'.

Фонема /e/. Основной вариант [e] — закрытый гласный переднего ряда среднего подъема. Фонема /e/ возможна в любой позиции в слове; в безударной позиции обычно реализуется более закрытый вариант [ɛ], который особенно характерен для предударной позиции, если в ударном слоге присутствует [i]: ferida [fɛríða] 'рана', decir [deθír] 'говорить'. В конечном безударном слоге наблюдается сильная редукция, которая, однако, не приводит к изменению качества гласного, как это наблюдается в португальском. Графически изображается как e, é: cheo [tʃéɔ] 'полный', coruñés [kɔɾuɲés] 'житель Ла Коруньи' [Enríquez 1976, 131, 135; Carballo Calero 1966, 41; Porto Dapena 1977, 17].

Фонема /ɛ/. Основной вариант [ɛ] — очень открытый гласный переднего ряда среднего подъема. Встречается в ударной и предударной позиции, однако в последней произносится менее открытый вариант. Фонем /ɛ/ исключается в заударной позиции. Графически изображается, как и фонема /e/, графемами: e, é: ceo [θéɔ] 'небо', abofé [abófe] 'конечно', esquecer [ɛskɛnθér] 'забывать', evocar [ɛβokár] 'вспоминать' [Carballo Calero 1966, 40, 41; Enríquez 1976, 129, 130; Porto Dapena 1977, 15—21].

Фонема /o/. Основной вариант [o] — закрытый гласный заднего ряда среднего подъема, огубленный. Встречается в любой позиции;

и безударной позиции, особенно на конце слова и в предударном слоге, при наличии [i] или [u] в ударном произносится более закрытый вариант [ɔ]. Графически изображается как o, ó: romba [rómba] 'голубь', cocina [kóθina] 'кухня', cedo (θέδo) 'рано', amallón [amaýón] 'кожаный шнурок для обуви' [Carballo Calero 1966, 42; Enríquez 1974, 133; Porto Dapena 1977, 17].

Фонема /ə/. Основной вариант [ə] — открытый гласный заднего ряда среднего подъема, огубленный. Встречается в ударной и предударной позиции; как и фонема /o/, исключена в заударном слоге. В безударной позиции реализуется менее открытый вариант. Графически изображается, как и фонема /o/, графемами o и ó: roda [ródə] 'колесо', homazo [ómáθo] 'мужичина', fóra [fóra] 'снаружи' [Carballo Calero 1966, 42; Enríquez 1974, 132, 133; Porto Dapena 1977, 15—21].

Наибольшей функциональной нагруженностью гласные фонемы обладают в ударной позиции, в которой возможны все семь фонем. Противопоставление гласных среднего подъема по признаку открытости/закрытости /ε/ — /e/, /ə/ — /o/ выполняет важную смысло-различительную функцию; ср.: pręsa 'горсть' — pręsa 'спешка', ven 'приходи' — ven 'приходит', doce 'двенадцать' — doce 'сладкий', bos 'хорошие' — vos 'вы'. Особенно четко противопоставляются в произношении данные гласные в восточных говорах, что жителями других районов воспринимается как утрированное произношение [Couceiro 1977, 105].

Что касается заимствований из кастильского, в которых присутствуют гласные /ε/ и /o/, то Ш.А. Порто Дапена указывает на тенденцию произносить эти гласные под ударением как [ε] и [ə], т.е. открыто, хотя во многих случаях открытое или закрытое произношение может быть обусловлено аналогией, устанавливаемой между кастильскими заимствованиями и сходными по форме и смыслу галисийскими словами [Porto Dapena 1977, 15].

Тембр гласных [ε], [e], [ə], [o] строго учитывался в галисийско-португальской поэзии, для современной же галисийской поэзии характерно отсутствие учета тембра гласных в рифмах [Couceiro 1977, 105 и сл.].

В предударной позиции, начальной или нена начальной, возможны те же семь фонем, однако открытые гласные /ε/ и /ə/ встречаются гораздо реже, чем закрытые /e/ и /o/. Тем не менее можно и для этой позиции, привести достаточное число пар типа sear 'отступать' — sear 'ужинать', votar 'голосовать' — botar 'кнудить'. В словах, производных от слов с /ε/ и /ə/ в ударной позиции, прежде всего в диминутивах, открытость гласных во многих случаях сохраняется и в предударном слоге: valęntia 'храбрость' от valęnte 'храбрый', peęña 'ножка' от peęna 'нога', recordar 'вспоминать' от recordo 'вспоминание', qęiño 'косточка' от qęo 'кость'. Однако в формах спряжения глаголов в общем случае ударным /ε/ и /ə/ в одних формах соответствуют безударные /e/ и /o/ в других: come 'ест' — comemos 'едим', bebe 'пьет' — bebía 'пил'.

Р. Карбальо Калеро указывает на тенденцию сохранять открытость /ε/ в предударном слоге в позиции перед /n/ и /r/: ęntroido

‘карнавал’, *terreo* ‘участок земли’; также /o/ сохраняется перед /r/: *orige* ‘происхождение’. В то же время перед палатальными согласными возможны только /e/ и /o/: *mellor* ‘лучше’, *moxena* ‘искра’ [Carballo Calero 1966, 44].

В заударном неконечном слоге обнаруживаются фонемы /a/, /i/, /u/, /e/, /o/ и исключаются /ε/ и /o/. Функциональная нагруженность фонем в этой позиции невелика, поскольку в галисийском языке сохранилось немного исконных слов с ударением на третьем слоге от конца, в основном с /i/ или /e/ во втором слоге: *lóstrego* ‘молния’, *dúbida* ‘сомнение’. Однако противопоставление /a/, /e/ и /o/ несет важную грамматическую информацию в формах глаголов с энклитическими местоимениями: *búscallos* ‘он их ищет’, *búscollor* ‘я их ищу’ — *búsqllellor* ‘я/он искал бы их’ [Enríquez 1976, 151]. Фонема /u/, по-видимому, встречается только в культизмах: *fatuo* ‘напыщенный’.

В конечной безударной позиции возможны только три фонемы: /a/, /e/ и /o/, которые тем не менее несут важную смысловозначительную нагрузку, поскольку грамматическая информация в слове сосредоточена именно на его последнем слоге.

Позиционная вариативность реализации гласных фонем в речи в общем незначительна, хотя она выше в просторечной или диалектной речи, чем в литературной. Так, предупредительные /e/ и /o/ перед [i], [u] и [ei] ударного слога могут реализоваться не только как [e] и [o], но и как [i] и [u]: *pedir* [piðir] ‘просить’, *cereixa* [θiréja] ‘черешня’, *costume* [kustúme] ‘обычай’, однако такое произношение воспринимается как просторечное.

Значительна назализация гласных в соседстве с носовыми согласными, особенно если гласная находится между двумя носовыми или же в соседстве с [ŋ]: *mañán* [mãñãŋ] ‘утро’, *unha* [ũñã] ‘одна’. Однако носовые фонемы отсутствуют. В галисийско-португальском языке гласные претерпели назализацию перед носовыми согласными, однако позднее в галисийском языке они или совсем утратили признак назальности (лат. *lupa* > гал.-порт. *lũa* > гал. *lúa* ‘луна’), или выделили его снова в виде носового согласного (лат. *manu* > гал.-порт. *mão* > гал. *man* [mãŋ] ‘рука’). Ряд слов существует в диалектах в дублетных формах с носовым согласным или без него: *xionllo/xiollo* < лат. *genuculu* ‘колено’, *irmá/irmán* ‘брат’, *gado/gando* ‘скот’, *ma/man* ‘рука’. Ш.А. Порто Дапена отмечает более сильную степень назализации у людей с низким уровнем образования. В некоторых восточных говорах сохранились носовые фонемы [Porto Dapena 1977, 23].

Ударные гласные, особенно в открытом слоге, произносятся дольше, чем в кастильском, и это в сочетании с восходящей интонацией придает галисийской речи специфическую окраску. Как уже указывалось, длинные гласные произносятся при сочетании двух одинаковых фонем, принадлежащих разным словам: *ó outro día* [ó:wtro ðía] ‘на другой день’ [Там же, 24, 25].

Хотя вариативность реализации гласных фонем, обусловленная окружением, незначительна, сам состав гласных фонем в словформах галисийского языка зачастую варьирует, причем это варьирование может иметь системный или несистемный характер, т.е. нести или нести смысловозначительную нагрузку.

Вокалические альтернации. К системному варьированию ударных гласных фонем относятся так называемые вокалические альтернации, сущность которых заключается в том, что различные словоформы одного и того же слова могут содержать в ударном слоге то открытые фонемы /ε/ и /ɔ/, то закрытые /e/ и /o/. Эта своего рода внутренняя флексия служит дополнительным средством различения грамматических категорий, проводимого обычными флексиями. В португалистике соответствующее явление носит название метафонии, но галисийские лингвисты отвергают этот термин, поскольку он обозначает варьирование коренного гласного в зависимости от тембра гласного флексии, что, по крайней мере для галисийского глагола, остается недоказанным².

В имени вокалические альтернации, в отличие от португальского языка, представлены скудно. В нескольких парах существительных, соотносимых по грамматическому роду, /ε/ и /o/ в формах м. р. ед. и мн. ч. соответствуют /ε/ и /ɔ/ в формах ж. р. ед. и мн. ч.: *sogro(s)* 'тесть' — *sogra(s)* 'теща', *cadelo(s)* 'песик' — *cadela(s)* 'собачка', *rego(s)* 'борозда' — *rega(s)* 'ручей', *pozo(s)* 'колодец' — *poza(s)* 'лужа, пруд'. Сюда же относят и *Pedro* 'Петр' — *pedra* 'камень', слова с несоотносимыми значениями.

В прилагательных альтернация наблюдается только в формах м. и ж. р. с суф. -oso, -osa: *bondoso(s)* 'добрый' — *bondosa(s)* 'добрая'. Ш.А. Порто Дапэна отмечает, что она может и отсутствовать, например в Ферроле; он же указывает на чередование /u/ — /o/ в формах прилагательного *curto* 'короткий': *curto* — *corta*, но также и *corto* — *curta* в зависимости от местности [Porto Dapena 1973, 529; 1977, 27, 28].

В отличие от португальского тембр гласного сохраняется закрытым в формах м. р. и открытым в формах ж. р. существительных и прилагательных независимо от формы числа.

Альтернации наблюдаются также в формах некоторых местоимений: *aquel* 'тот' — *aquela* 'та', *el* 'он' — *ela* 'она', но *este*, *esta* 'этот', 'эта' сохраняют в обоих случаях /ε/. Формы указательных местоимений среднего рода в юго-восточных говорах и иногда в языке художественной литературы могут иметь формы *isto* 'это', *iso*, *aquilo* 'то' наряду с *esto*, *eso*, *aquelo* с /ε/ в корне.

Вокалические альтернации гораздо богаче представлены в глагольных словоформах. Глаголы первого спряжения сохраняют качество гласных /ε/, /e/, /ɔ/ и /o/ во всех словоформах неизменным (речь идет об ударных слогах): *sêdo* 'я жну', *sêga* 'он жнет' от глагола *segar* 'жать'; *merendo* 'я полдничаю', *merendas* 'ты полдничаешь' от глагола *merendar* 'полдничать'. Глаголы второго спряжения типа *comer* 'есть', *beber* 'пить' и др. имеют открытые /ε/ или /ɔ/ во 2 л. ед. ч. и 3 л. ед. и мн. ч. презенса индикатива и /ε/ или /o/ в других формах индикатива и конъюнктива: *come* 'ест', *comen* 'едят', но *como* 'ем', *comas* 'чтобы ты ел'; *bebes* 'пьешь', но *bebas* 'чтобы ты пил'. Формы 3 л. ед. ч.

² Объяснение этого явления в диахронии см. в [Porto Dapena 1973, 536; Santamarina 1974b, 31, 32].

презенса индикатива и 2 л. ед. ч. императива отличаются только тембром гласного: *bêbe* 'пьет' — *bêbe* 'пей'.

Однако некоторые глаголы обнаруживают отсутствие альтернации: *queçer* 'нагревать(ся)', *esqueçer* 'забывать', *querer* 'хотеть, любить', *poçer* 'мочить' сохраняют во всех формах /ε/, /ɔ/, а *ler* 'читать', *ser* 'верить', *deber* 'быть должным', *ver* 'видеть', *posser* 'обладать' и глаголы на -*ecer* сохраняют всегда /ε/ [Santamarina 1974, 31]. Отмечается наличие альтернации /ε/ — /e/ у глагола *parecer* в значении 'появляться' и ее отсутствие в значении 'казаться' (всегда /ε/)[Porto Dapena 1973, 531].

В глаголах третьего спряжения типы альтернаций другие: /ε/ — /i/ и /ɔ/ — /u/, но соотношение глагольных словоформ такое же: /ε/ и /ɔ/ выступают во 2 л. ед. ч. и 3 л. ед. и мн. ч. презенса индикатива, а /i/ и /u/ — в остальных формах; ср.: *subo* 'подымаюсь' — *sobe* 'подымается'; *sirvo* 'служу' — *sêrve* 'служит'. Альтернация наблюдается только в части глаголов; в большинстве случаев она отсутствует: *sigo* 'следую', *sigues* 'следуешь' при инфинитиве *seguir* 'следовать'; также и вышеприведенные глаголы могут иметь формы без альтернации: *subo*, *subes*, *sube*; *sirvo*, *sirves*, *sirve*. В этих глаголах наблюдается чередование /ε/ в неударной позиции — /i/ в ударной позиции: *seguimos* 'следуем' — *sigue* 'следует' и чередование /o/ в неударной позиции — /u/ в ударной позиции: *dormimos* 'спим' — *durmo* 'сплю', но сосуществование вариантов [siyimos], [dɔrme], [durmimos] запутывает картину.

Системные вариации безударного вокализма. Для глагольных словоформ с ударением на корне или на флексии обычным является следующее соотношение открытых и закрытых фонем: ударным /ε/ или /e/ соответствует безударная /ε/, ударным /o/ или /ɔ/ соответствует безударная /o/: *bêbe* 'пьет' — *bêbemos* 'пьем', *debe* 'он должен' — *debemos* 'мы должны'; *come* 'ест' — *comemos* 'едим' и т.д. Однако в некоторых случаях открытые фонемы /ε/ или /ɔ/ сохраняются в безударной позиции: *inçerto* 'прививаю' — *inçertamos* 'прививаем', *voto* 'голосую' — *votamos* 'голосуем'. Распределение глаголов по тому или иному типу спряжения — вопрос нормы. По мнению А. Сантамарины [Santamarina 1974b, 12], здесь налицо взаимодействие двух систем безударного вокализма; для старой было характерно отсутствие противопоставления открытых и закрытых фонем в предударной позиции; в новой же системе в результате действия аналогии фонемный состав глагольных словоформ стремится остаться тождественным во всей парадигме спряжения.

Несистемная вариативность гласных. Несистемная вариативность гласных, т.е. разный фонемный состав одних и тех же словоформ, не связанный со смысловыми различиями, обусловлена отсутствием строгих норм в литературном языке и, естественно, в диалектах и в просторечии. Литературный язык с трудом приобретает наддиалектный характер и пока для него обычным является сосуществование форм из разных диалектов, в связи с чем галисийские лингвисты говорят об "интердиалектном", а не наддиалектном характере современного литературного языка. Однако колебания в огласовке словоформ характерны и для отдельных диалектов и говоров; они проявляются также на уровне идиолекта.

Вариативность в ударной позиции не так велика; все же можно привести достаточно большое число таких случаев: *entre/antre* 'между', *este/iste* 'этот', *foxe/fuxe* 'он убегает', *aira/eira* 'гумно', *coitelo/cuitelo* 'нож', *louro/loiro* 'белокурый'.

В безударных слогах, особенно в предупдарных, вариативность гласных велика. Чаще всего альтернируют /a/ и /e/ или /ε/, /a/ и /o/, /e/ и /i/, /o/ и /u/: *entroido/antroido* 'карнавал', *número/númaro* 'число', *despóis/dispoís* 'потом', *píntega/píntiga* 'саламаидра', *cogruncho/curguncho* 'угол'; также альтернируют /o/ и /a/: *bacoi/bocoi* 'винная бочка', /i/ и /o/: *primeiro/porprimeiro* 'первый', /i/ и /u/: *brinola/brunola* 'чернослив', /e/ и /o/: *temperán/temporán* 'ранний'. Исследование этих фонетических дублетов представляет большой интерес для сравнительно-исторического языкознания, так как позволяет выявить живые тенденции фонетического развития, однако перед лингвистами, занимающимися выработкой литературной нормы, стоит нелегкая задача отбора таких вариантов, которые в наименьшей степени были бы отягощены диалектными или просторечными коннотациями. М. Энрикес [Enríquez 1976, 149—153] отмечает, что колебания в тембре безударных гласных наиболее заметны в речи старшего поколения; в речи младшего поколения формы с более открытым гласным вызывают комический эффект.

Вариативность формы может также проистекать из опущения в разговорной речи безударного гласного в позиции между смычной согласной и сонантом /r/: отсюда такие варианты, как *pero/pro* 'но', *para/prá* 'для', *Coruña/Cruña* 'Ла Корунья', [Porto Dapena 1977, 115].

В диалектах часто встречается протеза а-: (ar)rodeo 'объезд', *aviñeira/vieira* 'разновидность моллюска', (a)mallón 'кожаный ремешок для обуви'. Так же обычно парагогическое -е в словах с исходом на согласный, ударный гласный или дифтонг: *muller(e)* 'женщина', *fácil(e)* 'легкий', *pai(e)* 'отец', *corazón(he)* 'сердце' [Carballo Calero 1966, 53]. Все эти явления в разной степени могут находить отражение в языке художественной литературы, что зависит от индивидуальной манеры писателя.

Фонетические явления, возникающие на стыке слов в речи. Наиболее важным из таких явлений представляется элизия гласных, так как при создании орфографических норм возникает вопрос, в какой степени необходимо отрицать на письме многочисленные случаи выпадения конечного гласного слова перед гласным последующего слова. Наиболее часто элидируется -е перед а-, е-, о-, u-: *di qu' espere aquí* ['скижи, что я жду здесь', *feridos d'acidente* 'раненные в катастрофе'; возможны также элизии -а-, -о-: *mira pr'ela* 'он смотрит на нее', *toda a familia* > *tod'a familia* 'вся семья', *vend'a súa filla* 'видя свою дочь'. По мнению Р. Карбальо Калеро [Там же, 59—61], элизий меньше в литературном произношении, чем в просторечном, поэтому по мере распространения навыков чтения на галисийском число элизий должно уменьшиться.

Другим распространенным явлением синтаксической фонетики является эпентеза [j] при стечении ударной и неударной гласной, прежде всего внутри слова, в результате чего образуются такие фонети-

ческие дублеты, как *aldea/aldeia* 'деревня', *ceo/ceio* 'небо', *real/reial* 'королевский', *reog/reiog* 'хуже'. Эпентеза [j] происходит также при присоединении энклитических форм личных местоимений к глаголам: *dáios* 'он их дает', *teráia* 'он будет ее иметь'. На стыке слов эпентеза [j] происходит чаще всего при стечении двух а : а *alma* > и *ialma* 'душа', на *alba* > на *ialba* 'на заре'; реже при стечении других гласных: а *érosa* > а *iérosa* 'эпоха', а *outra* > а *ioutra* 'другая'. Эпентеза [j] не является обязательной, но может находить отражение на письме. В восточных говорах наблюдается эпентеза [w] или [β]: *chamábaa* 'он ее звал' [Там же, 51, 52].

В разговорной речи наблюдается эпентеза [i] или [e] между согласными в культизмах: *advertir/adevertir* 'замечать', *admitir/ademitir* 'допускать'. Это явление часто находит отражение в письменной речи. Также эпентеза [i] происходит в конечном слоге между согласной и конечной гласной: *quimera/quimeria* 'химера', *pouturno/pouturnio* 'ночной'. Эти фонетические дублеты следует отличать от этимологических дублетов, где наличие или отсутствие [i] обусловлено разными путями развития одного и того же слова: *forcia/forza* 'сила', *razo/rasio* 'замок' [Там же, 52].

СОНАНТЫ /j/, /w/ И ДИФТОНГИ

Фонема /j/ в положении перед гласным реализуется как звонкий фриктивный средненебный согласный [j]; в положении после гласного звучит ослабленный вариант [j̥], характеризующийся более широкой щелью между средней частью языка и небом. Фонема [w] также представлена двумя аллофонами: перед гласным реализуется вариант [w] — звонкий фриктивный губно-губной согласный, в положении после гласного выступают варианты [u̥], [o̥], характеризующиеся менее интенсивным округлением губ.

Неслоговой характер фонем /j/ и /w/ позволяет отнести их к согласным фонемам, тем не менее их сочетания с гласными по традиции именуются дифтонгами [Porto Dapena 1977, 119, 120]¹. Для галисийского языка характерны нисходящие дифтонги [aj], [ej], [ɔj], [uj], [oj]; [aɥ], [ɛɥ], [oɥ]. Открытый характер [ɛ] и [ɔ] в дифтонгах сохраняется и в безударной позиции [Enríquez 1974, 139]: *cosa* 'вещь', *scitelo* 'нож', *leira* 'пашня', *meirande* 'большой'. Отмечается тенденция превращать в дифтонги сочетания [áe], [óe] в конечном положении: *cae/sai* 'падает', *goe/goi* 'грызет', *saе/sai* 'выходит' и т.п. [Galego 1977, 11]. Наблюдаются несистемные чередования дифтонгов [uj] — [ɔj] и [ɔj] — [ɔɥ]: *loita/luita* 'борьба', *loigo/lougo* 'белокурый'.

Восходящие дифтонги менее характерны для галисийского: [ja], [je] (в безударном слоге), [je] (в ударном слоге), [ju], [jo] (в безударном слоге), [jo] (в ударном слоге), [wa], [we] (в безударном слоге), [we] (в

¹ Данные о количестве и качестве дифтонгов различаются от автора к автору, так как в речи, по-видимому, наблюдаются колебания в степени открытости [ɛ] и [ɔ] и в произнесении сочетания двух элементов как один или два слога, см., например, [Veiga Arias 1976, 59, 69, 70].

ударном слоге), [wi], [wβ]. Дифтонги с [w] иногда произносятся с [u] или с [o], т.е. со слабой степенью огубленности первого элемента, что находит отражение на письме: *lingoa* вместо *lingua* 'язык', *bueno* вместо *bueno* 'хорошо' (кастилизм). Вместе с тем написание *oa*, *oe* может означать, что эти сочетания произносятся скорее как сочетания двух слоговых гласных, т.е. с зиянием. Малая употребительность нисходящих дифтонгов связана с тем, что при стечении безударных [i] и [u] с ударными гласными обычно образования дифтонга не происходит и сохраняется зияние: *fi-ar* 'прясть', *lu-ar* 'лунный свет', *vi-axar* 'путешествовать'. Могут быть и варианты произношения с дифтонгом или с зиянием: *li-orta* или *liog-ta* 'борьба'.

Трифтонги присутствуют только в формах 1 и 3 л. ед. ч. перфекта глаголов, оканчивающихся в инфинитиве на *-iar*, *-uar*: *cambiéi* 'я изменил', *cambióu* 'он изменил', *aseptuéi* 'я подчеркнул', *aseptóu* 'он подчеркнул'. Однако если в инфинитиве есть зияние, то оно сохраняется во всех формах и трифтонга не образуется: *afi-ar* 'натачивать', *afi-óu* 'он наточил'. Слова типа *feito* 'папоротник', *vieiro* 'тропа' произносятся с дифтонгом: *fi-eito*, *vi-eiro*.

Сочетания любых других гласных, кроме [i] и [u], всегда двусложны: *xe-ar* 'морозить', *cho-er* 'огораживать'.

СОГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ

Точное определение количества согласных фонем галисийского языка несколько затруднено ввиду различной фонологической трактовки некоторых звуков. В табл. 1 представлена "система-максимум" согласных фонем.

Фонемы /p/ (графически p), /t/ (графически t), /k/ (графически c перед а, о, u и qu перед е и i) исключаются в абсолютном исходе слова, как и их звонкие корреляты. Фонема /b/ (графически b, v) имеет, как

Таблица 1

Способ образования	Место образования							
	губно-губные	губно-зубные	межзубные	зубные	альвеолярные	передне-небные	средне-небные	задне-небные
Смычные	p, b			t, d				k, g
Щелевые	w	f	θ		x	ç	j	(x)
Аффрикаты						tʃ, ʝ		
Носовые					n		ɲ	ŋ
Боковые					l		(λ)	
Дрожащие					r, ʀ			

и в испанском, смычный [b] и щелевой [β] варианты, распределение которых совершенно аналогично испанским. Также фонема /d/ (графически d) реализуется двумя аллофонами [d] и [ð], дистрибуция которых аналогична соответствующим испанским звукам.

Фонема /g/ (графически g перед а, о, у и согласными, ди перед е и і) имеет аллофоны [g] и [ɣ], аналогичные испанским. В западной половине Галисии наблюдается примечательное фонетическое явление, состоящее в том, что на месте [g] или [ɣ] произносится звук, похожий на кастильский [x], но не идентичный ему. Это явление получило название "хеада" (gheada). Хеада охватывает целиком провинции Корунья, Понтеведра, половину провинции Оренсе и западную окраину провинции Луго [Carballo Calero 1966, 64]. Первым границы распространения хеады наметил А. Самора Висенте, который попытался объяснить это явление влиянием доиндоевропейского субстрата [Zamora Vicente 1952]. С тех пор хеада привлекала пристальное внимание иберороманистов, однако время и причины ее возникновения остаются до сих пор неясными.

Письменные свидетельства хеады появляются только к XIX в., но следует учесть, что до того времени письменная традиция на галисийском была до того скудна, что полагаться на нее в вопросах фонетического развития языка не приходится. В связи с этим Ш.А. Порто Дапэна [Porto Dapena 1977, 79, 80] относит возникновение хеады к более раннему периоду, до XVI в. Однако Х.Л. Пенсадо [Pensado 1970] отмечает, что в одной из рукописей М. Сармьенто 1758 г. указывается, что галисийцы не умели произносить кастильский звук [x], заменяя его на [g], причем эта неспособность приписывается именно сельским жителям, в произношении которых и возникла хеада. Это говорит о том, что во времена М. Сармьенто хеады еще не было. Попытка объяснить возникновение хеады влиянием кастильского, предпринятая Х.Л. Пенсадо, встретила обоснованные возражения; в настоящее время предпринимаются усилия объяснить явление хеады внутренними условиями развития фонетической системы галисийского языка. Й. Схротен [Schroten 1980] считает, что первоначально произошло оглушение [ɣ] > [h] не без влияния кастильского, [x] которого воспринималось как признак престижного произношения. Распространение же [h] на другие позиции объясняется уже особенностями развития галисийского консонантизма. Д. Прието Алонсо [Prieto Alonso 1980], возражая Й. Схротену, отвергает какое-либо влияние кастильского. Он ссылается на известную универсалию о соотношении смычных и фрикативных (при наличии /k/, если нет /g/, обязательно обнаруживается /x/), но объяснения возникновения хеады по существу не дает. А. Сантамарина [Santamarina, 1980] относит возникновение хеады к XV—XVI вв.; интервокальный аллофон [ɣ], по-видимому, следуя общей тенденции ослабления интервокальных согласных, еще более ослабился, потеряв звонкость; место артикуляции при этом продвинулось назад: lago 'озеро' [lɒɣo] > [lɒho]. Поскольку в других позициях сохранялось произношение [ɣ], по мнению А. Сантамарины, этот аллофон был устранен позднее ввиду большой фонетической разницы между [g] и [h]. Что касается позиции начала слова,

то здесь вряд ли обязательно прибегать к объяснению посредством стремления системы к симметрии; и здесь [g], попадая в интервокальную позицию, заменялся [ɣ], перешедшим также в [h]: gato [gáto] 'кот' — о gato [o ɣáto] > [o háto]. Затем звук [h] по аналогии мог распространиться и на другие позиции: gato [háto], un gato [ún háto].

Позднее всего хеада проникла в интервокальную группу [-ŋg-]; до сих пор существуют в разных говорах варианты произношения [ŋg], [ŋh] и [ŋk] [Enríquez 1974, XV], дающие некоторую точку опоры для реконструкции развития фонетического процесса.

Фонетическая характеристика хеады варьирует; основным вариантом произношения считается глухой или озвонченный фарингальный спира́нт; существуют также велярные, увулярные и ларингальные варианты [Santamarina 1980].

Каково бы ни было произношение, остается фактом, что хеада с самого начала литературного возрождения в XIX в. ощущалась как явление просторечное, диалектное и в литературную речь не допускалось. Не изменилось к ней отношение и сейчас; даже у самых пылких дифференциалистов, употребляющих любые диалектные или просторечные формы, лишь бы они отличались от кастильских, этого явления мы не находим⁴.

Фонема /f/ (графически f) реализуется как глухой щелевой губно-зубной звук. Соответствующая ей звонкая фонема /v/, в отличие от португальского, отсутствует.

Чертой, объединяющей галисийский язык с кастильским, является наличие апи́ко-альвеолярной фонемы /s/ (графически s) и интердентальной /θ/ (графически с перед e и i, z в остальных случаях). Звонкая фонема /z/, в отличие от португальского, отсутствует. В западной части Галисии распространено явление seseo, которое, однако, не так далеко продвинуто на восток, как хеада. В некоторых говорах на месте любого [s] и [θ] литературного языка произносится зубной предорсальный звук [ʃ], сходный с португальским [ʒ], в других говорах seseo ограничено неразличением [s] и [θ] только в абсолютном исходе слова: lus вместо luz 'свет', ras вместо raz 'мир'. В отличие от хеады seseo находит постоянное отражение в языке художественной литературы, начиная с XIX в.

В некоторых говорах наблюдается seseo, в частности в начале слова: zesos вместо sesos 'мозги', zaliva вместо saliva 'слюна' [Enríquez 1974, XIX].

Глухая щелевая переднеязычная фонема /ʃ/ (графически x) соответствует в общем случае кастильской /x/ и португальской /ʒ/; ср.: гал. vexo [béʃo] 'вижу' и порт. vejo, гал. гохо [góʒo] и каст. го́хо 'красный'

⁴ Поэтому непонятно, почему Ш. Алонсо Монтеро сожалеет по поводу того, что литературный язык отказался от таких типичных для галисийского явлений, как gheada и seseo. Он считает, что, поскольку коллектив говорящих на галисийском социально не дифференцирован, то невозможно определять те или иные языковые явления как вульгаризмы [Alonso Montero 1970, 45]. Этому противоречит тот факт, что в самом народе хеада подвергается осмеянию в шуточных присказках и стихах [Rubinal 1967, 28].

(обратное неверно: кастильской фонеме /x/ может соответствовать не только галисийская /ʃ/, но и /λ/: каст. *viejo* — гал. *vello* 'старый').

Из щелевых фонем ограничения в дистрибуции имеют /f/ и /ʃ/, которые исключаются в абсолютном исходе слова.

Как видим, ряд существенных фонологических черт объединяет галисийский с кастильским, а не с португальским: неразличение /b/ и /v/, переход фонем /dz/ и /ts/ галисийско-португальского языка в /θ/ в новогалисийском, оглушение /z/ в /s/ и /ʒ/ в /ʃ/ (в кастильском развитие пошло дальше: /ʃ/ > /x/). К.-П. Отеро [Otero 1971, 34, 35] отмечает, что с XV в. развитие фонологических систем галисийского и кастильского языков идет настолько сходными путями, что трудно судить, является ли это сходство результатом параллельного развития или влияния кастильского на галисийский. Что касается развития /θ/ из /dz/ и /ts/, то он склонен объяснять его кастильским влиянием.

В галисийском, в отличие от португальского, существует глухая передненебная аффриката /tʃ/ (графически *ch*), в плане диахронии соответствующая португальской /ʃ/: гал. *cheo* [tʃeó] 'полный', порт. *cheio* [ʃeíu], гал. *chamar* [tʃamár] 'звать', порт. *chamar* [ʃamár]. Фонема /tʃ/ обычна в интервокальной позиции, но исключается на конце слова: *cacho* 'кусок', *facho* 'факел'.

Существование звонкого коррелята — фонемы /ʎ/, также передненебной, доказывает Ш.А. Порто Дапэна [Porto Dapena 1977, 36]. Хотя его исследование посвящено языку Ферроля, он полагает, что /ʎ/ присутствует в большей части Галисии. Этот вопрос связан с явлением *yeísmo*, т.е. неразличением фонем /λ/ и /j/, реализующихся одинаково как [j]. Сохранение фонемы /λ/ (графически *ll*) традиционно считалось отличительной чертой северных регионов Испании. Но уже Р. Карбальо Калеро отмечает в своей грамматике, что различение фонем /λ/ и /j/ является редкостью, в сельской местности преобладает /j/. Тем не менее он считает, что произношение [j] вместо [λ] в образованных кругах расценивается как просторечное. Он особо оговаривает, что [j] — звук фриктивный, а не аффриката [Carballo Calero 1966, 64, 65]. Ш.А. Порто Дапэна оспаривает это мнение и прямо заявляет: "Что касается моего личного опыта, мне не известен ни один случай *lleísmo* в галисийском регионе" [Porto Dapena 1977, 36]⁵. Такие слова, как *mallo* 'цеп' и *maío* 'май', различаются в произношении тем, что первое произносится с аффрикатой: [máʎo] — [májo]. В Ферроле отмечается даже существование "жужжащего" (*rehilado*) варианта, характеризующегося более интенсивной смычкой, высокой степенью звонкости и более сильным шумом трения.

Фонема /l/ (графически *l*) имеет несколько позиционных вариантов, как и кастильская /l/; основной вариант альвеолярный, межзубный вариант произносится перед [θ], зубной — перед [d], [t], палатальный — перед [tʃ], велярный — перед [k], [g] и в конечной позиции; сте-

⁵ Также Р. Лоренсо Васкес признается, что ему нужно сделать огромное усилие, чтобы произнести [λ]; в его фонологической системе нет противопоставления /λ/ и /j/ [Lorenzo Vázquez 1969, 211]. М. Рабанал отмечает, что в кастрапо почти никогда не встречается [λ], но звук, произносимый на его месте, отличается от [j] [Rabanal 1967, 25].

пень веляризации больше, чем в кастильском, но меньше, чем в португальском и каталанском.

Галисийские носовые согласные вызывают такие же затруднения в их фонологической интерпретации, как и испанские, что связано с сильными ограничениями, налагаемыми на сочетаемость аллофонов. Четкое противопоставление фонем /m/ (графически m), /n/ (графически n) и /ɲ/ (графически ñ) происходит в абсолютном начале и в интервокальной позиции. В абсолютном исходе слова эти фонемы исключены. В импловивной позиции перед согласными противопоставления носовых фонем снимаются, поскольку перед тем или иным согласным возможен только один определенный носовой аллофон, тот же, что и в испанском: губно-губной [m] перед [b] и [p], альвеолярный [n] перед [l]; [r], губно-зубной [ɱ] перед [t], зубной [ɳ] перед [t] и [d], межзубный [ɲ] перед [θ], среднеязычный [ɲ] перед [ʃ], [ʒ], велярный [ŋ] перед [k] и [g] [Porto Dapena 1976, 470].

В отличие от испанского в абсолютном исходе слова из всех носовых звуков возможен только [ɲ]: corazón [koɾaðón] 'сердце', comen [kómen] 'едят'. Только в словах tamén 'тоже', ben 'хорошо', quen 'кто', non 'нет', nin 'ни' конечное [ɲ] чередуется с альвеолярным [n], если после названных слов следуют формы 3 л. безударных местоимений o, os, a, as; ср.: tamén [tamén], но tamén o vin [tamén o βín] 'я тоже его видел', non [non], но non as teño [non as ténɔ] 'я их не имею'.

В некоторых словах звук [ɲ] выступает в интервокальной позиции (графически nh), назализуя соседние гласные. Это прежде всего формы некоторых детерминативов имени м. р. мн. ч. и ж. р. ед. и мн. ч., оканчивающиеся в ед. ч. на -n [ɲ]: unha [úɲa] 'одна' и форма ж. р. ед. ч. неопределенного артикля; algúnhos [algúɲos] 'некоторые', ningunha [niɲgúɲa] 'никакая'. Этот же звук выступает в словах с префиксами an-, en-, in- перед гласной основы: anhelar [aɲelár] 'жаждать', inhibir [iniβir] 'приостанавливать'. Хотя М. Энрикес [Enríquez 1976, 146] говорит о почти полном единстве мнений относительно отсутствия фонемного статуса у [ɲ], все же существование нескольких минимальных пар: una — форма презенса конъюнктива от глагола unir 'соединять' — unha 'одна', cunha < con + unha — cuna 'колыбель', dunha < de + unha — дунa 'дюна' заставляет предполагать существование фонемы /ɲ/. Однако даже если бы этих пар случайно не оказалось, наличие [n] и [ɲ] в интервокальной позиции в совершенно идентичных фонетических условиях заставило бы признать их реализациями разных фонем⁶. Фонему /n/ нельзя отнести и к периферии фонологической системы галисийского языка; если в парадигматическом плане противопоставление /n/ — /ɲ/ представляется слабо нагруженным функционально, то в потоке речи [ɲ] — весьма частый аллофон, поскольку входит в состав самых употребительных детерминативов имени и является специфической чертой галисийского произношения.

⁶ Мнение А. Вейги Ариаса [Veiga Arias 1976, 105, 106] о том, что интервокальный [ɲ] находится в импловивной, а не экспловивной позиции, где противопоставления носовых фонем нейтрализуются, не соответствует никакой фонетической реальности.

Насколько конечное [ŋ] ощущается как постоянная составляющая фонетического облика слова, показывает тот факт, что оно сохраняется при парагоге -е: *corazonhe* [kɔɾaðóŋe] 'сердце', и если речь идет о глагольной форме, то [ŋ] сохраняется при присоединении инклитических местоимений: *pon* [pɔŋ] 'кладет' — *ponos* [pɔŋos] 'кладет их'. То же можно сказать о предлоге *con* [kɔŋ] 'с'; *con él* [kɔŋ él] 'с ним'.

Противопоставление и реализация фонем /г/ и /f/ совершенно аналогичны соответствующим явлениям испанского языка; в абсолютном начале возможна только /f/, в абсолютном исходе только /г/; противопоставление происходит в интервокальной позиции; ср.: *goer* [foér] 'грызть', *fero* [féro] 'дикий' — *ferro* [féro] 'железо'.

СОЧЕТАЕМОСТЬ АЛЛОФОНОВ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ И АЛЬТЕРНАЦИИ СОГЛАСНЫХ

Здесь мы даем характеристику галисийского консонантизма только в исконных словах, поскольку сочетаемость согласных в культизмах представляет особую проблему и будет рассмотрена ниже.

Исконные галисийские слова характеризуются значительными ограничениями на сочетаемость согласных. Позиция абсолютного начала слова допускает [p, t, k, b, d, g(x), l, f, m, ŋ, η, θ, s, ʃ, tʃ, ʎ, (λ), ʎ]. Исключаются [ɲ, ɣ, j, w], а следовательно, и восходящие дифтонги. Очень редко встречается [ɲ]; в словаре Ш.Л. Франко Гранде [Franco Grande 1972] всего 18 слов на букву ñ; [ʎ] встречается только в формах местоимений *lle, lla, llo, llos, llas* и еще в нескольких малоупотребительных словах, по данным того же словаря. Начало слога внутри слова — позиция максимального различия; кроме означенных выше аллофонов могут быть также [β, θ, γ, ɣ, ɲ, j, w].

В абсолютном исходе возможны только [l, ɾ, ŋ, s, θ, i/ɛ, u/o], а также [ʃ] при апокопе -е: *pelerinax(e)* 'паломничество'.

В имплозивной позиции внутри слова могут выступать различные аллофоны фонемы /l/ и носовые согласные в зависимости от следующего согласного (см. выше), а также [s, z, γ, ɣ, θ, j, ɲ].

Из групп согласных в начале слова возможны только сочетания с [ɾ] в качестве второго элемента: [pɾ, bɾ, tɾ, dɾ, kɾ, gɾ(xɾ), fɾ, θɾ]. Сочетания [dɾ, θɾ] возникают в результате сикопы гласного: *dereito* > *dreito* 'правый', *sereixa* < *zreixa* 'черешня'. Отсутствуют сочетания с [l] в качестве второго элемента, поскольку в исконных словах всякий [l] перешел в [ɾ] в этой позиции: *blanco* > *bɾanco* 'белый', *flaco* > *fɾaco* 'слабый'.

В конце слова возможно только сочетание согласных [ns] в формах мн. ч. имен: *caṇs* 'собаки', *boṇs* 'хорошие'.

Внутри слова сочетания согласных более разнообразны, но все же их количество более ограничено, чем в испанском. В начале слога могут быть сочетания различных реализаций фонем /p, t, k, b, d, g, f/ с [ɾ] и [l], а также сонантами [j] и [w]. На стыке слогов возможны сочетания типа "носовой + [p, b, t, d, k, g(x), f, t]", "[l] + [f, m, ɾ, g(x)]", "[ɾ] + [β, θ, t, m]", "[ɲ] + [k, t, p, ʃ]", "[z] + [n, m].

Регулярные альтернации согласных немногочисленны. В именах согласному [-ŋ] в формах м.р. соответствует ноль звука в формах ж. р.: irmán 'брат' — irmá 'сестра', chan 'плоский' — cha 'плоская'. В формах мн. ч. ему соответствует [n]: can [kaŋ] 'собака' — cans [kans] 'собаки'. Согласному [-l] в формах ед. ч. некоторых имен соответствует ноль звука или [i] в формах мн. ч.: cadril 'бедро' — cadrís 'бедра', animal 'животное' — animais 'животные', social 'социальный' — sociais 'социальные'.

В синтагмах наиболее часто встречается обусловленная исторически альтернация конечных [-s] и [-r] в некоторых формах: согласному [-r] инфинитивов и предлога por и [-s] форм 2 л. ед. ч. и форм мн. ч. глаголов, а также детерминативов todos, todas 'все', máis 'больше', ambos, entambos 'оба' и местоимений nós 'мы', vós 'вы', lles 'им' перед формами определенного артикля o, os, a, as соответствует [-l]; то же наблюдается при присоединении к глаголу энклитических местоимений o, os, a, as: todos os días > tódolos días 'каждый день', o pai e máis o fillo > o pai e máilo fillo 'отец да сын', non quero facelo 'я не хочу этого делать', trouxécheas (< trouxeches + as) 'ты их принес', polo (< por + o) que sabemos 'насколько мы знаем'. Как видно из примеров, альтернация может находить или не находить отражение на письме. В этих сочетаниях произошла ассимиляция конечных [-r] и [-s] начальному [l-] артикля и местоимений, которые утратили это [l-] в других случаях. В синхронном плане проведение морфемной границы в формах типа tódolos условно; обычно [l-] относят к артиклю или местоимению и говорят о наличии алломорфов, или вторых форм, определенного артикля и энклитических местоимений.

УДАРЕНИЕ И ИНТОНАЦИЯ

Большинство исконных слов галисийского языка, ведущих свое происхождение из разговорной латыни, двусложные с силовым ударением на первом или втором слоге. Сохранилось, однако, некоторое количество трехсложных слов с ударением на первом слоге, поскольку в них заударный гласный проявил большую устойчивость и не подвергся синкопированию: cóbado 'локоть', dúbida 'сомнение', pínfiga 'саламандра', lóstrego 'молния', péxego 'персик', sóxegas 'щекотание', ríspeto 'жесткий', tépedo 'прохладный' и др. В глагольных формах с энклитическими местоимениями ударение может падать дальше третьего слога от конца: acaraóndosemelle 'приближаюсь ко мне'.

По наблюдению Р. Карбальо Калеро [Carballo Calero 1966, 75] в синтагмах, представляющих собой многосложное слово или группу слов, объединенных одним ударением, имеется ясно выраженное побочное ударение на первом слоге синтагмы, сопровождающееся повышением тона.

Являются ударными притяжательные прилагательные, когда они употребляются в сочетании с определенным артиклем: o meu pai 'мой отец', as nosas fillas 'наши дочери' в отличие от meu pai, где прилагательное безударно. Несут ударение также формы неопределенного

артикля. Безударны формы определенного артикля и титулы *don* 'господин', *dona* 'госпожа', *san, santo* 'святой' [Там же, 73—75].

Галисийская интонация отличается своеобразием, но плохо изучена в деталях. Диапазон голоса такой же, как в кастильском, — около одной октавы, но средний тон выше, а мелодическая линия более изломанная; поэтому на кастильцев галисийская речь производит впечатление кричащей [Porto Daréna 1977, 43]. Основные особенности галисийской интонации мы излагаем по работе [Porto Daréna 1973]. К ним относятся прежде всего увеличение длительности ударного гласного, на который приходится изменение высоты тона, и понижающаяся интонация вопросительного высказывания. Общий вопрос отличается от утверждения только резким повышением тона на первом слоге первого слова фразы. Ср. одну и ту же фразу с утвердительной и вопросительной интонацией (цифрами 1, 2, 3 обозначается высота тона):

2 1 2 1 1 2 1
[beŋ maɲá pola tá:rðe i)
Ven maɲá pola tarde
'Он придет завтра вечером'
3 2 2 1 1 2 1
[beŋ maɲá pola tá:rðe i)
¿Ven maɲá pola tarde?
'Он придет завтра вечером?'

Второй тип интонации наблюдается также в вопросе с вопросительным словом:

1 3 2 2 1
[e por ké: nóŋ bes i)
¿E por qué non ves?
'А почему ты не приходишь?'

Хотя в *¿por qué?* 'почему' силовое ударение приходится на второй элемент, сильное повышение тона на первом элементе создает впечатление, что именно он ударный.

Единственный случай повышающейся интонации — это вопрос с переспросом:

3 2 1 3
[bes maɲá i nóŋ i)
¿Ves maɲá, non?
'Ты придешь завтра, да?'

Восклицательное высказывание также характеризуется резким повышением тона на первом ударном слоге, затем тон понижается, но более плавно, чем в вопросе:

1 3 2 1 1
[e kómo nóŋ se van a ðárl i)
¡E cómo non se van a dar!
'И как это они не привыкнут'

В приказах повышение тона приходится также и на vokativ:

1 2 1 1 1 3 2 1 1
[aŋkúŋa nêŋol tráe o martíŋol i)
¡Aŋkúŋa, nêŋo, tráe o martillo
'Слушай, парень, принеси молоток'

В сложноподчиненных предложениях повышение тона наблюдается на последнем ударном слоге первой части, затем тон остается более или менее ровным:

1 1 2 3 1 2 1 1 2 1
[kándo entraβa! salía o manólo!]
Cando entraba, salía o Manolo
'Когда я входил, выходил Маноло'

ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

Проблемы, связанные как с общей ориентацией галисийской графики и орфографии, так и с частными вопросами отражения на письме звуковых особенностей галисийской речи, относятся к числу наиболее дискуссионных и носят не только сугубо лингвистический характер, но могут трактоваться и в культурно-политическом аспекте.

Единых норм галисийской графики и орфографии до сих пор не существует. Каждая корпорация, каждый пишущий выбирает одну из существующих или предлагает свою собственную. Основными являются правила Галисийской академии, одобренные в 1970 г. [Real Academia Galega 1977], нормы Института галисийского языка, изложенные в его учебнике [Galego 1975; Gallego 1976; 1977], и нормы, предложенные Галисийской социопедагогической ассоциацией [Asociación 1980]. Существует также целый ряд индивидуальных проектов, осуществляемых на практике их авторами. Все проекты можно разделить на две группы: те, которые следуют специфике современного галисийского произношения, и те, которые стремятся учитывать исторические связи галисийского с португальским и пытаются сблизить орфографию этих двух языков.

Что касается гласных, основной упрек, делаемый современной галисийской графике, — это неразличение открытых и закрытых гласных [e] и [ɛ], [o] и [ɔ]. В этом усматривается даже зависимость галисийской графики от кастильской, в то время как в португальской проводится различие открытости/закрытости гласных [Coromines 1976; Montero Santalla 1976; Prieto Alonso 1977]. Однако можно возразить, что и в португальском языке в большинстве случаев открытость/закрытость гласных не находит отражения в графике, несмотря на наличие специальной диакритики; то же самое наблюдается и в других романских языках: итальянском, каталанском. К тому же качество гласного в одном и том же слове может колебаться в зависимости от диалекта, и провести унификацию здесь нелегко; единая же графическая форма служит как бы инвариантом, объединяющим различные диалектные произношения, как это наблюдается в названных романских языках. Если бы галисийские лингвисты поставили себе задачей отразить на письме открытость/закрытость гласных, им пришлось бы провести огромную работу по орфоэпической нормализации, которая вызвала бы новые дискуссии.

Сторонники португальской ориентации предлагают различать открытость/закрытость ударных гласных с помощью знаков ударения,

например, обозначать как *e*, *o* открытые гласные и как *é*, *ó* — закрытые [Prieto Alonso 1977, 145]. Слитные формы предлога *a* и артикля предлагается акцентуировать следующим образом: *ò*, *à*, *òx*, *às*, чтобы показать их безударность. Обычно слияние предлога *a* и артикля м. р. ед. ч. *o* обозначается или как *ó* (норма Института галисийского языка), или как *ao* (норма Галисийской академии). Оба варианта употребительны на письме, но преобладает *ao*, несмотря на то что произносится всегда только [p].

Другим спорным пунктом является отражение элизии гласных на письме. Галисийские писатели XIX — начала XX в. стремились отражать все случаи элизии, и их письмо пестрело апострофами и дефисами, что затрудняло чтение [Alonso Montero 1970, 54]. Еще М. Вальядарес [Valladares 1970, 39, 40, 96] выступал против злоупотребления апострофами, допуская их только в случае элизии гласных в служебных частях речи: *est' outro*, *non ll'o digo*, *diréich'algo* и т.д. В современном письме апострофы более не употребляются; санкционировано лишь ограниченное количество слитных написаний сочетаний предлогов с артиклем, детерминативами и местоимениями: *dun*, *neste*, *dela*, *poutro*, а также сочетаний безударных неавтономных местоимений: *mo*, *ma*, *cho*, *cha* и т.д. (полный перечень всех случаев дается при описании отдельных частей речи). Однако те, кто привык отражать на письме живое произношение, выступают за введение апострофа [С. 1978а, 99]; отмечается также, что при слитном написании стираются границы слов [Prieto Alonso 1977, 145].

Отражение на письме согласных представляет собой более сложную проблему. В нормах Галисийской академии и Института галисийского языка сочетаются этимологический и фонетический принципы. Например, если сохраняются этимологические написания для /k/ (*c*, *qu*) и /θ/ (*c*, *z*), то для /s/ введена графема *x* во всех случаях независимо от происхождения звука; старые написания *j* и *g* (+ *e*, *i*) упразднены. Употребление *ñ* и *ll* сближает галисийский с испанским, однако неверно было бы считать, что эти написания, как и *ch*, *qu*, *gu* и др., являются в галисийском заимствованиями из кастильского. Они были обычны в средневековых текстах и развились параллельно сходным написаниям в кастильском [McCartney 1967; Veiga Arias 1983, 297]. Тем не менее сторонники португализированной орфографии предлагают ввести взамен *ll* и *ñ* диграфы *lh* и *nh*, этимологические написания *g*, *j* для /s/ и даже *ç* наряду с *c*, *z*, *sc* для обозначения /θ/ и *ss* для обозначения /s/ между гласными. К. Дуран [Durán 1979, 244] прямо заявляет, что проведение фонетического принципа в галисийской орфографии невозможно; единственным принципом может быть историко-этимологический; современная орфография должна основываться на орфографии старого языка, поэтому, например, букву *x* следует употреблять только в исторически обоснованных случаях для обозначения /s/ или /ks/ и писать Хегхем, Alexandre, снхх, схесутаг, но гегал. Утверждается даже, что употребление *x* /s/ превращает галисийский в белую ворону среди романских языков [С. 1978а, 100]. Однако Р. Карбальо Калеро [Carballo Calero 1966, 78] совершенно верно отметил в своей грамматике, что этимологические написания не могут быть проведены последовательно

в силу множественности источников фонемы /ʃ/: ср.: persicu > рехего 'персик', passaru > рахаго 'птица', capsula > саиха 'ящик'.

Графема х вызывает, пожалуй, наибольшие споры среди лингвистов. В употреблении этой буквы для обозначения /ʃ/ или /ks/ наблюдались постоянные колебания и раньше, продолжают они и сейчас. Хотя в норме х обозначает только /ʃ/, фактически эта графема двузначна, поскольку она часто сохраняется в культизмах в значении /ks/, /s/: existencia, texto, sexo. Нормы Галисийской социопедагогической ассоциации прямо рекомендуют использовать х в двух функциях и сочетание /ks/ всегда передавать с помощью х: exílio, máximo за исключением тех случаев, когда в том же слове х уже использовано для передачи /ʃ/: esaxerar, estranxeiro, esixir, а не ехахераг, extranxeiro, exixir [Asociación 1980, 18]. Это усложняет чтение, поскольку и в культизмах х может читаться как /ʃ/: exemplo [Moralejo Alvarez 1977, 137–139].

Со времени галисийского возрождения наблюдались также колебания в передаче /ŋ/ между гласными: un-a, un-ha, um-ha [Alonso Montero 1970, 55]. Поскольку сторонники португализированной орфографии предлагают использовать nh для передачи /ŋ/, для /ŋ/ изобретается диграф mh: umha, algumha.

Буква у допускается для передачи /j/ только в ксенизмах: Yale, Yankee и в арханизированных написаниях имен собственных: Alday, Albixou.

Наблюдаются колебания в написании некоторых слов с b или v. Поскольку эти две буквы обозначают одни и те же звуки [b] и [β], их выбор может быть обусловлен только этимологией и традицией. Традиция может нарушаться ради сближения с португальским, и тогда пишется, например, povo, dúvida вместо robo 'народ' и dúbida 'сомнение'.

Этимологическое h сохраняется в начале ряда слов: hohe 'сегодня', historia 'история'; после префиксов h опускается: desumano 'нечеловечный', inábil 'неловкий'; ср. также гал. coerente 'когерентный', proibir 'запрещать' и исп. coherente, prohibir [Asociación 1980, 17]. Встречаются орфографические кастильское, hirmán, horfo, hovo вместо irmán 'брат', orfo 'сирота', ovo 'яйцо' и, наоборот, для того, чтобы сделать слово непохожим на кастильское, h опускается в тех словах, в которых оно всегда писалось: ohe, abelencia вместо hohe 'сегодня', habelencia 'ловкость' [Moralejo Alvarez 1977, 137–139].

Правила акцентуации, установленные Институтом галисийского языка, в основном сходны с соответствующими правилами испанского языка, но несколько более сложны.

1. В общем случае ударение графически отмечается: в словах с ударением на последнем слове и с мелодом на гласные, дифтонги и согласные -s, -n, -ña: reldo, caído, combu, lúndu, mánans, coméu, fuxíu; в словах с ударением на втором слове от конца, если они не оканчиваются на гласные дифтонги и согласные -a, -n, -ñ: útil, cóndor, Méndez, в словах с ударением на третьем и далее слове от конца: aóuxete, fóramos, tróuxolo.

2. Графическое ударение, если оно имелось в слове, сохраняется при добавлении энклитик: colléuno, collíno.

3. При сочетании ударной закрытой и безударной открытой гласной графическое ударение ставится как знак отсутствия дифтонга: *sabía, súa, acéntuo, raíña, baúl*.

4. Если к глаголу присоединяется посредством дефиса артикль, относящийся к следующему существительному, ударный слог глагола в любом случае отмечается знаком ударения: *pérde-lo tempo* 'ты теряешь время', *perdê-lo tempo* 'терять время', *decí-la verdade* 'говорить правду'.

5. В некоторых случаях графическое ударение используется для различения омофонов: *sí* 'да' — *si* 'себя', *sóio* 'только' — *soio* 'один', *máis* 'больше' — *mais* 'но', *fóga* 'вне' — *fora* прошедшее конъюнктива от *ser* 'быть', *é* 3 л. ед. ч. презенса от *ser* 'быть' — *e* 'и', *té* 'чай' — *te* 'тебя', *pé* 'нога' — *pe* 'пе' (название буквы), *pós* 'мы' — *pos* 'нам, нас', *vós* 'вы' — *vos* 'вам, вас', *ún* неопределенно-личное местоимение м.р. — *un* неопределенный артикль м. р. ед. ч.; также для различения слитных форм артикля с предлогами и союзом *sa* 'чем' и омонимичных им слов используется знак ударения; ср.: *á* < *a* + *a* и *a* (определенный артикль ж. р. ед. ч.); *ó* < *a* + *o* и *o* (определенный артикль м. р. ед. ч.); *da* < *de* + *a* и *da* 'дает', *po* < *en* + *o* и *pó* 'узел'; *có* < *ca* + *o* и *co* < *con* + *o*; *cá* < *ca* + *a* и *ca* 'чем'; *pró* < *pra* + *o* и *pro* 'но'; *prá* < *pra* + *a* и *pra* 'для'.

Критики современной орфографии галисийского языка считают, что правила акцентуации фактически скопированы с испанских и не отражают не только открытости/закрытости гласных, но и слоговую структуру слова, поскольку в галисийском многие сочетания гласных произносятся с зиянием, а не как дифтонги. Такие слова, как *arduo, residuo, memoria, lingua*, следовало бы писать со знаком ударения: *árduo, resíduo, memória, língua*, как в португальском, потому что в них конечные сочетания гласных произносятся в два слога и ударение падает на третий слог от конца [Durán 1979, 243]. Правила Галисийской социопедагогической ассоциации [Asociación 1980, 13—16] предлагают в этом случае, как и в других, следовать португальскому языку и писать *língua, história, pátria* со знаком ударения, а слова типа *comia, feria* писать без знака ударения. Знак ударения предлагается также использовать по образцу португальского для различения перфекта и презенса 4-й формы глаголов: *cantámos — cantamos, collémos — collemos, ferímos — ferimos*.

Употребление дефиса является одним из наиболее уязвимых пунктов орфографии, предлагаемой Институтом галисийского языка. Дефис используется при присоединении формы определенного артикля на 1-к предыдущей глагольной форме с исходом на -г и -s или к глагольной форме с энклитиками *nos, vos, les*: *tocá-la gaita* 'играть на волынке', *ahí té-la pluma* 'держи ручку', *xa sabémo-la lección* 'мы уже выучили урок', *tocóuno-la vez* 'пришла наша очередь'. По мнению авторов орфографии, дефис должен означать, что артикль, хотя и связан фонетически с глаголом, синтаксически относится к следующему слову. Однако без дефиса артикль присоединяется к словам *todos, todas* 'все', *minha* 'и', *ambos, entrambos* 'оба'; *tódoos días* 'каждый день', *o pai e máilo fillo* 'отец и сын', *ámbolos dous* 'и тот и другой'. Энклитические местоимения также пишутся слитно с глаголом, без дефиса. Противники употребления дефиса считают, что письмо не обычно отражает все

фонетические варианты слова в потоке речи, но должно указывать ясно на границы слов, поэтому предлагается не отражать на письме ассимилированные формы артикля: *todos os días, tocar a gaita* [Cargallo Calero 1966, 79]. Оба написания в настоящее время являются употребительными, однако раздельное написание без дефиса преобладает.

Несмотря на жесткую критику, очевидно, что нормы графики и орфографии, выработанные Институтом галисийского языка и Галисийской академией, в общем удачно отражают специфику современного галисийского произношения; это, конечно, не исключает их дальнейшего совершенствования. Но оппозиция этим нормам со стороны тех, кто стремится португализировать письменный язык, очень сильна и проявляется не только среди писателей и филологов, но и в педагогических кругах. Пожалуй, наиболее ярко стремление к интеграции галисийской и португальской орфографии выражено в статье Ш.-А. Монтеро Санталы [Montero Santalla 1976], получившей благоприятный отклик у галисийских филологов, а также у известного каталанского лингвиста Ж. Короминеса, который посвятил отдельную статью проблемам португализации галисийской орфографии [Coromines 1976]. Ш.-А. Монтеро Санталья откровенно заявляет, что галисийский язык, находящийся в подчиненном положении по отношению к кастильскому, обречен на вымирание или слияние с ним, если только он не начнет ориентироваться на португальский, для чего необходимо прежде всего унифицировать орфографию.

Движение за португализацию орфографии является одним из проявлений дифференциализма, т.е. отталкивания любыми средствами от кастильского языка [Moralejo Alvarez 1977, 95]. Проявления дифференциализма многообразны на всех уровнях языка и будут рассмотрены ниже. Здесь же следует обратить внимание на то, что стремление унифицировать галисийскую и португальскую орфографию имеет весьма слабую лингвистическую основу. Каждый, кто знаком с португальским и испанским, легко может увидеть, что фонетические особенности современного галисийского языка в большой степени отличают его от португальского и сближают с испанским. Между тем сторонники португализации совершенно необоснованно заявляют, что унификацию орфографии провести очень легко. Конечно, сравнительно легко заменить *ll* на *lh*, *ñ* на *nh*⁷, следовать в употреблении букв *b*, *v* и дефиса португальскому. Но замена *x* на *g*, *j*, введение *ç* и *ss*, различение которых не отражает никакой фонетической реальности, приведет к затруднениям в овладении учащимися правилами письма. Самым сильным препятствием на пути унификации орфографии является наличие в португальском большого числа носовых гласных и дифтонгов, в том числе в составе грамматических формантов. Этот факт признается всеми, но ради высшего блага языкового единства с Португалией — галисийцев призывают пойти на жертвы и принять такие гибридные

⁷ В. Гарсия де Диего выступал в свое время против использования диграфов *lh* и *nh*, которые и в португальском являются инновациями из провансальского [García de Diego 1979, 112].

формы, как, например, *nasíom* вместо *nasíon* 'народ', *estaçom* вместо *estaciôn* 'станция'; ср. порт. *nação*, *estação* [Coromines 1976].

Сторонники португализации орфографии осуществляют свои намерения на практике и вместо следования выработанным лингвистами нормам, предлагают различные варианты португализированной орфографии, что ведет к настоящей языковой анархии. Приведем в качестве примера отрывок из транскрипции в португализированной орфографии перевода некоей русской сказки, которую сделал К. Дуран [Durán 1979]:

Havia ãa vez un pastor cobiçoso que estava a assar nun assador, e mais un pobre de peidi que non tinha nada que assar. O único que tinha o pobre era ãa bica que non lle valia a nada. Achegón-se o pobre à fogueira e puxo-se a afumar a bica.

— Que estás a fazer, ho? — perguntou o pastor.

— Quero que a minha bica colha o cheiro da carne. Assi dará gosto comê-la.

— Pois ti és un ladrón — dixo o pastor.

— Por que un ladrón?

— Non ves que a fogueira é minha? E mais a carne tamén é minha? Pois logo o fumo é o meu e os peidos son meus. Ti apropiaches-te do alheio. Vamos ao juez...

Здесь мы видим употребление португальских графем *ç*, *ph*, *lh*, *nn*, *j*, дефиса вместо слитного написания глагола и энклитики, португальское написание *fazer* вместо *facer*, португальскую акцентуацию: *comê-la*, *ladrõn* (но и *ladrón* по недосмотру то ли автора, то ли наборщика) и даже отсутствие перевернутого вопросительного знака в начале вопроса. Написание *ũa*, видимо, навеяно средневековыми текстами.

Нельзя отрицать полезности обращения к другим романским языкам с длительной литературной традицией при выработке норм младописьменного языка, но в данном случае речь идет о настоящей языковой интеграции, причем эта интеграция носит чисто элитарный, культурологический характер. Некоторых галисийских филологов очень беспокоит проблема распространения галисийской литературы за пределами Галисии, поэтому они настаивают на интеграции, хотя бы в орфографии, с одним из мировых языков, на котором говорят около двухсот миллионов человек в разных частях света. При этом они забывают, что главным условием популярности того или иного произведения являются его художественные достоинства, которые способны преодолеть любые языковые барьеры. Пока же, по собственному признанию галисийских филологов, галисийская литература остается мало известной даже в соседней Португалии.

Португализирующие тенденции в орфографии с особой силой проявились в 70-е годы нашего века и захватили даже тех, кто ранее придерживался орфографии, основанной на фонетической реальности современного языка. Эту орфографию необоснованно заклеили как кастилизующую, хотя ее особенности обусловлены многими сходствами между галисийским и кастильским произношением. Новый вариант орфографических правил, изданный Галисийской академией и Институтом галисийского языка [Normas ortográficas e morfolóxicas do idioma galego 1982], содержит ряд моментов, сближающих галисийскую орфографию с португальской. Главными силами в борьбе за "возвращение галисийского языка к его историческое русло" являются Галисийская социопедагогическая ассоциация и Галисийская ассоциация языка

[Associação Galega da Língua]. Резко изменил свою точку зрения на проблемы галисийской орфографии ведущий галисийский филолог Р. Карбальо Калеро, доказательством чего может служить одна из его последних книг [Carvalho Calero 1984], напечатанная с использованием такой орфографии, которая почти полностью стирает самобытные черты галисийского. В этой книге Р. Карбальо Калеро, игнорируя социолингвистическую реальность, манипулирует абстрактными структуралистическими понятиями диасистемы, системы и нормы и постулирует существование некоей диасистемы: *galego-português* или *portugalego*, *galuso*, в пределах которой португальский язык представляет собой особо престижную литературную форму. Португальский и галисийский оказываются двумя формами реализации одной галисийско-португальской системы или двумя различными нормами в пределах одной системы. Поэтому кастилизированная орфография галисийского языка должна быть заменена "исторической", т.е. учитывающей генетические связи галисийского с португальским [Carvalho Calero 1984, 17 и сл.]⁸.

Х.Х. Моралехо Алварес [Moralcho Alvarez 1982, 80 и сл.] справедливо полагает, что за унификацией португальской и галисийской орфографий скрывается португализация последней; ведь речь идет не о взаимном сближении двух орфографий, а только о приспособлении галисийской орфографии к португальской путем отказа от отражения на письме существенных черт звукового строя галисийского языка. По существу идеология сторонников португализации орфографии есть идеология пораженческая: объявляя развитие галисийского языка в новое время лишь результатом влияния испанского, они фактически ликвидируют галисийский как самостоятельный язык, подменяя его португальским.

ДИФФЕРЕНЦИАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА ОТБОРА ФОНЕТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ СЛОВ

Фонетический облик слов, как исконных, так и заимствованных из латыни (культизмов), представляет в современном галисийском языке крайне пеструю картину в силу действия разнородных тенденций при определении отношения литературного языка к диалектам и просторечию, к кастильскому, португальскому и латинскому языкам. Как уже отмечалось, господствующей среди пишущих на галисийском тенденцией является дифференциализм, стремление придать галисийским словам такую форму, чтобы они не походили на кастильские. Дифференциализм проявляется и в элиминации многих слов, общих двум языкам; из синонимов предпочтение отдается тем, которые отсутствуют в кастильском: *agro*, а не *campo* 'поле', *esquecete*, а не *olvidar* 'забывать', *agarimo*, а не *caíño* 'лески', *areño*, а не *abrazo* 'объятие' [Carballo Calero 1974, 37].

Поскольку в большинстве случаев отбором слов и форм занимаются не профессиональные лингвисты, галисийский письменный язык ока-

⁸ Позицию Р. Карбальо Калеро поддерживает индийский португальский филолог М. Родригеш Лапа [Rodrigues Lapa 1981], сторонник интеграции двух языков.

зывается скопищем такого количества лингвистических монстров, каким не может похвастаться, вероятно, ни один современный европейский язык. Против дифференциализма ведется интенсивная борьба, хотя и без большого успеха. Причиной этого является не только нежелание подчиняться каким-либо нормам, сковывающим индивидуальную свободу писателя, но и тот факт, что до недавнего времени галисийский язык нигде не преподавался и, собственно говоря, ни один взрослый галисиец не может утверждать, что "знает" литературный язык, т.е. сознательно изучал его; в действительности каждый пишущий постоянно принимает сиюминутные решения, какую форму слова избрать, более близкую к латыни или к кастильскому или более просторечную, какой диалектный вариант предпочесть. Не удивительно, что одно и то же слово может выступать в разном фонетическом облике не только в одной и той же книге или статье, но даже на одной странице, а если галисийское слово выпало из памяти пишущего или он его не знает, он может взять соответствующее кастильское и переименовать его на галисийский лад по своему усмотрению.

В галисийском языкознании сложилась целая отрасль со специфической терминологией, которая занимается разнообразными проявлениями дифференциализма. Этой проблеме посвящено отдельное исследование Ш.М. Алвареса Каккамо [Alvarez Cáccamo 1979]. Наиболее яркими являются случаи дифференциализма в фонетике, которые и будут рассмотрены ниже.

Центральным понятием искусственно созданного, "филологического галисийского языка" является понятие псевдогалисизма, под которым понимается некая форма, возникающая в результате сознательного искажения слова современного галисийского языка. Искажение производится для того, чтобы галисийское слово не было похожим на соответствующее кастильское; таким образом, псевдогалисизмы являются наиболее ярким проявлением дифференциализма.

Искажение фонетической формы слова производится по аналогии с формами других слов галисийского языка или путем применения давно отживших фонетических законов, действовавших в средневековый период развития языка. Р. Карбальо Калеро и Ш. Алонсо Монтеро употребляют в этом случае термин *hiperepñebrismo*, т.е. что-то вроде "сверхгалисизма", поскольку гал. *epñebrismo*, производное от *epñebre* 'чистый', 'искоинный', соответствует исп. *casticismo* и обозначает явление, исконно присущее галисийскому языку. Внутренняя форма этого термина (нечто очень галисийское, искоинное, древнее) не соответствует его действительному смыслу, поскольку он, наоборот, обозначает искажение настоящих галисийских слов ради дифференциации с кастильским. Ш.М. Алварес Каккамо различает гипергалисизмы — результат применения к культизмам фонетических законов, действовавших когда-то в языке, и псевдогалисизмы — результат применения тех же законов к таким словам, в которых вообще отсутствуют какие-либо основания для действия этих законов. Поскольку результаты оказываются практически одними и теми же, это терминологическое различие представляется излишним, о чем говорит и сам исследователь [Там же, 22, 23].

Тип фонетического соответствия		Слово, звучащее одинаково в гал. и исп. языках	Псевдогалисизм	Значение
исп. язык	гал. язык			
-ie-	-é-	ambiente	ambiente	'обстановка'
		científico	centífico	'научный'
-ue-	-ó-	frecuente	freconte	'частый'
		encuesta	encosta	'анкета'
-ó-	-óu-	hora	houra	'час'
		horizonte	hourizonte	'горизонт'
-é-	-éi-	paralelo	paraleilo	'параллельный'
		primavera	primaveira	'весна'
-n-	-ñ-	zona	zoa	'зона'
		rea(c)cionario	reaucioario	'реакционный'
-ŋ-	-n-	extrañar	estranar	'удивлять'
		extrañar		
		entrañas	entranas	'внутренности'
-n-	-ŋ-	destino	destiño	'судьба'
		asesino	asesiño	'убийца'
-mb-	-m-	rumbo	rumo	'направление'
-mbr-	-m-	alfombra	alfoma	'ковёр'
		sombra	soma	'тень'
-j-	-l-	maravilla	maravila	'чудо'
		brillo	brilo	'блеск'

Один из механизмов образования псевдогалисизмов следующий. У галисийца, владеющего и галисийским и кастильским, легко устанавливаются ряды более или менее регулярных соответствий между звуками галисийских и кастильских слов. По аналогии с этими соответствиями он изменяет галисийское слово, совпадающее по звучанию с кастильским, которое он принимает за кастилизм. Например, если в некоторых словах гал. [n] соответствует каст. [ŋ] (rapo — рифо 'холст', сапа — саѳа 'трость'), то галисийские слова montaña 'гора', extraño 'странный', подгоняясь под эту модель, превращаются в montana, extraño. И наоборот, если замечается, что галисийские слова с [ŋ] соответствуют кастильским с [n] (veciño — vecino 'сосед', camiño — camino 'дорога'), то появляются псевдогалисизмы determinar, destiño вместо determinar 'определять', destino 'судьба'. Образовались целая грамматика таких псевдогалисизмов [Galego 1976, 90—92, Guerra 1979]; в табл. 2. показаны наиболее обычные модели образования псевдогалисизмов.

Псевдогалисизмы могут создаваться также и результате процесса так называемой "псевдоэволюции". Говорящие и пишущие, обладающие некоторыми сведениями из исторической фонетики, могут переносить закономерные соответствия между латинскими этимонами и галисийскими словами на другие галисийские слова, чаще всего культивизмы, совпадающие по форме с кастильскими [Montejo Alvarez 1977, 130 и сл.; Rojo 1974b, 248; Galego 1976, 94—95]. Так, по аналогии с лат.

tructa > гал. truita 'фопель' возникает *estroitura* вместо *estructura* 'структура'; по аналогии с лат. *luna* > гал. *lua* 'луна' возникает *entoar* вместо *entonar* 'запевать'. В результате тексты на галисийском наводнены такими псевдогалисизмами, как *misteirioso* вместо *misterioso* 'таинственный', *sagrifizo* вместо *sacrificio* 'пожертвование', *espeitago* вместо *espectáculo* 'спектакль', *outo* вместо *alto* 'высокий', *estauta* вместо *estatua* 'статуя', *pleo* вместо *pleno* 'полный', *táitica* вместо *táctica* 'тактика', *impodente* вместо *impotente* 'бессильный', *narcódigo* вместо *narcótico* 'наркотик', и, наконец, *cadeirádegos* вместо *catedrático* 'профессор', слово, которое стало символом этого особого, выдуманного галисийского языка (*achádegos de cadeirádegos* 'профессорские находки' — так однажды назвал его М. де Унамуну).

Нет особой разницы между псевдогалисизмами, образованными на основе сравнения с кастильским и на основе псевдозволюции; и в том и в другом случае возникают слова-фантомы, однако некоторые из них, повторяясь у разных авторов, имеют шансы закрепиться если не в норме, то в узусе.

В связи с практикой создания псевдогалисизмов процессы освоения латинской лексики в галисийском носят своеобразный характер. Своеобразие это связано и с тем, что в галисийском до второй половины XIX в. не было традиции усвоения латинских слов, потому что не существовало самого литературного языка. Поскольку в Галисии функции литературного языка выполнял кастильский, в самом галисийском, естественно, не было противопоставления латинизмов исконной лексике; всякий культизм в устах галисийца считался принадлежностью кастильского языка, т.е. существовало равенство "культизм = кастилизм" [Schroten 1981, 257].

В ситуации двуязычия проникновение культизмов в галисийский происходит через кастильский, что в принципе не может рассматриваться как кастилизация галисийского; речь идет об общем латинском фонде книжных слов, которые в разных романских языках имеют незначительные фонетические отличия [Там же, 248]. Однако в результате стремления к дифференциации галисийского и кастильского языков книжные слова, неправомерно рассматриваемые как кастилизмы, подвергаются процессам псевдозволюции, "декастилизации", и таким образом возникает огромное количество псевдогалисизмов.

При создании псевдогалисизмов консонантные группы, нехарактерные для исконных галисийских слов, разрушаются, но по-разному у разных говорящих и пишущих. Например, по аналогии с трактовкой группы [-kt-] в словах исконного фонда *pectu* > *peito* 'грудь', *lacte* > *leite* 'молоко' возникают *aspeito*, *aito*, *perfeito*, *esaito* вместо *aspecto*, *acto*, *perfecto*, *esacto*. Однако в современных говорах фонетический закон [-kt-] > [-jt-] уже не действует; в просторечии [k] переходит не в [j], а в [ɣ]: *apɣeito*, *perɣeito*, *doutor* вместо *aspecto*, *perfecto*, *doctor*. Если формы с [j] решительно отвергаются нормализаторами языка, хотя они начинают появляться в письменной речи с самого начала галисийского возрождения [Alonso Montero 1970, 50], то формы с [ɣ] допускаются в письменную речь как отражение реальной черты разговорной речи. В литературном произношении допускается элиминация [k]: *efecto*

[efêto], docto [dôto], но на письме буква с должна сохраняться как знак открытости предшествующего гласного [Galego 1976, 33]. Галисийская социопедагогическая ассоциация предлагает сохранять с на письме после e, a, o: *práctica*, *octosílabo*, но опускать, после i и u: *estrutura*, *vítima*, а не *estructura*, *víctima* [Asociación 1980, 19]. В тексте на галисийском нередко можно встретить на одной и той же странице различные варианты одного и того же слова: *estructura*, *estroitura* или *estruturá*.

Многие ранее книжные слова, укоренившись в разговорной речи, давно утеряли [k] и теперь не ощущаются как вульгаризмы и не являются псевдогалисизмами: *leitor*, *leitura*, *perfeito*, *direito*, *doutor*, а потому могут быть допущены в литературный язык.

Группа "согласный + l" дает [tʃ] в исконных словах: *clave* > *chave* 'ключ', *plano* > *chap* 'плоский'. В словах книжного происхождения наблюдаются колебания между K + l и K + r, поскольку в просторечии всякое [l] в этой позиции переходит в [r]. Предлагается допустить в норму те слова с [r], которые уже освящены давним узусом и не имеют просторечной окраски: *cravo* 'гвоздь', *fraco* 'слабый', *frol* 'цветок', *branco* 'белый'. В словах, сохранивших свою книжность, [r] следует избегать: *clima*, *amable*, *explicar* [Asociación 1980, 19; Galego 1976, 42].

Группа [-ks-] в исконных словах дает [-f-]: *mataxa* > *madeixa* 'моток', *maxilla* > *meixela* 'щека'. В культизмах предлагается трактовать ее как [s]: *esacto*, *prósimo*, и отвергаются такие просторечные варианты, как *próximo*, *éisito*, *ensame/eisame*, *eisixir* вместо *prósimo*, *ésito*, *esame*, *esixir* [Galego 1976, 41]. М. Энрикес отмечает, что произношение [eɪs-] характерно для речи старшего поколения, младшее предпочитает [en-, es-] [Enríquez 1976, 146, 147].

Группу [-kθ-] предлагается упрощать в культизмах в [θ]: *confección*, *ación*, *construcción*; отвергаются просторечные формы *confeución*, *aución*, *calefaución*, как и выдуманные *confeición*, *aición*, *calefaición* [Galego 1976, 41, 34].

Группа [-pt-] отражается как [t] в исконных словах: *septe* > *sete* 'семь', *ruptu* > *roto* 'сломанный', *captivu* > *cativo* 'маленький', 'плохой'. В культизмах предлагается оставлять эту группу без изменения: *precepto*, *aceptar*, а не *preceito*, *preceuto*, *aceitar*, *aceutar* [Там же, 33, 34]. Сохраняются в культизмах и другие, более редкие группы [-pθ-, -kn-, -bs-, -gn-, -ns-, -bɣ-] и т.д.; *concepción*, *técnica*, *absoluto*, *ignorar*, *consciente*, *ouxeto*, а не *conceición*, *téunica*, *ausoluto*, *inorar*, *cosciente*, *ouxeto*.

Сторонники португальской ориентации литературного языка призывают следовать португальской орфографии соответствующих слов и писать *efeito*, *defeito*, *no efectivo*, *efectuoso*, *projecto*, *caracter* независимо от того, как эти слова произносятся. Призывают следовать португальскому и при написании частных в культизмах вариантов суффиксов -*ancia/-anza*, -*encia/-enza*, -*cio/-zo*, -*cia/-za*, а в словах с суффиксами -*ción/-zón*, -*ción*, -*zón* восстанавливать "исконные" формы без йота, т.е. применять псевдоэволюцию [С. 1978b, 107, 108]. Прилагательные с суффиксом -*ble* объявляются кастилизмами, и предлагается заменять их на формы с -*bel/-vel*: *amável* вместо *amable*, *posível* вместо *posible*. Все это является еще одним проявлением стремления отдалить галисийский от кастильского, т.е. дифференциализма.

Создание псевдогалисизмов может происходить путем фонетической адаптации кастилизмов. Заимствования из кастильского имеют своеобразный характер, если происходят по причине незнания пишущим или говорящим исконного галисийского слова. Субъективно это не заимствования, поскольку при этом как бы реконструируется несуществующее галисийское слово, исходя из известных галисийско-кастильских фонетических соответствий. Таким путем возникли гибридные формы *conejo* 'кролик' (исп. *conejo*, гал. *coello*), *sеха* 'бровь' (исп. *ceja*, гал. *cella*), *parexa* 'пара' (исп. *pareja*, гал. *parella*), *fasta* 'до' (исп. *hasta*, гал. *hastra*), *foula* 'волна' (исп. *ola*, гал. *onda* [Rojo 19746, 247, 248; Galego 1976, 104, 105; Guerra 1979]. Эти слова постигла та же судьба, что и некоторые другие псевдогалисизмы и вульгаризмы: они стали обычными в литературном языке. Более того, в некоторых случаях произошла дифференциация значений исконного галисийского слова и соответствующего псевдогалисизма; говорят *parexa de namorados* 'парочка влюбленных', но *parella de bois* 'пара волов' (в одной упряжке), *haula* 'клетка' (из исп. *jaula*) — *gaiola* 'солок для птиц', *muela* 'коренной зуб' (из исп. *muela*) — *moa* 'мельничный жернов', *culler* 'большая ложка' — *cuchara* (исп. *cuchara*) 'ложка (любая)' и даже в некоторых местностях *morrer* 'подыхать (о животном)' — *morir* 'умирать (о людях)' [Alonso Montero 1970, 40, 41; 1977, 37, 38].

Еще одним проявлением дифференциализма является употребление в литературном языке просторечных форм слов (вульгаризмов), которые, по-видимому, в силу отсутствия строгих норм в галисийском языке менее ощущаются как таковые, чем в других языках. Вульгаризмы не обязательно берутся прямо из разговорной речи, но могут изобретаться самим пишущим. Вульгаризмы являются результатом следующих фонетических процессов, живых в разговорной речи: 1) диссимиляция: *fertuna*, *romedio*, *somana*, *documento*, *celebro*, *madastra*, *padrastra* вместо *fortuna* 'судьба', *remedio* 'средство', *semana* 'неделя', *documento* 'документ', *cerebro* 'мозг', *madrastra* 'мачеха', *padrastra* 'отчим'; 2) ассимиляция: *polmonía*, *anamorado*, *memoria*, *custión*, *solene*, *istante*, *oservar* вместо *pulmonía* 'воспаление легких', *enamorado* 'влюбленный', *memoria* 'память', *cuestión* 'вопрос', *solemne* 'торжественный', *istante* 'мгновение', *observar* 'наблюдать'; 3) протеза, эпентеза и паракатагласных: *arradio*, *apillar*, *adevertir*, *estabelecer*, *nadia*, *paraе*, *eue* вместо *radio* 'радио', *pillar* 'хватать', *advertir* 'замечать', *establecer* 'устанавливать', *nada* 'ничто', *papá* 'папа', *eu* 'я'; 4) синкопа гласных: *desesprado*, *espírito*, *párceme*, *difrente*, *intresar* вместо *desesperado* 'отчаявшийся', *espírito* 'дух', *paréceme* 'мне кажется', *diferente* 'различный', *interesar* 'интересовать'; 5) метатеза: *esquirbir*, *perguntar*, *descudiar*, *fédago* вместо *escribir* 'писать', *preguntar* 'спрашивать', *descuidar* 'не беспокоиться', *fégado* 'печень'; 6) апокопа -de в суф. -dade: *salú*, *bondá*, *soedá* вместо *salude* 'здоровье', *bondade* 'добродетель', *soedade* 'одиночество'.

Графическими вульгаризмами, которым ничего не соответствует в произношении, признаются написания с *o* и *e* вместо *u* и *i* в дифтонгах: *igoal*, *Manoel*, *língua*, *mistéreo*, *rábea*, *hestórea* вместо *igual*, *Manuel*, *lingua*, *misterio*, *rabia*, *historia* [Galego 1976, 70, 71]. В разделе о дифтонгах указывалось, что, по мнению некоторых исследователей, данные со-

четания гласных в галисийском языке могут произноситься в два слога, поэтому написания с *o* и *e*, вероятно, являются попыткой отразить слоговой характер гласного. Поскольку твердые орфоэпические нормы отсутствуют, сказать что-либо определенное по этому вопросу трудно.

Так как в исконных словах с ударением на третьем слоге от конца в заударном слоге могут быть только гласные *e*, *o*, *a*, нередко и культивизмы с тем же типом ударения приспосабливаются к традиционной модели; так возникают *páledu*, *ámbetu*, *múseca*, *último*, *cálclo*, *círclo* вместо *pálido*, *ámbito*, *música*, *último*, *cálculo*, *círculo*.

Сторонники употребления вульгаризмов должны учитывать тот малоприятный факт, что многие приведенные выше просторечные формы вовсе не являются исключительной принадлежностью галисийского языка, а распространены и в других областях Испании [Rabanal 1967, 22, 23]. Поэтому употребление вульгаризмов вовсе не помогает дифференциации галисийского и кастильского, а лишь выставляет в смешном свете галисийский письменный язык в глазах сторонних наблюдателей.

В некоторых случаях первоначально просторечные формы слов приобрели самостоятельные значения, а потому могут быть сохранены в литературном языке наряду с соответствующими книжными словами; ср.: *concéncia* 'честность' и *conciencia* 'сознание', *cencia* 'ловкость', 'хитрость' и *ciencia* 'наука' [García Negro 1984, 31].

В заключение отметим еще такие проявления дифференциализма, как португализацию некоторых галисийских слов, например опущение йота в *estudar*, *truta*, *nervoso* вместо *estudiar*, *truita*, *nervioso* [Galego 1976, 82] и архаизацию написания: *nacer*, *aparescer*, *frorescer* вместо *nacer*, *aparecer*, *frörescer* [Там же, 60—62].

Что касается отношения литературного языка к диалектам, то в силу незначительности диалектных расхождений проблема отбора диалектных вариантов для галисийского не стоит так остро, как в других языках; такие яркие диалектные явления, как *seseo* и *gheada*, традиционно отвергаются литературным языком. Гораздо более сложными, как было только что показано, являются проблемы отношения галисийского литературного языка к просторечию, кастильскому и португальскому языкам, проблемы освоения латнизмов. Произвол говорящих и пишущих, решающих по своему усмотрению эти проблемы, достиг такой степени, что письменный галисийский язык, жертву различного рода лингвистических экспериментов, нередко именуют *O Cristo das linguas* (некто вроде Христа от лингвистики); впрочем, Х.Х. Моралехо Алварес с большим основанием называет это оторванное от реальной галисийской речи обритоание "истинным профессиональным жаргоном" некоторой части филологов, писателей и политиков [Moralejo Alvarez 1982, 56].

ГЛАГОЛЬНАЯ СИСТЕМА ГАЛИСИЙСКОГО ЯЗЫКА

СОСТАВ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Все глаголы галисийского языка, подобно кастильским и португальским, распределяются между тремя типами спряжения: 1-е спряжение — глаголы на -ar, 2-е спряжение — глаголы на -er, 3-е спряжение — глаголы на -ir. Наиболее многочисленными являются глаголы 1-го спряжения, к которым относятся как исконные, так и книжные слова, в том числе со сравнительно продуктивными суффиксами -ear, -exar, -izar. 2-е спряжение потеряло свою продуктивность, за исключением глаголов на -eser. Ко 2-му спряжению относятся, в частности, глаголы erguer 'поднимать', derreter 'таять', ferver 'кипеть', morrer 'умирать', хемер 'стонать' и др., которые в испанском языке имеют соответствием глаголы 3-го спряжения. Однако в отнесении глаголов ко 2-му или к 3-му спряжению наблюдаются колебания, поэтому можно встретить, например, рекомендации относить ко 2-му спряжению глаголы dizer 'говорить', eleger 'выбирать', escrever 'писать' и др., видимо, по образцу португальского языка, хотя обычно эти глаголы трактуются как глаголы 3-го спряжения.

Отличительной особенностью галисийского языка является отсутствие в литературной норме форм глагола с вспомогательным глаголом haber, соответствующих испанским формам Pretérito perfecto actual, Pretérito pluscuamperfecto, Futuro compuesto и Futuro compuesto en el pasado индикатива, Pretérito perfecto actual, Pretérito pluscuamperfecto конъюнктива и сложным формам инфинитива и герундия. В говорах действительно аналитические формы не употребляются, что же касается письменной речи, то формы с haber иногда встречаются, однако они решительно осуждаются как пример наиболее явных кастилизмов. Испанскому плюсквамперфекту индикатива соответствует форма на -га, значения других аналитических форм либо могут вообще не передаваться на галисийский язык, либо выражаться с помощью лексико-синтаксических средств, прежде всего с помощью глагольных перифраз. Таким образом глагол haber используется прежде всего в значениях 'иметься, быть в наличии', а также в составе некоторых глагольных перифраз.

Общий состав синтетических глагольных форм: 1) финитные формы: а) индикатив: Presente, Pretérito imperfecto, Pretérito perfecto, Pretérito pluscuamperfecto, Futuro, Futuro no pasado; б) конъюнктив: Subxuntivo I, Subxuntivo II; 2) нефинитные: Infinitivo, Xerundio, Participio.

Из всех частей речи глагол обнаруживает наибольшее богатство флексивных форм, отличающихся высокой степенью вариативности, и именно здесь перед нормализаторами языка стоят наиболее сложные задачи. Полиморфизм галисийского глагола в словарной форме инфинитива подробно исследован С. Оро [Оро 1976; 1977]. Как уже отмечалось, варьирование может обнаруживаться прежде всего в отнесении глагола к тому или иному типу спряжения: *decir/decer*, *discorrer/discorrir* и т.д. Варьировать могут также словообразовательные аффиксы и фонемный состав основы. С. Оро обнаружил, что число аллоформ может колебаться от двух до восьми, например *afociñar*, *afuciñar*, *enfociñar*, *enfuciñar*, *fociñar*, *fuciñar* 'удариться, уткнуться лицом во что-либо'.

Можно выделить два типа варьирования: 1) морфологическое варьирование, когда варьирует состав словообразовательных морфем, при этом наиболее распространенными случаями являются наличие/отсутствие в глаголе префиксов *a-*, *en-* (см. приведенный выше пример), наличие/отсутствии суффикса *-ecer*: *espavorecer/espavorir* 'пугать', *anegrecer/anegrar* 'чернить', а также варьирование принадлежности к типу спряжения: *caer/cair* 'падать', *perceber/percebir* 'воспринимать'; 2) чисто фонетическое варьирование, являющееся результатом афрезы, синкопы, метатезы, колебания безударного вокализма и пр.: *amparar/emparar* 'защищать', *egualar/igualar* 'выравнивать', *deshonorar/desporar* 'бесчестить', *empirifollar/emprifollar* 'разукрашивать'.

Всего для 700 глаголов 1-го спряжения С. Оро обнаружил две тысячи аллоформ, а для 190 глаголов 2-го спряжения — около 320 альтернирующих форм. А ведь материалом исследования послужило всего несколько грамматик и словарей! Последние С. Оро упрекает, в частности, за то, что они переполнены архаизмами и вульгаризмами, причем все алломорфы включаются в одну статью под какой-либо леммой, а отсылочных статей не делается. Какой огромный объем работы предстояло бы сделать составителю нормативного словаря, можно себе представить, если учесть, что во многих случаях неясно, где кончается чисто формальное варьирование и начинается семантическое, т.е. где мы имеем формальные варианты одной лексемы, а где намечаются тонкие оттенки смысла; эта проблема остается совершенно неисследованной.

Формальное варьирование флексий сравнительно невелико. В презенсе индикатива и конъюнктива, в футуруме и императиве сосуществуют флексии 5-й формы с сохранением интервокального *-d-* и стяженные: *falades/falán*, *temedes/temés*, *fuxides/fuxís*; *faledes/falés*; *falaredes/falarés*; *falade/falái/falá*; *temede/temé*, *fuxide/fuxí*, причем более употребительны полные формы [Carballo Calero 1966, 151].

В 4-й и 5-й формах имперфекта индикатива конкурируют формы с ударением на втором или третьем слоге от конца: *falabamos/falábamos*, *temíamos/temíamos*, *falabades/falábades*, *temíades/temíades*. Первые рекомендуются учебником Института галисийского языка,

вторые — грамматикой Р. Карбильо Калеро. Нормы Галисийской социопедагогической ассоциации рекомендуют формы с ударением на втором слоге от конца, но не только в этом случае, а и в формах плюсквамперфекта: *xogáramos, xogáraden, e non xogáramos, xogárades*, поскольку они являются исконно принятыми галисийскому языку и оправданы этимологически [Asociación 1980, 34, 38]. Более разнообразны формы флексий в перфекте. В 1-й форме альтернируют флексии с конечным -n и без него (последние вошли в норму): *faléi/falín, léin/falín*. Флексия 2-й формы имеет варианты -chen, -che, -nen, -ne, из которых в норме допускаются первые две. Флексии 3-й формы имеет варианты: -chedes, -stedes, -stes; нормативным является нормальный вариант: *faláchedes, temíchedes*. Из вариантов флексии 4-й формы -ron, -no (*falaron/falano, temeron/temeno, fuxiron/fuxino*) литературный язык закрепил -ron. В 3-й форме глаголов 2-го и 3-го спряжения наблюдаются варианты: *teméu/temíu/temío* и *fuxíu/fuxéu/fuxío*, из которых в литературный язык вошли *teméu* и *fuxíu*. Во 2-м спряжении в формах *temeste(s), teméstedes, teméchedes* вместо *teminte(n)* и т.д. наблюдается сохранение тематической гласной -e-.

В формах спрягаемого инфинитива возможно отражение на письме парагогического -e после -r: *falare, faláremos, faláredes* вместо *falar, falarmos, falardes*.

Глаголы на -acer, -ucir во 2-й форме императива и в 3-й форме индикатива могут терять -e: *prace/praz* от *pracer* 'нравиться', *conduce/conduz* от *conducir* 'вести' [Carballo Calero 1966, 151—152].

Приводимые ниже формы спряжения регулярных глаголов даны согласно нормам Института галисийского языка [Galego 1977].

Infinitivo: I falar; II temer; III fuxir.

Xerundio: I falando; II temendo; III fuxindo.

Participio: I falado; II temido; III fuxido.

Presente de Indicativo: I fal||o, -as, -a, -amos, -ades, -an; II tem||o, -es, -e, -emos, -edes, -en; III fux||o, -es, -e, -imos, -ides, -en.

Pretérito perfecto de Indicativo: I fal||éi, -aches, -óu, -amos, -áchedes, -aron; II tem||ín, -iches, -éu, -emos, -échedes, -eron; III fux||ín, -iches, -íu, -imos, -íchedes, -iron.

Pretérito imperfecto de Indicativo: I fal||aba, -abas, -aba, -abamos, -abades, -aban; II tem||ía, -ías, -ía, -íamos, -iades, -ían; III fux||ía, -ías, -ía, -íamos, -iades, -ían.

Pretérito pluscuamperfecto de Indicativo: I fal||ara, -aras, -ara, -áramos, -árades, -aran; II tem||era, -eras, -era, -éramos, -érades, -eran; III fux||ira, -iras, -ira, íramos, -irades, -iran.

Futuro de Indicativo: I falar||éi, -ás, -á, -emos, -edes, -áq; II temer||éi, -ás, -á, -emos, -edes, -án; III fuxir||éi, -ás, -á, -emos, -edes, -án.

Subxuntivo I: I fal||e, -es, -e, -emos, -edes, -en; II tem||a, -as, -a, -amos, -ades, -an; III fux||a, -as, -a, -amos, -ades, -an.

Subxuntivo II: I fal||ase, -ases, -ase, -ásemos, -ásedes, -asen; II tem||ese, -eses, -ese, -ésemos, -échedes, -esen; III fux||ise, -ises, -ise, -ísemos, -ísedes, -isen.

Forma en -ría: I falar||ía, -ías, -ía, -íamos, -iades, -ían; II temer||ía, -ías, -ía, -íamos, -iades, -ían; III fuxir||ía, -ías, -ía, -íamos, -iades, -ían.

Imperativo: I fal||a, -e, -emos, -ade, -en; II tem||e, -a, -amos, -ede, -an; III fux||e, -a, -amos, -ede, -an.

Infinitivo conjugado: I falar||Ø, -es, -Ø, -mos, -des, -en; II temer||Ø, -es, -Ø, -mos, -des, -en; III fuxir||Ø, -es, -Ø, -mos, -des, -en.

В учебной литературе наличие формы Futuro de Subxuntivo не упоминается, но в текстах она изредка встречается в некоторых типах придаточных. Для современного галисийского это, по-видимому, архаизм. Формы Futuro de Subxuntivo регулярных глаголов совпадают

с формами спрягаемого инфинитива; у нерегулярных глаголов используется основа перфекта; например, формы спрягаемого инфинитива от глагола *decir* имеют вид: *dixer*, *dixeres*, *dixer*, *dixeremos*, *dixerdes*, *dixeren* [Enríquez Salido 1982, 431].

ФОРМАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ 1-го СПРЯЖЕНИЯ

Как уже указывалось в первой главе, гласный корня глаголов 1-го спряжения сохраняется неизменным во всех словоформах; открытые [ε] и [ə] характеризуют глаголы *sęgar* 'косить, жать', *aęrtar* 'попадать в цель, угадывать', *aęrdar* 'вспоминать', *prębar* 'пробовать', *řqlgar* 'отдыхать'; закрытые [e] и [o] имеют глаголы *ęrtar* 'резать', *ęęar* 'ужинать', *ęrtar* 'грести'.

Глаголы на -i a г. Глаголы на -i a г. представляют трудность в том отношении, что в них по-разному трактуется сочетание -i a- как сочетание гласных и как дифтонг. Одни глаголы во всех формах имеют дифтонг, как, например, *odiar* 'ненавидеть': *o-dio*, *o-dian*, *o-die*. К этой группе относятся глаголы *estudiar* 'изучать', *anguriar* 'бедствовать, печалить', *aviciar* 'развращать', *aręriar* 'приспосабливать', *espręriar* 'экспроприировать', *leriar* 'шутить, балагурить', *anunciar* 'объявлять'. В других глаголах сочетание -i a- никогда не произносится как дифтонг ни в инфинитиве, ни в личных формах; к таким глаголам относятся *ařiar* 'точить', *adobiar* 'наряжать, украшать', *arrefriar* 'охлаждать', *aręriar* 'дрожать от страха', *ęhiar* 'пищать, чирикать', *eņřiar* 'вдевать', *esřiar* 'подглядывать', *řiar* 'прясть; доверять'.

Присутствие дифтонга в инфинитиве и зияния в личных формах обнаруживается в глаголах *variar* 'изменять' и *trasvariar* 'бредить': *vari-o*, *vari-an*, *vari-e*.

Глаголы *cambiar* 'менять', *gabiar* 'неистовствовать', имеющие дифтонг в инфинитиве, в 1-й, 2-й, 3-й и 6-й формах презенса индикатива и конъюнктива имеют основу *cambę-*, *gabę-*: *cambe-o*, *cambe-as*, *cambe-a*, *cambe-e*, *cambe-es*.

Глаголы на -u a г. Дифтонг [wa] сохраняется в глаголах *menęuar* 'уменьшать(ся)', *fraguar* 'ковать', *deslinguarse* 'распускать язык': *fra-guo*, *fra-güe*. Имеют дифтонг в инфинитиве, но зияние в фннитных формах глаголы *graduар* 'градуировать', *esęetuar* 'исключать', *acentuar* 'подчеркивать, делать ударение', *situар* 'располагать': *acentú-o*, *acentú-e*, *acentu-amos*. Всегда с зиянием произносятся глаголы *resuar* 'отступать', *baduar* 'нести околесину', *resuaręęe* 'черстветь, твердеть': *resu-ar*, *resú-o*, *resú-e*.

ФОРМАЛЬНЫЕ ОСОВЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ 2-го СПРЯЖЕНИЯ

Напомним, что для глаголов 2-го спряжения характерна, за некоторыми исключениями, альтернация гласных основы; так, глаголы *vęser* 'побеждать' и *ęęer* 'бежать' имеют следующие формы презенса индикатива: *vęzo*, *vęnces*, *vęnce*, *vęcemos*, *vęcedes*, *vęncen*; *ęęro*, *ęęres*, *ęęre*, *ęęremos*, *ęęredes*, *ęęren*.

Подобным образом спрягаются глаголы meter 'класть', suceder 'происходить', vender 'продавать', хетер 'стонать', temer 'бояться', ferver 'кипеть', tecer 'ткать', adoeser 'взбеситься', froleser 'цвести' и другие глаголы на -есер, tenxer 'скрипеть', encher 'наполнить', coller 'брать', сопосер 'знать', comer 'есть', responder 'отвечать', morder 'кусать', toller 'отнимать', chover 'дождить', сосер 'варить', сонер 'пить', volver 'возвращать', morrer 'умирать' и многие другие.

Ряд глаголов на -оер, -аер: choer 'огораживать', доер 'болеть', гоер 'грызть', моер 'молоть', траер 'приносить', саер 'падать', гноер 'тишеть' имеют ту особенность, что перед окончаниями, содержащими гласную -о-, -а-, выступает вариант основы с -i-: moi-, roi-, trai- и т.д. В качестве образца приводим формы презенса индикатива и конъюнктива глагола moer: moio, moes, мое, моemos, moedes, moen; moia, moias, moia, moiamon, moiades, moian. Кроме того, глаголы choer, доер, гоер, моер обнаруживают обычную для глаголов 2-го спряжения альтернацию гласных [э] — [о].

В глаголе ler 'читать' гласный -е- основы сливается с -е- флексии: le, les, len. lemos и чередуется с нулем, если флексия начинается с -l-: lía, líamos, lin, liches.

ФОРМАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ 3-го СПРЯЖЕНИЯ

Поскольку альтернация гласных в глаголах 3-го спряжения имеет более сложный и неустойчивый характер, мы излагаем здесь нормы, предложенные Институтом галисийского языка [Galego 1977, 173], отвлекаясь от других вариантов.

Гласный корня остается неизменным во всех словоформах глаголов vivir 'жить', conducir 'вести', muxir 'мычать', lucir 'сверкать', fundir 'плавить', confundir 'смешивать', afrixir 'удручать', dirixir 'управлять', tinxir 'окрашивать', urxir 'торопить', recibir 'получать', resistir 'сопротивляться', urdir 'навивать основу', unir 'объединять', nutrir 'питать', espilir 'возбуждать', espir 'раздевать', percibir 'воспринимать', asistir 'присутствовать', cinguir 'опоясывать'.

Имеют [э] во 2-й, 3-й и 6-й формах презенса индикатива и [у] в других формах глаголы fuxir 'убегать', cubrir 'покрывать', ruxir 'реветь', cumprir 'выполнять', ulir 'пахнуть', sumir 'погружать', subir 'подниматься', pruir 'зудеть', durmir 'спать', tusir 'кашлять', cuspir 'плевать', acudir 'прибывать', engulir 'глотать'. В качестве образца приводим формы презенса индикатива и конъюнктива глагола fuxir: fuxo, foxes, foxe, fuximos, fuxides, foxen; fuxa, fuxas, fuxa, fuxamos, fuxades, fuxan.

Имеют [i] в 1-й, 2-й, 3-й и 6-й формах презенса индикатива, во 2-й форме императива и во всех формах презенса конъюнктива и [е] в остальных формах глаголы medir 'мерять', inxerir 'прививать', rexir 'управлять', rendir 'воздвигать', arrepentir 'раскаиваться', seguir 'следовать', ferir 'ранить', mentir 'лгать', servir 'служить', concebir 'зачать', divertir 'развлекать', converter 'превращать', elerir 'выбирать', sentir 'чувствовать', vestir 'одевать'. В качестве образца приводим формы презенса индикатива и конъюнктива и императива глагола medir: mido, mides,

mide, medimos, medides, miden; mida, midas, mida, midamos, midades, midan; mide, mida, midamos, medide, midan.

Ряд глаголов на -uir: *construir* 'строить', *destruir* 'разрушать', *instruir* 'обучать', *obstruir* 'препятствовать', *intuir* 'интуитивно чувствовать', сохраняют зияние на стыке основы и флексии во всех формах, что отражается в их написании. В качестве образца приводим формы презенса индикатива и конъюнктива и императива глагола: *construir*: *constrúo*, *constrúes*, *constrúe*, *construímos*, *construídes*, *constrúen*; *constrúa*, *constrúas*, *constrúa*, *construamos*, *construades*, *constrúan*; *constrúe*, *constrúa*, *construamos*, *constrúide*, *constrúan*.

СПРЯЖЕНИЕ НЕРЕГУЛЯРНЫХ ГЛАГОЛОВ

Нерегулярные глаголы обнаруживают разнообразные изменения в основе инфекта и перфекта, в большинстве случаев сходные с соответствующими явлениями португальского языка. В отличие от последнего галисийские нерегулярные глаголы имеют различные флексии в 1-й и 3-й формах перфекта индикатива: -en и -o. Ниже приводятся выборочно парадигмы спряжения нерегулярных глаголов, обладающие значительной вариативностью. На первом месте даются варианты, признанные нормативными Институтом галисийского языка [Galego 1977], в скобках — другие варианты, приводимые в работах [Carballo Calero 1966; Santamarina 1974b].

A n d a r

Preterito perfecto: 1. *andiven* (*anduvén*), 2. *andiveches* (*anduveches*, *andiveche*, *anduveche*), 3. *andivo* (*anduvo*), 4. *andivemos* (*anduvemos*), 5. *andivêchedes* (*anduvechedes*, *anduvestes*), 6. *andiveron* (*anduveron*).

C a b e r

Presente: 1. *caibo* (*queipo*, *cabo*); 2. *cabes*, 3. *cabe*, 4. *cabemos*, 5. *cabedẽs*, 6. *caben*.

Preterito perfecto: 1. *couben* (*coupen*), 2. *coubeches* (*coupeches*), 3. *coubo* (*coupo*), 4. *coubemos* (*coupemos*), 5. *coubêchedes* (*coupêchedes*, *coubestes*, *coupestes*), 6. *couberon* (*couperon*).

Subxuntivo I: 1. *caiba* (*queipa*, *caba*), 2. *caibas* (*queipas*, *cabas*), 3. *caiba* (*queipa*, *caba*), 4. *caibamos* (*queipamos*, *cabamos*), 5. *caibades* (*queipades*, *cabades*), 6. *caiban* (*queipan*, *caban*).

D a r

Presente: 1. *dou* (*don*), 2. *das*, 3. *dá*, 4. *damos*, 5. *dades*, 6. *dan*.

Preterito perfecto: 1. *din* (*dei*, *dein*), 2. *dechex* (*dichen*, *deche*), 3. *deu* (*dou*, *diu*), 4. *demos* (*dimos*), 5. *dêchedes* (*dichedes*, *destes*, *destis*, *distes*), 6. *deron* (*diron*).

Preterito pluscuamperfecto: 1. *dera* (*dira*), 2. *deran* (*diran*), 3. *dera* (*dira*), 4. *dêramos* (*díramos*), 5. *dêrades* (*dirades*, *derais*, *deráis*), 6. *deran* (*diran*).

Subxuntivo I: 1. *deu* (*dín*, *dé*, *dein*, *deñu*), 2. *deux* (*díux*, *des*, *deias*, *deñas*), 3. *dea* (*día*, *dé*, *deia*, *deña*), 4. *deamos* (*déamos*, *díamos*, *díamos*, *demos*, *deiamos*, *deñamos*), 5. *deades* (*déades*, *díades*, *díades*, *dleden*, *deden*, *deinden*, *deñuden*, *díais*, *dáis*), 6. *dean* (*dían*, *den*, *deian*, *deñan*).

Subxuntivo II: 1. *dexe* (*díxe*), 2. *dexen* (*díxen*), 3. *dese* (*díse*), 4. *dêsemos* (*dísemos*), 5. *dêsedes* (*dísedes*, *dêseis*, *dexén*), 6. *dexen* (*díxen*).

Imperativo: 2. *dá*, 5. *dade* (*dai*)

D e c i r

Presente: 1. *digo*, 2. *dis* (*dícen*), 3. *di* (*díce*), 4. *decimos*, 5. *decides* (*decís*), 6. *din* (*dícen*).

Preterito Perfecto: 1. *dixen*, 2. *dixeches*, 3. *dixo*, 4. *dixemos*, 5. *dixêchedes* (*dixestes*), 6. *dixeron*.

Futuro: 1. *diréi* (*diréin*), 2. *dirás*, 3. *dirá*, 4. *diremos*, 5. *diredes* (*diréis*), 6. *dirán*.

Subxuntivo I: 1. *diga*, 2. *digas*, 3. *diga*, 4. *digamos* (*dígame*), 5. *digades* (*dígame*, *digáis*, *digais*), 6. *digan*.

Presente: 1. entôu (entôu, tou), 2. entân (tan), 3. entâ (ta), 4. entaimon (taimon), 5. entaden (tades, taia), 6. entân (tan).

Preterito perfecto: 1. entiven (estuvon, tuvon), 2. entivouhen (estuvouhen, tuvouhe), 3. entivo (estuvo, tuvo), 4. entivemon (estuvemon, tuvemon), 5. entivêchedes (entivêchedes, tuvêntes), 6. entiveron (entuveron, tuveron).

Subxuntivo I: 1. estea (esté, istia, tea, tefia), 2. estaon (entôa, intia, teon, tefia), 3. estaon (enté, intia, estea, tea, tefia), 4. esteamos (estéamos, estéemon, esteemon, teamon, téamon, tefiamon, téfiamon), 5. esteades (estéades, estéis, esteedes, tendon, teâa, téndon, téia, tefendon, téfâa, téfâis), 6. estean (esteen).

Imperativo: 2. está (estên, ta, tai), 5. estade (tade, tai).

F a c e r (f a g u e r, f a e r, f e r)

Presente: 1. fago (faigo, faio), 2. fas (faes, faies, fais), 3. fai, 4. facemon (faemon), 5. faeiden (faéis, faedes), 6. fan (faien, fain).

Preterito perfecto: 1. fixen (ficen), 2. fixeches (fixeche, ficeche), 3. fixo (fixo), 4. fixamion (fixamos), 5. fixêchedes (fixestes, fixêstes), 6. fixeron (ficeron).

Futuro: 1. farêi (farêin), 2. farás, 3. fará, 4. faremos, 5. faredes, 6. farán.

Subxuntivo I: 1. faga (faia), 2. fagas (faias), 3. faga (faia), 4. fagamos (faiamon), 5. fagaden (faiaides, fagâis, fâgades, fagais), 6. fagan (faian).

Imperativo: 2. fai, 5. facede (facêi).

H a b e r

Presente: 1. hei (hen), 2. has, 3. ha, hai, 4. habemos (hamos, hemos), 5. habeden (habên, habês, habéis), 6. han.

Preterito perfecto: 1. houben (huben), 2. houbeches (houbèche, houbeste, hubeste), 3. houbu (hubo), 4. houbemos (hubemos), 5. houbêchedes (houbestes, houbêstedes, hubestes), 6. houberon (huberon, houbeno, hubeno).

Subxuntivo I: 1. haxa (haiba, haba, haixa), 2. haxas (haibas, habas), 3. haxa (haiba, haba, haixa), 4. haxamos (haibamos, habamos), 5. haxades (haibades, habades, habâis, haxedes, haxêis), 6. haxan (haiban, haban).

Imperativo: 2. ha, 5. habede.

I r

Presente: 1. vou (von), 2. vas, 3. vai, 4. imos (vamos), 5. ides (is, vades, iis, vais), 6. van.

Preterito perfecto: 1. fun, 2. foches (fuche), 3. foi, 4. fomos, 5. fôchedes (fostes), 6. foron.

Preterito imperfecto: 1. iba (ia, iña), 2. ibas (ias, iñas), 3. iba (ia, iña), 4. ibamos (ibamos, iamos, iñamos), 5. ibades (ibades, iades, iñades, ibais, ibâis), 6. iban (ian, iñan).

Preterito pluscuamperfecto: 1. fora, 2. foras, 3. fora, 4. fóramos, 5. fórades (forais, forâis), 6. foran.

Subxuntivo I: 1. vaia (vaa), 2. vaias (vaas), 3. vaia (vaa), 4. vaiamos, (vaamos, váiamos), 5. vaiades (vaades, vaiâis, váiades, váiais), 6. vaian (vaan).

Subxuntivo II: 1. fose, 2. foses, 3. fose, 4. fôsemos, 5. fôsedes (foseis, fôsêis), 6. fosen.

Imperativo: 2. vai, 5. ide (vade, inde, li).

O í r (o u v i r, o u i r, o u z a r)

Presente: 1. oio (ouzo, ouzco, auzco, ouvo), 2. oes (ois, os, ouces, ouves), 3. oe (oi, ouce, ouve), 4. oimos (ouvimos, oimos), 5. oides (ouvides, ovides, oúis), 6. oen (oin, on, oucen, ouven).

Subxuntivo I: 1. oia (ouza, ouva), 2. oias (ouzas, ouvas), 3. oia (ouza, ouva), 4. oiamos (ouzamos, ouvamos), 5. oiades (ouzades, ouvades), 6. oian (ouzan, ouvan).

Imperativo: 2. oe (oi), 5. oide (ouvide).

P o d e r

Preterito perfecto: 1. poiden (puiden, puden), 2. poideches (puideches, puideche, pudeches), 3. poido (puido, pudo), 4. poidemos (puidemos, pudemos), 5. poidêchedes (puidechedes, puidêchedes, puidestes), 6. poideron (puideron, puderon).

Subxuntivo I: 1. poida (poda, podia), 2. poidas (podas, podias), 3. poida (poda, podia), 4. poidamos (podamos, poidamos, podiamos, pódiamos), 5. poidades (podades, poidades, pódades, poidâis, poidâis, poidais, podiais), 6. poidan (podan, podian).

P o ñ e r (p o r)

Presente: 1. poño, 2. pos (pois), 3. pon (poi), 4. poñemos (pomos), 5. poñedes (pondes, podes, poñéis), 6. poñen (poin, pon).

Pretérito imperfecto: 1. poñía (puña), 2. poñías (puñas), 3. poñía (puña), 4. poñíamos (puñamos), 5. poñíades (puñades, poñiais, poñíais), 6. poñían (puñan).

Pretérito perfecto: 1. puxen, 2. puxeches (puñeches, puxeches), 3. puxo, 4. puxemos (puñemos), 5. puxéchedes (puñéchedes, puxestes), 6. puxeron (puñeron).

Futuro: 1. poñeréi (poréi), 2. poñerás (porás), 3. poñerá (porá), 4. poñeremos (poremos), 5. poñeredes (poredes), 6. poñerán (porán).

Q u e r e r

Presente: 1. quero, 2. queres (ques), 3. quere (quer), 4. quereamos, 5. queredes (queréis), 6. queren.

Pretérito perfecto: 1. quixen, 2. quixeches (quixeches), 3. quixo, 4. quixemos, 5. quixéchedes (quixestes), 6. quixeron.

Subxuntivo I: 1. queira (quera, quira), 2. queiras (queras, quiras), 3. queira (quera, quira), 4. queiramos (queramos, quiramos, quéiramos), 5. queirades (querades, quirades, queiráis, quéirades, queirais), 6. queiran (queran, quiran).

S a b e r

Presente: 1. sei, 2. sabes, 3. sabe, 4. sabemos, 5. sabedes (sabéis), 6. saben.

Pretérito perfecto: 1. souben (sopen), 2. soubeches (soubes, soupeches, soupeche), 3. soubo (soupo), 4. soubemos (souplemos), 5. soubéchedes (souplechedes, soubestes, soupestes), 6. souberon (soupon).

Subxuntivo I: 1. saiba (seipa, sabia, sepa), 2. saibas (seipas, sabias, sepas), 3. saiba (seipa, sabia, sepa), 4. saibamos (seipamos, sabiamos, separamos, separamos), 5. saibades (seipades, sabiades, sepadés, sepaís, sepaís), 6. saiban (seipan, sabian, sepan).

S a i r

Presente: 1. saio, 2. saes, 3. sac (sai), 4. saímos, 5. saídes, 6. saen.

Subxuntivo I: 1. saia, 2. saias, 3. saia, 4. saiamos, 5. saíades, 6. saian.

S e r

Presente: 1. son (so, sou, sun), 2. es (eres), 3. é, 4. somos (semos), 5. sodes (sondes, sos, sedes), 6. son.

Pretérito perfecto: 1. fun, 2. foches (foche, fuche, foste, fostes, fuste, fustes), 3. foi (fui), 4. fomos (fumos), 5. fóchedes (fúchedes, fostes, fustes), 6. foron (fono).

Pretérito imperfecto: 1. era, 2. eras, 3. era, 4. eramos (éramos), 5. erades (érades, erais, eráis), 6. eran.

Pretérito pluscuamperfecto: 1. fora, 2. foras, 3. fora, 4. fóramos, 5. fórades (forais, foráis), 6. foran.

Subxuntivo I: 1. sexa (sía, seña, sea, seia), 2. sexas (sías, señas, seas, seias), 3. sexa (sía, seña, sea, seia), 4. sexamos (siamos, señamos, seamos, seiamos, señamos, señamos), 5. sexades (siades, señades, señáis, seades, seáis, seíades, seades, seáis, señades, señais), 6. sexan (sían, señan, sean, seian).

Subxuntivo II: 1. fose, 2. foses, 3. fose, 4. fósemos, 5. fósedes, 6. fosen.

Imperativo: 2. sé (sen), 5. sede.

T e r

Presente: 1. teño, 2. tes (tela), 3. ten, 4. temos, 5. tedes (tendes, tês, teis), 6. teñen (tén, tein).

Pretérito perfecto: 1. tiven (tuvén), 2. tiveches (tiveche, tiveste, tivestes, tuveches, tuveche, tuvestes, tuveste), 3. tivo (tuvo), 4. tivemos (tuvemos), 5. tivéchedes (tivestes, tivéstedes, tuvéchedes, tuvestes, tuvéstedes), 6. tiveron (tuvén, tuveron, tuveno).

Pretérito imperfecto: 1. tiña, 2. tiñas, 3. tiña, 4. tiñamos (tiñamos), 5. tiñades (tiñades, tiñais, tiñáis), 6. tiñan.

Futuro: 1. teréi (tenderén, terén), 2. terás (tenderás), 3. terá (tenderá), 4. teremos (tenderemos), 5. teredes (tenderedes, terés), 6. terán (tenderán).

Subxuntivo I: 1. teña, 2. teñas, 3. teña, 4. teñamos (téñamos), 5. teñades (teñás, teñades, teñades, teñais, teñais), 6. teñan.

T r a e i (t r a g u e i)

Presente: 1. traio (traigo), 2. tracs (tras, trale), 3. trae (tral), 4. traemim (traiguemim), 5. traedes (traguedes, traéis), 6. traen (tran, train).

Prétérito perfecto: 1. trouxen (trouguen), 2. trouxeche (trouguexhe, trouxeche, trougueche), 3. trouxo (trougo), 4. trouxemos (trouguemim), 5. trouxéchedes (trouguéchedes, trouxentes, trouquestes), 6. trouxeron (trougueron).

Subxuntivo I: 1. traia (traiga), 2. traías (traigas), 3. traia (traiga), 4. traíamim (traíamim, traigamos, traígamos), 5. traiades (traíades, traigades, traígades, traíáa, traíáa, traigáa, traigáa), 6. traian (traigan).

Imperativo: 2. trae (traí), 5. traede (traguede, traéi, trouguede, trouguéi).

V a l e r

Presente: 1. vallo, 2. vales, 3. vale, 4. valemim, 5. valedes, 6. valen.

Subxuntivo I: 1. valla, 2. vallas, 3. valla, 4. vallamos, 5. vallades, 6. vallan.

V e r

Presente: 1. vexo, 2. ves (veis), 3. ve, 4. vemos, 5. vedes (veis), 6. ven.

Prétérito imperfecto: 1. vía, 2. vías, 3. vía, 4. víamos (víamos), 5. viades (vlades, viáa, viáa), 6. vían.

Prétérito perfecto: 1. vin, 2. viches (viche), 3. veu (viu), 4. vimos, 5. víchedes (vistes), 6. viron.

Prétérito pluscuamperfecto: 1. vira, 2. viras, 3. vira, 4. víramos, 5. vírades (viráa, viráa), 6. viran.

Subxuntivo I: 1. vexa, 2. vexas, 3. vexa, 4. vexamos (vêxamos), 5. vexades (vêxades, vonáa, vexais), 6. vexan.

Subxuntivo II: 1. vise, 2. vises, 3. vise, 4. vísemos, 5. vísedes (viseis, viséis), 6. visen.

Imperativo: 2. ve, 5. vede.

V i r

Presente: 1. veño, 2. ves (veis), 3. ven, 4. vimos, 5. vides (viis), 6. veñen (vein).

Prétérito perfecto: 1. vin (viñen), 2. viñeches (viñeche), 3. veu, 4. viñemos, 5. viñéchedes (viñestes), 6. viñeron.

Prétérito pluscuamperfecto: 1. viñera, 2. viñeras, 3. viñera, 4. viñéramos, 5. viñérades (viñerais, viñeráa), 6. viñeran.

Prétérito imperfecto: 1. viña, 2. viñas, 3. viña, 4. víñamos, 5. víñades (viñades, viñais, viñais), 6. víñan.

Subxuntivo I: 1. veña, 2. veñas, 3. veña, 4. veñamos (véñamos), 5. veñades (veñáa, véñades, veñais), 6. veñan.

Subxuntivo II: 1. viñese, 2. viñeses, 3. viñese, 4. víñesemos, 5. víñesedes (viñeseis, viñeséis), 6. viñesen.

Imperativo: 2. ven, 5. vide (vii).

Примечательно, что в окончаниях перфекта -eches, -emos, -échedes, -eron, плюсквамперфекта — -era, -eras, -éramos, -érades, -eran и Subxuntivo II — -ese, -eses, -ésemos, -ésedes, -esen гласный -e- всегда открытый: tivêches, tivêse, в то время как в соответствующих окончаниях регулярных глаголов гласный -e- всегда закрытый: bebêchedes, bebêse. Противопоставление открытости/закрытости несет здесь исключительно структурную информацию о принадлежности глагола к регулярному или нерегулярному типу спряжения.

А. Сантамарина [Santamarina 1974b, 15] отмечает такую особенность некоторых глаголов 2-го и 3-го спряжения, как сохранение тематического гласного -i- в 1-й форме презенса и во всех формах Subxuntivo I: barrio, barria от batter 'мести', partio, partia от partir 'делить', 'отправляться'. Эта особенность присуща только глаголам, имеющим -a- в корне, и хотя формы с -i- не являются общепринятыми, в письменном узусе они встречаются довольно часто.

В отличие от испанского языка формы будущего времени регулярных и нерегулярных глаголов в большинстве случаев образуются без изменений в основе: *poñeréi, poderéi*. Формы *tendrèi, pondrèi, tendría* и т.п. характерны для кастрапо и чапуррао.

Количество неправильных причастий невелико. От нерегулярных глаголов *decir, facer, por, ver* образуются причастия *dito, feito, posto, visto*; кроме того, имеются неправильные причастия от регулярных в остальном глаголов *morrer* 'умирать' и *abrir* 'открывать': *morto, aberto*. Также имеется ряд глаголов, от которых образуются две формы причастий: регулярная форма используется в перифразах и в атрибутивной функции, нерегулярная — только в атрибутивной функции; например, от глаголов *ascender* 'зажигать', *chocar* 'насиживать', *moer* 'молотить', *pagar* 'платить' образуются причастия *ascendido* и *aceso* 'зажженный', *chocado* и *choso* 'насиженный', *moído* и *mudo* 'молотый', *pagado* и *pago* 'уплаченный'.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОРМ ВРЕМЕНИ И НАКЛОНЕНИЯ

Существенной характеристикой глагольной системы испанского и португальского языков является полифункциональность глагольных форм, доходящая до омонимии, обилие вторичных, переносных употреблений, закреплённость некоторых употреблений за определенными семантико-синтаксическими моделями и вытекающее из всего этого многообразие синонимических отношений между глагольными формами. Ситуация в галисийском языке еще более сложна не только по причине неустойчивости норм устной и письменной речи, но и в результате того, что количество самих форм галисийского глагола меньше, чем в испанском или португальском, а, следовательно, их полифункциональность еще больше.

В системе индикатива отсутствуют аналитические формы, соответствующие испанским *ha cantado, había cantado, hubo cantado, habrá cantado* и *habría cantado*. Р. Карбальо Калеро считает, что эти формы выражают аспектуальный признак законченности действия; поскольку их нет в галисийском, то получается, что этот язык, разграничивая временные отношения, оставляет невыраженными аспектуальные признаки, правда, в случае нужды прибегая к перифразам [Carballo Calero 1966, 236]. Однако это утверждение неточно. Отсутствие формы *ha cantado* ведет к невыраженности признака актуальности результата действия в момент речи, что к аспекту отношения не имеет. Форма *había cantado* имеет в качестве функционального эквивалента в галисийском синтетическую форму на -га: *cantara*, которая, однако, характеризуется омонимичностью, поскольку выступает в функции не только плюсквамперфекта, но и Subxuntivo II, будучи в последнем случае синонимичной форме *cantase*. В отличие от испанской формы *cantara* в функции плюсквамперфекта галисийская форма на -га не имеет каких-либо стилистических коннотаций. Только в отношении форм *habré cantado* и *habría cantado* Р. Карбальо Калеро, по-видимому, прав. В испанском эти формы употреб-

ляются редко в первичной функции будущего, и в них всегда коммуникативно ведущим является аспектуальный признак завершенности действия. В этом случае в галисийском употребляется перифраза с глаголом *ter*, в норме сочетающая в себе признаки [+итеративность], [+перфективность], но здесь сохраняющая только признак [+перфективность]; ср.: исп. *cuando te vuelvas, ya habré comido* и гал. *cando veñas, xa teréi xantado* 'когда ты вернешься, я уже пообедаю'.

Как уже отмечалось, аналитические формы в письменном языке нередки, хотя они отвергаются как ненормативные. В сборнике народных сказок "*Contos populares da Provincia de Lugo*" (Vigo, 1972) Х. Майер не обнаружил ни одной формы сложного перфекта и очень мало форм плюсквамперфекта со вспомогательным глаголом *haber* или *ter* [Meier 1975, 41, 42], что косвенно свидетельствует о неупотребительности этих форм в устной речи, если она не подвержена влиянию кастильского.

Что касается форм конъюнктива, то четырем формам испанского языка *cante*, *haya cantado*, *cantase/cantara* и *hubiese/hubiera cantado* соответствуют всего две формы в галисийском: *cante* и *cantase/cantata*, в результате чего дифференциация временных отношений оказывается редуцированной. В галисийских формах инфинитива и герундия не различаются признаки [$\pm$ предшествование], поэтому испанским *haber cantado* и *habiendo cantado* соответствуют простые галисийские формы *cantar* и *cantando*.

В [Galego 1976, 126, 127] отмечается наличие следующих кальк испанских сложных форм: *hei cantado*, *había cantado*, *houben cantado*, *haberéi cantado*, *haberia cantado*, *haxa cantado*, *houbera/houbese cantado*, *haber cantado*, *habendo cantado*. Некоторые пишущие употребляют вместо вспомогательного глагола *haber* глагол *ter*: *teño cantado*, *tiña cantado* и т.д., хотя, как было сказано, эта форма имеет итеративное значение, за исключением случая отнесенности к плану будущего.

Обобщим сказанное о соотношении галисийских и испанских форм:

Испанский язык

Галисийский язык

Indicativo

Presente		Presente
Imperfecto		Imperfecto
Pretérito perfecto compuesto	}	Pretérito perfecto
Pretérito perfecto simple		
Pretérito pluscuamperfecto	}	Pretérito pluscuamperfecto
Pretérito anterior		
Futuro simple	}	Futuro
Futuro compuesto		
Futuro simple en el pasado	}	Futuro no pasado
Futuro compuesto en el pasado		

Subxuntivo

Presente	}	Subxuntivo I
Pretérito perfecto compuesto		
Imperfecto	}	Subxuntivo II
Pluscuamperfecto		

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОРМ ИНДИКАТИВА

Presente. Основной особенностью презенса как в испанском, так и в галисийском является его преимущественное употребление в устной речи в значении будущего: *Douche pousada porque eu conózote* 'Я дам тебе ночлег, потому что знаю тебя'; *Ai, Manoel, hoxe sí que te mata a Mariguana...* — *Non |mata|*, 'Ай, Манозл, убьет тебя сегодня Маригуана! — Нет, не убьет, нет' [Meyer 1974, 8, 9].

Форма презенса употребляется как в протасисе, так и в аподосисе условного периода реального условия: *se chove non saio* 'если будет дождь, я не выйду'; *se teño tempo vou* 'если будет время, я пойду'.

Pretérito perfecto. Поскольку галисийский перфект соответствует двум испанским формам — простому и сложному перфекту, признак актуальности результата действия в момент речи не находит формального выражения. Хотя перфекту также присущи различные вторичные функции, он употребляется реже в переносных значениях, чем другие временные формы. Иногда, видимо, в закрепленных узусом контекстах, перфект употребляется в значении непосредственного будущего: *¡xa marchéi!* 'ну, я пошел!' или в функции резкого приказа: *¡xa marchache!* 'пошел!', 'отправляйся!'; *¡calache?* 'а ну-ка помолчи!'; *¡acabouse!* 'хватит!' [Porto Dapena 1977, 198].

Далее, перфект может соответствовать сложному футуруму испанского языка, обозначая действие, завершившееся до другого действия, в плане будущего: *Cando ti chegues, xa marchéi* 'Когда ты придешь, я уже уйду'; *Non te apures, muller, cando cheguen as cinco da tarde, xa pasou todo* 'Не расстраивайся, милая, к пяти часам все кончится'.

Imperfecto. Первичные и вторичные функции имперфекта в галисийском те же, что в испанском или португальском. Прав А. Сантамарина, возражающий против распространенного толкования противопоставления перфекта и имперфекта как аспектуального [Santamarina 1974b, 105]. Простые глагольные формы галисийского языка противопоставляются по временным признакам, и аспектуальные признаки являются сопутствующими, зависящими от конкретной лексики и синтаксического окружения. Имперфект обозначает прежде всего действие, наличие некоторого процесса в какой-либо описываемый момент времени, предшествующий моменту речи, в то время как перфект обозначает действие, прямо соотносимое с моментом речи и предшествующее ему: *¿E como foi? Queríalles moito, non sí?* — *Non, señor, eu non lle quería, porque aínda non quixen a ningún* (Castelao 425) 'Как же это случилось? Ты ее очень любил, не так ли? — Нет, сеньор, я не любил ее, ведь я еще пока никого не любил'. Описываемый момент в прошлом может как-то обозначаться в высказывании: *Unha vez víñamos eu i un tío meu da Fonsagrada* 'Шли мы как-то с дядей из Фонсаграды', но это не обязательно: *¿Por qué chorabas?* — *Tiña medo a que non volvédesedes* 'Почему ты плакала? — Боялась, что вы не вернетесь' [Там же, 105—108].

Одной из важнейших вторичных функций имперфекта является значение будущего в прошедшем, симметричное подобной же функции презенса: *Dixenlle que iba á feira pola mañá cedo* 'Я сказал ему, что отправлюсь на ярмарку рано утром'. Далее, имперфект употребляется в аподосисе ирреального условного периода с союзом *se* 'если', относящегося к плану настоящего: *Se tivero o libro prestado* 'Если бы у меня была эта книга, я бы тебе ее дал'; *Máis comíaxi che dezan, pero como non che dan, arrabeas como un can* (Refráns, 130) 'Ты бы больше ел, если бы тебе давали, но, поскольку тебе не дают, ты элишься, как собака'. В разговорной речи с помощью имперфекта в протасисе и аподосисе строится условный период без союза *se*: *...tocábase a min unha quintela e por paraba a viaxar* '...если бы я выиграл в лотерею, я бы только и делал, что путешествовал' [Galego 1977, 183].

Имперфект употребляется для смягчения утверждения при вежливом обращении: *Queríalle pedir un favor* 'Я хотел бы попросить вас об одном одолжении'; *Viña falar con vostede* 'Я вот пришел поговорить с вами', а также в эмфатических оборотах типа: *¡Mal era!* 'Вот еще не хватало!' [Santamarina 1974b, 109].

Форма на -га. Случай грамматической омонимии представляет форма на -га, которой значение плюсквамперфекта индикатива и значения конъюнктива присущи в одинаковой мере. Предполагается, что индикативное употребление формы на -га в галисийском повлияло на аналогичное ее употребление в испанском языке писателей — выходцев из Галисии: Э. Пардо Басан, Р. Валье Инкланы и др., а также в испанском языке Латинской Америки в результате притока галисийских эмигрантов в XIX—XX вв. [Novicov 1979, 234].

Форма на -га употребляется при вежливом обращении, причем устанавливается следующая последовательность форм от более к менее категоричным: *debo* — *debía* — *debera* — *debería* [Santamarina 1974b, 115].

Функция конъюнктива формы на -га рассматривается ниже.

Futuro. Первичной функцией футурума является обозначение отношения следования, устанавливаемого между моментом речи и действием, хотя в разговорной речи форма футурума в этой функции употребляется реже, чем форма презенса. Только футурум возможен после наречия *xa* 'уж, вот, сейчас': *Xa veredes o que lle pasou* 'Сейчас увидите, что с ним случилось'; *...xa faréi o que poida* '...уж сделаю, что смогу' [Там же, 116]; — *Non, agora non mos deas, xa viréi por eles* (Cousas, 18) 'Нет, ты мне сейчас их не давай, я еще приду за ними'.

Признаки облигаторности и намерения являются контекстуально обусловленными и не могут входить в определение значения футурума, хотя на основе этих признаков некоторые исследователи отказываются признать за футурумом чисто временное значение и выводят его за пределы индикатива. К этому же их побуждает важнейшая вторичная функция футурума — так называемое будущее гипотетическое, частотность которого в речи настолько велика, что заставляет считать модальное значение футурума его основной функцией: *¿Quién será?* 'Кто бы это мог быть'; *Serán as catro* 'Сейчас, например, четыре часа'; *Certo día fitóume unha vaca. ¿Qué coidará de min?*

penséi eu (Castelao, 31) 'Однажды на меня уставилась какая-то корова. Интересно, какого она обо мне мнения? — подумал я'. Тем не менее А. Сантамарина считает будущее гипотетическое вторичной, метафорической функцией, в которой сталкиваются парадигматическое значение будущности, присущее футуруму, и реальная одновременность процесса моменту речи, что и порождает эффект неуверенности, предположительности. Несомненно, футурум, как и форма на *-ría*, — слабый участок глагольной системы, находящийся в развитии, на что указывает противоречие между значением и узусом футурума: в первичной функции, по крайней мере в разговорной речи, он употребляется редко и вытесняется презенсом, а во вторичной функции чаще. А. Сантамарина говорит о процессе морфологизации значения гипотетичности и сравнивает его с процессом фонологизации комбинаторного варианта фонемы [Santamarina 1974b, 117].

Форма на *-ría*. Разнообразие функций формы на *-ría* и в испанском и в галисийском так велико, что оказывается невозможным отнести однозначно форму к изъявительному наклонению или выделить в особое потенциальное наклонение. Очевидно, это невозможно принципиально, и все попытки вывести какое-то единое значение формы на *-ría* обречены на провал. В галисийском положение осложняется отсутствием сложной формы *habría cantado*, функции которой выполняет простая форма на *-ría*.

Причисление формы на *-ría* к системе индикатива производится прежде всего на основе ее функции будущего в прошедшем; но эта вроде бы логически первичная функция формы оказывается наименее употребительной. Так, Х. Майер отмечает, что в упомянутых уже *Contos populares da Provincia de Lugo* в этой функции чаще употребляется имперфект, а не форма на *-ría*: *O demo díxolle que aquilo o arreglaba el* 'Черт сказал, что он сам уладит это дело' [Meier 1975, 43]; *Ha che dixen que che pagaba o xornal* (Esmorga, 31) 'Я же сказал, что заплачу тебе за день'.

Наиболее частой функцией формы на *-ría* в разговорной речи является функция будущего гипотетического. Однако в галисийском форма на *-ría* в отличие от испанской обладает более широким временным диапазоном, поскольку соответствует не только исп. *santaría*, но и *habría cantado* и *habría cantado*, т.е. может соотноситься как с моментом речи, выражая предшествование, так и с каким-либо моментом времени в прошлом, выражая одновременность или предшествование; фраза *decatalaste de que estabas trabucado* может быть интерпретирована как 'ты, наверное, осознал сейчас, что был неправ' или 'ты, наверное, осознал тогда, что был неправ'. Таким образом, если форма *santará* в галисийском обозначает предположение относительно действия, протекающего в момент речи, то форма *santaría* охватывает все остальные случаи временной отнесенности.

Другой важной функцией формы на *-ría* является ее употребление в аподосисе ирреального условного периода, относящегося как к плану настоящего, так и к плану прошедшего: ср.: исп. *Si Miguel estuviera aquí nos ayudaría* и гал. *Se Miguel estivera aquí axudarianos* 'Если бы

Мигель был здесь (сейчас), он бы помог нам'; исп. Si hubieras estado aquí no me habría sucedido esto и гал. Se estiveras aquí non me pasaría esto 'Если бы ты был здесь (тогда), этого со мной не случилось бы'. В этой функции с формой на -ría конкурирует имперфект.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОРМ КОНЪЮНКТИВА

Четырем формам сослагательного наклонения современного испанского языка соответствуют две формы галисийского языка: *cante* и *cantase/cantara*. В общем случае форма *Subxuntivo I* соответствует испанской *Presente de Subjuntivo*, а форма *Subxuntivo II* формам *Imperfecto*, *Pretérito perfecto compuesto*, *Pluscuamperfecto de Subjuntivo*.

Хотя в большинстве случаев употребление форм конъюнктив семантически избыточно и многие исследователи стремились охарактеризовать конъюнктив как немаркированную относительно индикатива категорию, часто это сделать не удастся, поскольку противопоставление индикатива и конъюнктив оказывается семантическим: *Fago o que me mandan* 'Я делаю, что мне приказывают' и *Fago o que me manden* 'Я делаю все, что мне ни прикажут'; *O home que toca a gaita é galego* 'Человек, который играет на волынке, — галисиец' и *O home que toque a gaita é galego* 'Всякий человек, играющий на волынке, — галисиец'; *Ramón non cre que ela chegou* onte 'Рамон не верит, что она приехала вчера' (говорящему известен факт приезда; индикатив обусловлен наличием признака [+ фактивность]) и *Ramón non cre que ela chegase* onte 'Рамону не верится, что она могла приехать вчера' (говорящий встает на точку зрения субъекта модуса; конъюнктив обусловлен наличием признака [- фактивность]) [Freire 1976, 225, 250].

В галисийском языке факультативным является употребление форм конъюнктив с наречием *quizáis/quizabes* 'может быть', но обязательным — с наречным сочетанием *poida (ser) que* с тем же значением [Galego 1977, 194].

Форма *Subxuntivo I* может обозначать процесс, относящийся к будущему или одновременный с моментом речи (реже). Как и в испанском, презенс конъюнктив обязателен в придаточных времени, обозначающих будущее действие, после союзов *cando* 'когда', *despóis que* 'после того как', *axiña que* 'как только': *E cando a xente do galiñeiro se farte de rir a cachón, baixará o pano moi amodiño* (Cousas, 51) 'А когда публика на галерке нахохочется вдоволь, занавес начнет очень медленно опускаться'; *O día que as súas pernas xa non rexan co seu cetro chamará nas portas dos médicos* (Cousas, 79) 'В тот день, когда его не понесут большие ноги, он станет стучаться к докторам'. Однако в испанском возможно подчеркивание завершенности действия с помощью формы *haya cantado*: *Cuando acabes/hayas acabado llámame* 'Когда закончишь, позови меня'. В галисийском этим двум формам соответствует одна простая: *cando acabes chámame*, хотя возможно употребление перфективной перифразы: *cando teñas acabado chámame*. Р. Кирбальо Килеро рекомендует в этом случае употребление бу-

дущего сослагательного: ...*axiña que chegardes*, *escribídem* '... как только приедете, напишите мне' [Carballo Calero 1966, 239]. Он считает эту форму более живой в галисийском, чем в испанском, однако, как мы уже отмечали, в других грамматиках и пособиях о ее существовании вовсе не упоминается.

Функции Subxuntivo II более разнообразны, поскольку она соответствует нескольким формам конъюнктива в испанском. Отмечается, что форма *cantase* как более исконная в значении конъюнктива, употребляется чаще, чем *cantara*; по данным А. Сантамарины соотношение форм *cantase* и *cantara* равно 3:1 [Santamarina 1974b, 128].

По отношению к глаголу главного предложения в форме настоящего времени Subxuntivo II выражает предшествование: *Non creo que o vises* 'Я не верю, что ты его видел' (ср. исп. *No creo que lo hayas visto*). Если глагол главного предложения находится в одной из форм прошедшего времени, Subxuntivo II может выражать: 1) предшествование: *Non sabía que acabaras/acabases o traballo* 'Я не знал, что ты закончил работу'; 2) одновременность: *Non había quén quixese ir* 'Не было никого, кто бы захотел пойти'; 3) следование: *tiña medo a que non me axudasen* 'Я боялся, что мне не помогут'. В этих функциях Subxuntivo II соответствует испанским формам *cantase/cantara* и *hubiese/hubiera cantado*.

В условном периоде в силу отсутствия сложных форм в галисийском не различаются два типа нереального условия, поэтому испанским *Si llegara nos ayudaría* и *Si hubiese llegado nos habría ayudado* 'Если бы он пришел, он бы помог нам' в галисийском соответствует в обоих случаях *se chegase axudarianos*.

В независимых по форме предложениях Subxuntivo II употребляется для выражения пожелания; оно может относиться к прошлому и настоящему, но в обоих случаях мыслится как неосуществимое: *As pataquiñas boas son. ¡Houbera ben delas!* 'Хороша картошечка. Побольше бы ее!' В этой функции употребляется только форма на -га, она же присутствует в восклицаниях типа *¡Quén nos dixera onte que iba chover hoi?* [Там же, 115] 'Кто бы сказал вчера, что сегодня пойдет дождь!'; *¡Qué non fixera eu por che dar gusto?* (Prosa galega, 100) 'Что бы я только не сделала, чтобы доставить тебе удовольствие!' Выбор формы *dixera*, а не *dixese* с точки зрения современного языка является фактом нормы и не обусловлен семантически.

В галисийском, как и в испанском, особые формы императива существуют только для 2 л. ед. и мн. ч. при обращении на *ti* 'ты' и *vós* 'вы' и только в утвердительных высказываниях; при обращении на *Vostede(s)* 'Вы' употребляются формы Subxuntivo I: *diga(n) Vostede(s)* 'скажите'. Для "инклюзивного" повеления и повеления с отрицательной форме также используются формы Subxuntivo I: *vexamos* 'давайте посмотрим'; *non llo steas* 'не верь ему'; *non chore* 'не плачьте'. Омонимия форм императива и конъюнктива, по-видимому, послужила главной причиной сомнения в существовании императива как особого склонения. Однако наличие одной-двух собственно императивных форм достаточно для выделения формально-семантической категории императива.

Типологической особенностью иберо-романских языков является отсутствие отработанных парадигм для выражения залоговых отношений. Галисийский не представляет в этом отношении исключения. Отмечается, что пассивная конструкция *ser + participio* совершенно неупотребительна в разговорной речи и редка в письменной. Из-за того, что причастие может употребляться с глаголом *ser* также в атрибутивной функции, эта конструкция еще и двусмысленна; *era a edición foi reducida* 'издание было ограничено' или 'издание было ограниченным' [Rojo 1974a, 23]. Вместо *Antón foi ferido* в устной речи всегда скажут *feriron a Antón* 'Антон ранили'; вместо *moito millo foi colleito este ano* 'в этом году было собрано много кукурузы' скажут *moito millo se colléu este ano* 'в этом году собрали много кукурузы' [Carballo Calero 1966, 232].

Искусственность, книжность конструкции *ser + participio* увеличивается при обозначении субъекта действия: *O libro foi signado polo autor* 'Книга была подписана автором'. Кроме глагола *ser* в пассивной конструкции могут употребляться вспомогательные глаголы *quedar, estar, verse, andar* и др. [Rojo 1974a, 166, 167].

Для иберо-романских языков характерна тенденция маркировать с помощью местоименной формы глагола разнообразные виды действий и состояний, ограничивающихся сферой субъекта, хотя местоименной форме присущи и другие функции. Галисийский в этом отношении оказывается менее продвинутым по сравнению с другими языками. Наряду с местоименными глаголами *lembrarse* 'вспоминать', *atufarse* 'сердиться', *queixarse* 'жаловаться', *baixarse* 'спускаться', *encollerse* 'сжеживаться', *deitarse* 'ложиться' и др., которые соответствуют местоименным глаголам испанского языка, имеется большое количество неместоименных глаголов, которым в испанском соответствуют местоименные глаголы: *casar* 'жениться, выходить замуж', *confesar* 'исповедаться', *marchar* 'уходить', *adormecer* 'засыпать', *espertar* 'пробуждаться', *gompre* 'ломаться', *parar* 'останавливаться', *podrecer* 'гнить', *enfriar* 'охлаждаться', *quencer* 'согреваться', *sentar* 'садиться', *afogar* 'тонуть', *arredar, apartar* 'отходить, отодвигаться', *cansar* 'уставать', *secar* 'сохнуть'; *sentou cabo dela* 'он сел рядом с ней'; *arreda de ahí* 'отойди отсюда'. Всегда неместоименны *morrer* 'умирать' и *caer* 'падать', которые в испанском языке могут выступать в местоименной и неместоименной форме. Отсутствует в галисийском и датив интереса типа исп. *se lo comió todo* 'он все съел' (гал. *coméuno todo*).

В связи с этой особенностью галисийского языка считаются недопустимыми такие кастилизированные формы, как *enfriouse o caldo* 'суп остыл' вместо *enfriou o caldo*; *comínme unha ración de luras* 'я съел порцию кальмаров' вместо *comín unha ración de luras*; *gárdateo* 'храни его' вместо *gárdalo*.

Если общий вопрос содержит местоименный глагол, то при ответе на него формой глагола (ответ-эхо) местоименная клитика опускается: *¿Ferícheste ao coller o machado?* — *Ferín* 'Ты поранился, взяв топор? — Да, поранился'; *¿Chámaste Teresa?* — *Chamo, si, señora* 'Тебя зовут Тереза? Да, сеньора' [Carballo Calero 1966, 231, 232].

Инфинитив, герундий и причастие различаются прежде всего своими синтаксическими функциями, никогда не выступая в идентичных контекстах, поэтому структуралистические определения, в которых они разграничиваются только по аспектуальным признакам, оказываются неудачными [Rojo 1974a, 56; Santamarina 1974b, 129].

Инфинитив. В галисийском, как и в португальском, инфинитив в некоторых случаях может принимать личные окончания, в связи с чем говорят о наличии спрягаемого, или личного, инфинитива (см. парадигмы спряжения регулярных глаголов). По мнению Ш.А. Порто Дапэны [Porto Dapena 1977, 199], не имеет смысла говорить о существовании неспрягаемого и спрягаемого инфинитива как о двух различных грамматических категориях, поскольку неспрягаемый инфинитив можно считать частным случаем употребления формы 3-го л. ед. ч. спрягаемого инфинитива, которая не имеет флексии.

Основные функции неспрягаемого инфинитива следующие. Во-первых, наиболее распространенным является употребление неспрягаемого инфинитива в составе сложного глагольного сказуемого, когда субъект действий, выраженных управляющим глаголом и инфинитивом, один и тот же: *non saben ler* 'они не умеют читать', *esco-mentzou a queixarse* 'он начал жаловаться', *viñamos facerlles unha visita* 'мы пришли к вам в гости'. Во-вторых, неспрягаемый инфинитив употребляется в качестве предложного дополнения и в абсолютных конструкциях при совпадении субъекта действий, выраженных инфинитивом и сказуемым: *Non tedes de qué vos queixar* 'Вам не на что жаловаться'; *...pra asegurarse do seu silencio déronlle moito ouro* (Folklore, 61) '...чтобы быть уверенным в его молчании, они дали ему много золота'; *E axiña de arribar a Bos Aires pillamos un tren* (Castelao, 149) 'И как только мы добрались до Буэнос-Айреса, мы сели в поезд'.

Наконец, собственно безличным является употребление неспрягаемого инфинитива в качестве подлежащего, сказуемого и предложных и беспредложных дополнений при отсутствии определенного субъекта и невозможности его восстановления: *Marchar é morrer un pouco* 'Уехать значит немного умереть'; *compre saber* 'надо знать'; *...non beber ega como non escribir* (Cousas, 97) '...не пить было все равно, что не писать'; *Sen traballar non se gana ren* 'Без труда ничего нельзя добиться'. Хотя А. Сантамарина отмечает, что в функции подлежащего предпочитается употребление инфинитива без артикля, в отличие от испанского языка [Santamarina 1974b, 133], тем не менее примеры такого употребления с артиклем достаточно чисты: *Indran os cans i este home na cama? Non hai cousa millor que o non ter nada* (Refrans, 125) 'Собаки лают, а он и с постели не встанет? Нет ничего лучше, чем ничего не иметь'; *O chorar dos cabirton que se lalan coma fidalguiños esmirriados, pode ferir o peito dun home endeble* (Cousas, 62) 'Плач козлят, которые хнычут, словно хворые бирчуки, может тронуть сердце чувствительного человека'.

Неспрягаемый инфинитив входит также в состав различных перифраз, которые будут рассмотрены ниже.

Употребление спрягаемого инфинитива всегда факультативно, но, поскольку он воспринимается в качестве характерной черты, отличающей галисийский язык от испанского, многие пишущие злоупотребляют им; в связи с этим галисийские лингвисты обращают особое внимание на выделение тех случаев, в которых присутствие спрягаемого инфинитива обосновано.

Спрягаемый инфинитив может занимать те же синтаксические позиции, что и неспрягаемый, но обязательным условием является наличие определенного субъекта действия и несовпадение этого субъекта с субъектом основного предиката: *púñanos medo irmónos a meter onde houbese xente coñecida* (Esmorga, 74) '...нам было странно заходить туда, где могли быть знакомые люди'; *Aporveitando o queddrmonos sin aición ao ouvir somellante cousa, fecharon dun golpe a porta e botaron a tranca* (Esmorga, 81) 'Воспользовавшись тем, что после таких слов мы стояли, не двигаясь с места, они резко захлопнули дверь и задвинули засов'; *Axiña de se marcharen comenzaron os remojóns a rillar na miña concencia* (Cousas, 64) 'Как только они ушли, меня начали мучить угрызения совести'; *...ao topárense nalgún camiño ela agachaba a cara no seu pano e el poñíase a morrer* (Cousas, 24) '...когда они встречались на улице, она прикрывала лицо платком, а у него замирало сердце'.

В [Galego 1975, 152, 153] отмечается, что употребление спрягаемого инфинитива возможно в любой зависимой позиции, когда он вводится предлогом: *ó chegares* escribe 'когда приедешь, напиши'; *de seguides así, ¿qué faredes?* 'если вы будете так продолжать, что будете делать потом?' Однако если инфинитив следует за сказуемым, спрягаемая форма необязательна: *escribe ó chegar(es)*. Употребление спрягаемого инфинитива в позиции предложного дополнения даже при совпадении субъектов двух действий является распространенным явлением в языке многих писателей: *...saes ti solito pola porta de adiante e sen decires nada* (Esmorga, 89) '...ты выйдешь один в переднюю дверь, ничего не говоря'; *...nos metimos nun portal pra determinarmos o que teríamos que facer* (Esmorga, 75) '...мы зашли в подъезд, чтобы обсудить, что нам делать'.

Спрягаемый инфинитив можно обнаружить и в составе сложного глагольного сказуемого: *Os homes non queren ser burros; quixeran en troques seren leóns, tigres, lobos* (Cousas, 69) '...люди не хотят быть ослами; наоборот, они хотели бы стать львами, тиграми, волками' и даже в сочетании *a + infinitivo*, эквивалентном герундию: *...aparecen as catro irmáns do boticario, dúas en cada fiestra, a faceren o pranto* (Castelao, 364) '...появляются четыре сестры аптекаря, по две в каждом окне, и начинают причитать'. Во всех этих случаях употребление спрягаемого инфинитива избыточно.

Герундий. У герундия две основные синтаксические функции наречная и атрибутивная. В наречной функции он обозначает действие, одновременное с действием, выраженным сказуемым, или предшествующее ему: *Indo pola carretera, viron unha lucella marela* 'Идя по дороге, они увидели желтый огонек'; *Andando polo monte, chegaron á capela* 'Идя лесом, они дошли до часовни'. В атрибутивной функции герундий

употребляется с глаголами чувственного восприятия *oir, sentir, ver* и обозначает действие, одновременное с процессом его восприятия: ...*vin unha muller lavando na roupa* '...я увидел женщину, стиравшую белье' [Santamarina 1974b, 133—135].

С предлогом *en* герундий образует конструкцию, эквивалентную придаточному времени, и выражает непосредственное предшествование одного действия другому: *en escurecendo, marchamos* 'как только стемнеет, мы уйдем'; *despóis, podes falar co enterrador, en pasando algún tempo* (Castelao, 421) '...потом можешь поговорить с могильщиком, когда пройдет немного времени'. Р. Карбальо Калеро приводит также примеры употребления герундия с предложным сочетанием *en de*: ...*en de pechando a porta* '...как только он закроет дверь' [Carballo Calero 1966, 253].

Как и в португальском, в галисийском употребителен структурный эквивалент герундия *a + infinitivo* в наречной и атрибутивной функции: ...*alí o vello comenzou a recitar poesías de Bécquer, que a criada escoitou a rir, a rir* (Cousas, 80) '...тут старик начал декламировать стихи Бекера, которые служанка слушала со смехом'; ...*cando quixo roubalo ou arrincala folla veu a correr unha señora* (Folklore, 83) '...когда он хотел стащить ее или вырвать лист, прибежала какая-то сеньора'; ...*somentes logrou decirme que tiña un fillo a morrer* (Castelao, 161) '...он только смог сказать мне, что у него умирает сын'. *A + infinitivo* как эквивалент герундия выступает также в составе глагольных перифраз (см. ниже). Г. Рохо [Rojo 1974a, 113—115] указывает, что конструкция *a + infinitivo* распространена в говорах западной Галисии, на Атлантическом побережье; она прочно укоренилась в литературном языке, а наречное сочетание *a correr* 'бегом' употребительно по всей Галисии.

Причастие. Подобно герундию и инфинитиву, причастие само по себе нейтрально к аспекту; аспектуальные значения зависят от семантико-синтаксического окружения и от особенностей значения той или иной глагольной лексемы. Однако для глагольных перифраз с причастием характерно значение перфективности. Причастие нейтрально к залоговым противопоставлениям, поэтому может определять как субъект, так и объект действия: *chegados ao sitio* 'добравшись до места'; *pechada a porta* 'закрыв дверь'.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ПЕРИФРАЗЫ

Глагольные перифразы галисийского языка довольно хорошо исследованы; им посвящена монография Г. Рохо [Rojo 1974a], в которой можно найти полный перечень перифраз и их функций. Недостатком этой работы является то, что в большинстве случаев не выделяются четко лексико-семантические группы глаголов, могущих фигурировать в составе той или иной перифразы, и не дается полная парадигма спряжения вспомогательного глагола во всех возможных модально-временных формах со всеми возможными эффектами смысла, возника-

О формах на *-nte* в галисийском см. [Васильева-Шведе 1966, 33, 34].

ющими в результате взаимодействия грамматических значений модально-временных форм и лексико-грамматических значений перифраз. Тем не менее, исследование Г. Рохо, как и монография А. Сантамарины [Santamarina 1974b], позволяет представить в общем тот круг значений, который выражается перифразами, и сравнить их со значениями модально-временных форм.

Обилие глагольных перифраз связано с существенными особенностями глагольной системы галисийского, как и других иберо-романских языков. Восемь временных форм индикатива и конъюнктивна галисийского глагола, не считая императива, служат прежде всего для дифференциации временных отношений, в то время как аспектуальные характеристики действия, часто более важные в коммуникативном плане, выражаются во взаимодействии модально-временной формы и лексического значения глагола. Аспект не имеет регулярных морфологических средств выражения; можно говорить, однако, о функционально-семантическом поле аспектуальности, в котором объединены средства выражения разных уровней, выступающие во взаимодействии в конкретных высказываниях. Иберо-романская аспектология пока не представляет собой четко структурированный раздел грамматики. Одной из причин продолжающейся путаницы понятий явилось нескритическое восприятие терминологии славянской аспектологии, о чем упоминает и Г. Рохо [Rojo 1974a, 19]. Совершенно очевидно, что такое специфическое явление славянских языков, как вид, не может быть переиесено на материал романских языков. Г. Рохо предлагает различать следующие понятия применительно к галисийскому языку:

1) аспект, "категория, которая соотносится с внутренним временем глагольного действия, рассматриваемого безотносительно к другим действиям, или к внешнему по отношению к нему времени, и которая имеет морфологические средства выражения"; разновидностями аспекта являются перфективный, имперфективный, инхоативный, ингрессивный, терминативный, итеративный аспекты; в русской грамматике романскому аспекту примерно соответствует категория, именуемая довольно условно способом действия;

2) модальность действия (*modalidad de la acción*), "ряд уточнений, внешних по отношению к действию, но каким-либо образом влияющих на него: долженствование, возможность и т. д., достигаемых морфологическими средствами";

3) семантический характер глагола (*caracter semantico*), то есть особенности глагольного действия, выражаемые самой лексемой [Там же, 21].

Аспектуальные значения, наряду с лексическими средствами, выражаются немногочисленными суффиксами и префиксами; основным средством их выражения являются глагольные перифразы. Модальность действия выражается перифразами и лексически.

Acabar de + infinitivo. При постановке вспомогательного глагола в положительную форму презенса или имперфекта перифраза выражает взаимосвязанные значения непосредственного предшествования (время) и завершенности действия (аспект): *acaba, acababa de chegar* 'он только что приехал'. В отрицательной форме на первый план выступает аспектуальное значение имперфективности: *non acabo de comprender* 'никак не пойму'.

В форме императива перифраза имеет значение настоятельного повеления закончить что-либо: *Menos, leria, cativo, e acaba de dar o recado* (Castelao, 371) 'Меньше болтовни, малыш, выкладывай, с чем тебя прислали'.

Acabar por + infinitivo. Перифраза имеет аспектуальное значение терминативности и синонимична перифразе *acabar + xerundio*. Вспомогательный глагол обычно употребляется в перфекте, реже в футуруме: *Acabou por convencelo* 'Он в конце концов убедил его'; *A condenada rapaza, que me da sede, e o viño, que me vence, acabarán por queimarme o figado* (Castelao, 369) 'Проклятая девчонка, по которой я страдаю, и вино, которое одолело меня, в конце концов разрушат мне печень'.

Andar a + infinitivo. Эта довольно употребительная перифраза обозначает либо актуальное, происходящее в описываемый момент действие: *andan a segá-lo centeo* 'они жнут рожь', либо обычное для лица занятие в некоторый, точно неопределяемый период времени: *ela anda a pedir* 'она нищенствует, побирается'. В составе перифразы употребительны только те глаголы, которые обозначают произвольные, активные действия лица, поэтому, например, исключаются глаголы состояния.

Если глагол *andar* находится в форме перфекта или плюсквамперфекта, на первый план выступает аспектуальное значение дуративности: *E como iles andiveron a rifar sobre de quén tiña que ir ó robo polo año...* (Folklore, 62) 'И так как они долго спорили о том, кому идти в деревню за барашком...'.

Botar(se) a + infinitivo. Эта перифраза и синонимичные ей *brincar/pegar/romper/soltarse a + infinitivo* имеют аспектуальное значение ингрессивности: *botouse a chorar* 'она расплакалась'; *botaron a correr* 'они бросились бежать'.

Chegar a + infinitivo. Эта перифраза имеет перфективное значение и обозначает результат длительного процесса: *chegaron a ser coma amigos* 'в конце концов они подружились'.

Dar en + infinitivo. Обычно перифраза имеет аспектуальное значение ингрессивности: *...o can deu en correr arriba e abaixo pola croa* (Folklore, 65) '...собака забегала вверх-вниз по горе'; *...era un vello vedraio de fermosa barba, e douxe en abrazar con mi amo* (Cunqueiro, 75) '...это был древний старик с красивой бородой; он начал обнимать моего хозяина'. Перифраза может также обозначать начало произвольного действия или состояния, при этом употребляется безличная конструкция, в которой субъект выражается косвеннообъектной фор-

мой местоимения или существительным с предлогом *a*: *deulle en doè-la barriga 'у него заболел живот'* [Santamarina 1974b, 148]. Перифраза имеет структурные варианты с предлогами *a*, *de*, *por*.

Deber (de) + infinitivo. Независимо от наличия или отсутствия предлога сочетание глагола *deber* с инфинитивом может обозначать как долженствование, обусловленное внутренними побуждениями: *debo (de) axudarte 'я должен помочь тебе'*, *Os vellos non deben de namorarse 'Старикам влюбляться не положено'* (название популярной пьесы А. Кастелао), так и гипотетичность: *deben (de) estar na súa porque está todo aberto 'Они должны быть дома, потому что все открыто;...pero eso quere dicir que Elías debéu facer algo gordo ¿non? (Casares, 45) '...но это означает, что Элиас, должно быть, что-то натворил, не так ли?'*. В современном языке перифраза в первом значении употребляется реже, чем во втором.

Deixar(se) de + infinitivo. Перифраза имеет аспектуальное значение терминативности, обозначая прекращение длительного действия: *deixou de sorrir 'он перестал улыбаться'*; *o can deixou de oubear 'собака перестала выть'*.

Estar a/pra + infinitivo. Если *estar* находится в форме презенса или имперфекта, перифраза обозначает действие, которое произойдет в самом ближайшем будущем (непосредственное следование): *están a chegar 'они вот-вот придут'*; *a conversa estaba pra rematar 'разговор подходил к концу'*. Если *estar* находится в перфектной форме, перифраза обозначает действие, которое едва не произошло: *cáseque estiven pra chorar 'я чуть не расплакался'*.

Estar a + infinitivo. В форме презенса или имперфекта эта перифраза, как и синонимичная ей *estar + xerundio*, обозначает актуальное, происходящее в описываемый момент действие или состояние: *...que me está a doer o carrolo que nin o podo mover (Esmorga, 42) '...у меня так болит загривок, что даже не могу пошевелить головой'*; *Onte estábamos a cear e de arrebatado a miña muller rompe a carpir (Castelao, 286) 'Вчера мы сидели за ужином, как вдруг моя жена начинает плакать'*. В перфектной форме перифраза имеет аспектуальное значение дуративности: *estiveron a falar toda a noite 'они проговорили весь вечер'*.

Haber (de) + infinitivo. Эта, пожалуй, одна из самых употребительных перифраз галисийского языка привлекает особое внимание исследователей из-за некоторой диффузности своего значения. Перифраза может иметь чисто временное значение, выступая синонимом футурума, если *haber* находится в форме презенса, и синонимом будущего в прошедшем, если *haber* употребляется в форме имперфекта: *Hasme (de) contar eso outro día 'Ты мне расскажешь об этом в другой раз'*; *Dixo que había (de) voltar cedo 'Он сказал, что вернется рано'*; *Eu cando medre tamén hei de andar en tren (Dieste, 55) 'Когда я вырасту, я тоже поеду на поезде'*. В некоторых контекстах наблюдается отсутствие взаимозаменяемости форм *hei (de) cantar* и *cantaréi*; например, после *ha* возможна только форма *cantaréi*: *ha cho daréi dispois 'я уж потом тебе его дам'*; *ha verá 'вот увидишь'* [Santamarina 1974b, 141].

Часто на временное значение будущности накладывается модальное значение облигаторности: *hasme (de) traer aquel libro 'принести*

мне эту книгу';...*puxo de condición que lles habían de trager un año branco de todo* (Folklore, 62) '...он поставил условием, что они принесут ему барашка, совсем белого'. При отсутствии достаточно определенного контекста часто бывает трудно определить, имеет ли перифраза чисто временное значение или модально-временное. Отсутствие или наличие предлога *de* характерно для обоих значений перифразы; по наблюдениям Х. Майера, форма *s de* преобладает [Meier 1974, 10—13].

Значение гипотетичности (*Futuro hipotético*) перифраза имеет только в форме без предлога: *han ser as dez* 'сейчас, наверное, десять часов' [Rojo 1974a, 165]. А. Сантамарина устанавливает следующий ряд форм по шкале "уверенность — неуверенность": *son as dúas* — *teñen que sê-las dúas* — *han sê-las dúas* — *deben sê-las dúas* — *serán as dúas* [Santamarina 1974b, 143]. Таким образом, *han sê-las dúas* выражает большую степень уверенности, чем *serán as dúas*.

В перфектной форме перифраза *haber de* + *infinitivo* (в этом значении предлог отсутствует редко) имеет другое аспектуально-временное значение, обозначая действие, которое едва не свершилось: *Houbemos de caer por aquel burato* 'Мы едва не свалились в эту яму'. Эта характерная для галлсийского языка конструкция проникла и в региональный вариант кастильского языка.

Перифраза *haber (de)* + *infinitivo* исключается в формах футурума и конъюнктива.

Haber que + *infinitivo*. Перифраза аналогична испанской и обозначает неопределенно-личную облигаторность. Глагол *haber* может быть в любой временной форме, герундии, инфинитиве: *hai que traballar forte* 'надо напряженно работать'; *había que irse* 'надо было уходить'. В перфектной форме сочетается со значением перфективности: *Houbo que sacar o gando das cortes e levar pró faiado as cousas de máis valimento* 'Пришлось вывести скот со двора и перенести на чердак наиболее ценные вещи' [Rojo 1974a, 159].

Ir (a) + *infinitivo*. Модально-временные функции этой перифразы разнообразны и пересекаются с функциями перифразы *haber (de)* + *infinitivo*. Перифраза может иметь временное значение, обозначая будущее действие, чаще близкое к моменту речи: *vai chover* 'дождь собирается'; *Agora eu vou contarvos unha cousa* (Cousas, 75) 'Сейчас я вам кое-что расскажу'; *O bon do home sacou a cobra de debaixo da pedra; pero esta, en vez de agradecerllo, díxolle que iba comelo* 'Добрый человек вызволил змею из-под камня, и она, вместо того чтобы поблагодарить его, сказала, что съест его' [Meier 1975, 44]. Впрочем, если субъектом действия является лицо, бывает нелегко определить, имеет ли перифраза чисто футуральное значение или включает в себе также оттенок намерения.

Имперфектная форма *iba* + *infinitivo*, оказавшись синонимичной форме на *-ría* в функции будущего в прошедшем, переняла также ее функцию в аподосисе условного периода: *Se a vella non tivese reuma, ¿de qué iba a ter pena?* (Refráns, 222) 'Если бы у старухи не было ревматизма, на что бы она жаловалась?'

Более частым является употребление перифразы без предлога *a*, хотя на частоту его употребления, по-видимому, влияет степень кас-

тилизации; при дистантном расположении частей перифразы предлог играет связующую роль.

Porse/porse/a porse а + *infinitivo*. Перифраза имеет ингрессивное значение без оттенка интенсивности, присущего иногда перифразе *botarse* а + *infinitivo* и особенно ее синонимам: *púxenme* а *escribir* 'я начал писать', *puxéronse* а *falar dos seus fillos* 'они заговорили о своих детях'.

Quedarse а + *infinitivo*. Перифраза обозначает начало действия или состояния: *quedarse* а *dormir* 'заснуть', *quedarse* а *escoitar* 'начать слушать' и употребляется в основном с глаголами чувственного восприятия и состояния.

Ser а + *infinitivo*. Перифраза имеет ограниченное употребление, обозначая итеративное действие, причем субъект обычно выражен местоимением *todos*: *todos son a preguntar* 'все только и спрашивают'; *Todos son a decirme* que non *haberá* *novedade* 'Все мне говорят, что ничего не случится' [Rojo 1974a, 119-120].

Ser de/pra + *infinitivo*. Перифраза представляет собой безличную конструкцию со значением долженствования: *É de temer* *estes bichos* 'Следует бояться этих насекомых'. Если перифраза *haber* que + *infinitivo* представляет собой неопределенно-личную конструкцию (при ее употреблении может подразумеваться конкретный субъект действия), то безличность данной перифразы абсолютна. В приведенном примере подлежащее отсутствует, *estes bichos* занимает позицию прямого дополнения; возможна пассивная трансформация, при которой объект действия занимает позицию подлежащего: *estes bichos son de temer*; ср. также: *Amor de soldado non é de fiar* (Refráns, 35) 'Солдатской любви верить нельзя'.

Ter de/que + *infinitivo*. Первичная функция этой перифразы — модальность долженствования: *Teño de/que* *escribirlle* а *meu irmán* 'Мне надо написать брату'. Во вторичной функции перифразы употребляется для обозначения высокой степени уверенности говорящего в достоверности сообщаемого им факта: *Teñen* que *ser* *as dúas* 'Сейчас, должно быть, два часа'.

Vir (а) + *infinitivo*. Перифраза имеет аспектуальное значение перфективности с оттенком длительности процесса, приведшего к результату: *I eisí veuse saber* que *era* *un home-lobo* *aquela* *temida* *besta* (Cunqueiro, 64); 'Так вот и узнали, что этот страшный зверь был оборотнем'; *Viñeron* *dar* *aquí* *sin* *saber* *cómo* 'Они забрели сюда, сами не зная как' [Rojo 1974a, 153; Santamarina 1974b, 148].

Vir de + *infinitivo*. Перифраза имеет аспектуально-временное значение, соединяя в себе признаки перфективности и непосредственного предшествования: *Aquel home* *ven de* *chegar* 'Этот человек только что пришел'. *Víña de* *saír* *da casa* 'Он только что вышел из дома'. Вспомогательный глагол употребляется в форме претерита и имперфекта.

Voltaa/volver (а) + *infinitivo*. Перифраза имеет аспектуальное значение повторного действия: *Endexamáis* *volvín* а *vélos* *diant* *de* *mín* (Cunqueiro, 64) 'Больше я их никогда не видел'; *Y ela* *volvía* а *porfiar* (Folklore, 51) 'А она снова принималась за свое'.

Рассмотрение перифраз с инфинитивом показывает, что несмотря на их обилие (имеется еще ряд менее употребительных перифраз, сведения о которых можно найти в вышеупомянутых исследованиях Г. Рохо и А. Сантамарины) круг выражаемых ими значений довольно невелик: это в основном временные значения футуральности, непосредственного предшествования и следования, актуальности; аспектуальные значения ингрессивности, терминативности, перфективности и модальные значения долженствования и гипотетичности.

Многие перечисленные признаки могут выражаться и без помощи перифраз, которые зачастую оказываются экспрессивно отмеченными по сравнению с простыми формами глагола. Особенно заметна конкуренция простых и перифрастических форм в области выражения футуральности и гипотетичности: *escribiréi/hei (de) escribir/vou escribir; serán/han ser as dez.*

ПЕРИФРАЗЫ С ГЕРУНДИЕМ

Andar + xerundio. Широко употребительная перифраза *andar + xerundio*, как и синонимичная ей *andar a + infinitivo*, обозначает актуальное, т. е. совершающееся в описываемый момент действие, при этом подчеркивается активность субъекта и длительность или повторяемость действия, поэтому в этой перифразе употребительны только глаголы, обозначающие активное действие: *Andaban unhas rapazas gardando as ovellas (Folklore, 57)* 'Как-то пасли девочки овец'; *Andaba ela gavexando pola casa adiante (Prosa galega, 145)* 'Она хлопотала по дому'.

Estar + xerundio. Как и в испанском языке, это одна из самых употребительных перифраз. Только в перфектной форме ей можно приписать аспектуальное значение дуративности: *Toda a noite estivera xeando, e a lama estaba dura nos sulcos das rodas (Esmorga, 18)* 'Всю ночь был мороз, и грязь, размешанная колесами телег, застыла'; *O home, que estivo ollando medio parvo mentras que ela faláu, repicóulle... (Prosa galega, 175)* 'Человек, который с глупым видом смотрел на нее, пока она говорила, ответил ей...'.

Если же вспомогательный глагол выступает в другой временной форме (чаще всего в презенсе и имперфекте), то никакого постоянного аспектуального признака, который отличал бы перифразу от простой формы глагола, выделить нельзя. Перифраза обозначает актуальное действие, т. е. действие, происходящее в описываемый момент; о его длительности сама перифраза ничего не сообщает: *Estes bens están agardando a un mozo puro, tenro e forte ao mesmo tempo (Teatro, 85)* 'Это состояние ожидает человека честного, с нежным сердцем и в то же время сильного'; *Cando estaba batendo no leite foron chamala uns forasteiros (Folklore, 52)* 'Когда она сбивала масло, ее позвали какие-то приезжие'; *E agora decátome de que ti, sofrido lector, estarás decindo... (Prosa galega, 336)* 'А теперь я догадываюсь, терпеливый читатель, что ты, должно быть, говоришь про себя...' Поэтому нельзя согласиться с теми исследователями, которые считают, что формы

canta/está cantando противопоставлены по признаку наличия/отсутствия длительности. Если форма *santa* может выступить как в актуализирующей, так и в генерализирующей функции, то перифраза *está cantando* обозначает в первичной функции только актуальное действие. Следует различать по крайней мере две степени актуальности: 1) действие происходит в момент речи или и описываемый момент в прошлом (иногда в будущем): *está fumando*, *estaba fumando* 'он курит, он курил'; 2) действие характерно для субъекта в определенный отрезок времени, но не обязательно в описываемый момент: *está, estaba estudiando inglés* 'он учит, учил английский'. Употребление же перифразы в генерализирующей функции исключается, действие как характерный признак субъекта передается простой формой: *el fuma moito* 'он много курит'. Только в эмоционально окрашенных высказываниях с наречием *sempre* 'вечно' с помощью перифразы субъекту приписывается характерный для него признак-действие: *Está sempre facendo trasnadas* 'Он вечно устраивает какие-нибудь проделки', что можно истолковать как 'в любой момент времени вы можете застать его за какой-нибудь проделкой'.

Ir + xerundio. Эта перифраза имеет аспектуальное значение постепенно развивающегося действия; в перфектной форме (в отличие от *estar + xerundio*) обозначается также результат действия: *...xa me vou deprocatando que vostede non é deiquí* (Esmorga, 21) '...я уже догадываюсь, что вы не здешний'; *Na fonte foi enchéndose a caldeira da moza, e xa fai moito que a iauga reverte* (Castelao, 274) 'Котелок девушки наполнился водой из источника, и она уже давно переливается через край'.

Levar + xerundio. Перифраза имеет аспектуальное значение кумулятивности, обозначая длительное действие, начавшееся в прошлом и обычно продолжающееся в описываемый момент; в засвидетельствованных примерах употребляются неперфективные глаголы: *levaban agardando unha hora* 'они ждали уже час'; *¿Quén sabe cantos anos e cantos séculos levas rolando polo mundo, vello carro dos nosos antergos?* (Cuevillas, 40) 'Кто знает, сколько лет, сколько веков ты катишься по земле, старая повозка наших предков?'

Quedar(se) + xerundio. Перифраза имеет ингрессивное значение и употребляется в основном с глаголами чувственного восприятия или внутреннего состояния: *O Pega quedouse escoitando, sen ollar pra il* (Esmorga, 66) 'Сорока стал слушать, не глядя на него'; *...el voltou a cabeza e quedou mirando por última vez a aquela muller, que houbera feito a dicha da súa vida* (Prosa galega, 179) '...он повернул голову и в последний раз посмотрел на женщину, которая могла бы составить его счастье'.

Vir + xerundio. Перифраза имеет аспектуальное значение постепенно развивающегося действия, но в отличие от перифразы *ir + xerundio* в ней наличествует признак кумулятивности, так как указывается на существование предыдущего длительного этапа развития действия: *Eu xa o viña ouvindo dende rapaz* (Esmorga, 38) 'Я об этом слышал уже с детства'; *Escribino, como veño falando desde hai corenta anos* 'Я написал об этом так, как говорю уже сорок лет' [Rojo 1974a, 111].

Как можно судить из приведенного материала, немногочисленные перифразы с герундием служат в основном для обозначения актуального или постепенно разворачивающегося во времени действия; при этом временные и аспектуальные признаки находятся в сложном взаимодействии.

ПЕРИФРАЗЫ С ПРИЧАСТИЕМ

Andar + participio. Употребление глагола *andar* в связочной функции в противоположность *estar* придает конструкции значение активного проявления признака субъектом: *anda namorado* 'он влюблен', *anda alporizado* 'он в раздражении'.

Dar + participio. Перифраза обычно употребляется в отрицательной форме и обозначает отсутствие достижения результата по причине каких-либо помех: *Non dou feito este traballo* 'Никак не могу закончить эту работу'; *Noxe non dou chegado a Lugo* 'Сегодня мне не добраться до Луго'. Редко употребляется в прямом или косвенном вопросе: ... *a ver se das bebido este viño* '...посмотрим, сможешь ли ты выпить это вино' [Carballo Calero 1966, 235]. Эта характерная для галисийского языка конструкция присутствует и в испанском языке Галисии [Rojo 1974a, 133].

Estar + participio. Перифраза обозначает состояние субъекта в описываемый момент, которое является результатом предыдущего действия или процесса. Длительность или преходящность состояния является контекстуально обусловленным смысловым эффектом и значением самой конструкции не является, как и в случае с конструкцией *estar + adxetivo*: *está medrado* 'он подрос', *está cansado* 'он устал'; *o camiño está cuberto de neve* 'дорога замечена снегом'; *estou cenado, comido, bebido* 'я поужинал, наелся, напился'. Значение *estar + participio*, как и *estar + adxetivo*, относится к разряду актуализационных категорий и противостоит значению классифицирующего предиката *ser + adxetivo*.

Haber + participio. Единственной допустимой в норме формой этой перифразы является форма *Subxuntivo II*, служащая для обозначения нереального условия в условном периоде, относящемся к прошлому: *Se houbera chegado antes, non estaríamos aquí aínda* 'Если бы ты пришел раньше, мы бы тут уже не сидели'. Поскольку такое употребление наблюдается в средневековой литературе, эта форма не признается кастилизмом, хотя в разговорной речи она заменяется на *cantase/cantara* [Там же, 134–138]. Все случаи употребления *haber + participio* в других временных формах признаются явными кастилизмами.

Ir + participio. Эта редко употребляющаяся перифраза синонимична *estar + participio* и обозначает состояние субъекта как результат предшествующего действия: *O ladrón xa vai ben castigado* (Cousas, 15) 'Вор уже хорошо наказан'; *Esta labor feita vai, dixo o que enterraba a muller* (Refráns, 102) 'Дело сделано, как сказал один, похоронив жену'.

Levar + participio. Перифраза сочетает аспектуальные значения дуративности и перфективности или терминативности; наблю-

даются колебания в согласовании причастия с прямым дополнением, что говорит о незаконченности процесса грамматикализации перифразы: *levo dúas leiras aradas* 'я вспахал два участка'; *O muiño tense en pé polas forras e romendos que eu lle llevo posto* 'Мельница еще стоит благодаря подпоркам и заплатам, которыми я ее облепил' [Там же, 133]. Отмечается также значение приближения действия к своему пределу при наличии перед причастием прямого дополнения, выраженного существительным с определенным артиклем и соотносимого с отдельным предметом или их совокупностью; поэтому фраза *levo a leira arada* двусмысленна: 'я вспахал поле' или 'я почти вспахал поле'; но *levo unha leira arada* может значить только 'я вспахал одно поле' [Santamarina 1974b, 163, 164].

Quedar + participio. Перифраза имеет аспектуальное значение инхоативности и обозначает начало состояния: *quedei sorprendido das palabras* 'я удивился этим словам'; *Alfredo foise deitando sobor da herba murcha. E quedouse durmido ó pé do carballizo* 'Альфредо улегся на увядшей траве. И уснул под дубком' [Rojo 1974a, 141].

Ser + participio. Перифраза является средством выражения пассивного залога и употребляется не часто. Глагол может быть в любой модально-временной форме, инфинитиве и герундии: *O castro foi feito polos mouros, que viveron níl moitos anos* (Folklore, 23) 'Крепость была построена маврами, которые жили в ней много лет'; *A rúa estaba alampada de luar e non podíamos atravesala sen sere ollados* (Esmorga, 96) 'Улица была залита мутным светом, и мы не могли перейти ее, не будучи замеченными'.

При употреблении адъективированного причастия конструкция превращается в атрибутивную с классифицирующим предикатом: *o neno é moi calado* 'ребенок очень молчалив'. Употребление сочетания *ser casado* 'быть женатым' для обозначения состояния представляет отдельный случай архаизма. Также архаизмом, по-видимому, являются случаи употребления *ser + participio* в качестве перфекта переходных глаголов, в основном глаголов движения: *Cando un ano é ido, damos grazas a Deus por habelo vivido* (Refráns, 58) 'Когда год прошел, поблагодарим бога за то, что мы его прожили'; *O momento non era aínda chegado* (Cuevillas, 87) 'Момент еще не настал'; *Era xa anoitecido* (Dieste, 105) 'Уже стемнело'.

Ter + participio. В употреблении этой весьма частой перифразы наблюдаются точки соприкосновения с испанскими аналитическими формами глагола. Перифраза имеет аспектуальные признаки [+перфективность] и [+итеративность] (как в португальском языке), если *ter* стоит в форме презенса или имперфекта: *Algunha xente ten medo de ir ó castro, pois dícese que níl teñen aparecido o demo e pantasmas moi temerarias* (Folklore, 42) 'Некоторые боятся ходить на развалины крепости, говорят, что там часто появляются черт и жуткие привидения'; *...e lle lleña dito moitas veces* (Esmorga, 24) '...я же тебе сколько раз говорил об этом'. В формах футурума, конъюнктива, инфинитива и в форме *ter* - глаг. признак [+итеративность] отсутствует: *Cando ti volvas a teré feito/fetto a casa* 'Когда ты вернешься, я уже приберусь к дому'; *Tería xantado convosco de vir máis cedo* 'Я бы пообедал с вами,

если бы пришел пораньше'; Cando eu volva, espero que xa se *teña ido* o home ese 'Когда вернусь, надеюсь, этот человек уже уйдет'; Somellaba xa *ter vido* a noite (Esmorga, 69) 'Казалось, что уже наступила ночь'; Non comer por *ter comido*, non che é mal de perigo (Refráns, 151) 'Не поесть, потому что уже поел, невелика беда'; A min xa me pesaba non *tere bebido* máis (Esmorga, 35) 'Мне было уже жаль, что я не выпил еще'.

В тех случаях, когда *ter* + *participio* имеет только признак [+перфективность], она становится функционально эквивалентной испанским аналитическим формам с *haber*, по крайней мере перфективных глаголов. В условиях постоянного контакта с испанским языком происходит расширение функций *ter* + *participio*, и она начинает употребляться там, где было бы достаточно простой формы глагола.

В отношении согласования причастия с прямым дополнением наблюдаются колебания; оно отсутствует, если внимание сосредоточено на самом действии, и присутствует, если подчеркивается результирующее состояние объекта [Carballo Calero 1966, 233, 234]: *Apañamos a roupa coma poidemos, e aínda non teñamos metidos os pantalós, cando apareseu na porta un cabaleiro* (Esmorga, 71) 'Мы похватили одежду и не успели натянуть штаны, как в дверях появился какой-то господин'; *Vaia, Balbina, que me tes admirada* (Teatro, 23) 'Ну, Бальбина, и удивила ты меня!'

Vir + *participio*. Перифраза означает состояние, рассматриваемое не только в описываемый момент, но и с учетом предшествующего периода времени: *Eso xa ven sabido de vello* 'Это известно уже издавна' [Santamarina 1974b, 158].

Итак, перифразы с причастием употребляются в основном для обозначения результата действия или последующего результирующего состояния, т. е. они служат выражению в первую очередь аспектуальных признаков.

Перифрастические сочетания могут накладываться друг на друга так, что вспомогательные глаголы образуют цепочки до четырех членов: *ha facer* — *ha ter que facelo* — *ha ter que volver a facelo* — *ha ter que volver a ser feito*, причем во всех случаях сохраняется следующая последовательность выражения категорий: время — модальность — аспект — залог [Rojo 1974a, 73].

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ И ДЕТЕРМИНАТИВЫ

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Род существительного. В галисийском языке, как и в других романских языках, существительные подразделяются на класс существительных мужского рода и класс существительных женского рода, более или менее однозначными признаками которых являются только исходы на -о и на -а соответственно. К мужскому роду относятся некоторые существительные на -а: día 'день' и названия лиц мужского пола: profeta 'прорицатель', garda 'сторож', poeta 'поэт' и др. Названия букв в галисийском, в отличие от кастильского, мужского рода: o a, o be. Ряд существительных на -а может быть мужского или женского рода в зависимости от пола обозначаемого лица: o/a artista 'художник, художница', o/a estoa 'ротозей, ротозейка', o/a crianza 'малыш, малышка' и др.

Существительные на -ахе в большинстве своем женского рода: a paisaxe 'пейзаж', a mensaxe 'послание', a mobaxe 'мебель', исключения составляют o traxe 'костюм', o garaaxe 'гараж', o personaxe 'персонаж', o viaxe 'путешествие', o рахе 'плетеная корзина'. Писатели галисийского возрождения в XIX в. употребляли существительные на -ахе в мужском роде, затем возобладали "португальская" тенденция.

Ряд существительных с исходом на -е и на согласный в своей родовой отнесенности следует португальскому, а не кастильскому; мужского рода являются существительные sal 'известь', nariz 'нос', sal 'соль', mel 'мед', leite 'молоко', ubre 'вымя', labor 'труд', sangue 'кровь', cume 'вершина', costume 'обычай', mar 'море', dote 'приданое', souce 'лягание, удар ногой', fel 'жёлчь', lume 'свет', berce 'колыбель', cuspe 'слюна', sinal 'знак', cárcere 'тюрьма'. К женскому роду относятся существительные ponte 'мост', dor 'боль', calor 'тепло', cor 'цвет', arbre 'дерево', análise 'анализ', orixe 'происхождение'. Влияние кастильского языка проявляется в колебаниях при отнесении перечисленных существительных к тому или иному роду, поэтому в грамматиках и учебниках на этот пункт обращается особое внимание.

В отличие от кастильского названия плодовых деревьев и их плодов обычно совпадают по роду и числу: a mazá 'яблоко', a pereira 'грушевое дерево', a pera 'груша', o limoeiro 'лимонное дерево', o limón 'лимон', o rexendoiro 'персиковое дерево' — o rexedo 'персик', но a figueira 'смоковница', o figo 'фига, смоква'.

Среди неодушевленных существительных выделяется группа, в ко-

торой формальная корреляция по роду сопровождается семантической корреляцией; в основном это однокоренные существительные, форма женского рода которых обозначает более крупный предмет, чем форма мужского рода: о агро 'небольшой участок земли, принадлежащий одному хозяину' — а агра 'большой участок земли, находящийся в коллективном пользовании', о cesto 'корзинка' — а cesta 'корзина', о рего 'мелкая груша' — а рега 'крупная груша', о carballo 'дуб' — а carballa 'старый дуб с раскидистой кроной'.

Иногда форма женского рода имеет собирательное значение: о хипсо 'тростник' — а хипса 'заросли тростника', о felgo 'папоротник' — а felga 'заросли папоротника', о madeiro 'бревно' — а madeira 'древесина' [Potro Dapena 1977, 148].

Однокоренные существительные, обозначающие живых существ мужского и женского пола, имеют следующие основные соотношения исходов: 1) -о/-а: fillo 'сын' — filla 'дочь', pito 'петушок' — pita 'курочка'; 2) согласный или ударный гласный/-а: rapaz 'парень' — rapaza 'девушка', pintor 'художник' — pintora 'художница', solteirón 'холостяк' — solteirona 'незамужняя женщина', abó 'дедушка' — aboa 'бабушка'; реже встречаются другие соотношения исходов: 3) -е/-а: monxe 'монах' — monxa 'монахиня'; 4) -н/-Ø: irmán 'брат' — irmá 'сестра'; 5) -н/-а: padrón 'хозяин' — padroa 'хозяйка', león 'лев' — leoa 'львица'; 6) -ón/-а: ladrón 'вор' — ladra 'воровка', но также и ladroa. Различное соотношение форм мужского и женского рода существительных на -н в мужском роде связано с фонетическими процессами, происходившими в средние века: лат. germana > írmana > írmaã > írma > írma (но в диалектах также írman при форме мужского рода írmao); лат. patrona > padroã > padroa. Существительные с оценочным суффиксом ón, -она позднего происхождения не были захвачены этим процессом.

Род прилагательного. Различия по роду находят в прилагательных свое выражение прежде всего с помощью противопоставления флексий -о в м. р. и -а в ж. р.: branco — branca 'бел|ый, -ая', тогпо — тогна 'прохладн|ый, -ая'. Большое количество прилагательных с исходом на гласный (реже) или согласный (суффиксы -dor, -és, -ón) характеризуется отсутствием флексии в форме м. р. и наличием флексии -а в форме ж. р.: nu — nua 'гол|ый, -ая', bo — boa 'хорош|ый, -ая', falador — faladora 'болтлив|ый, -ая', montaña — montaña 'горн|ый, -ая', chorón — chorona 'плексив|ый, -ая'.

Некоторые прилагательные с исходом на -н в форме м. р. теряют это -н в форме ж. р.: chan — cha 'плоск|ый, -ая', castelán — castelá 'кастильск|ый, -ая', cristián — cristiá 'христианск|ый, -ая'. Это чередование -н с нулем обусловлено исторически: ср. лат. planu > chã > chan; лат. plana > chã > cha > chi.

Во многих прилагательных с исходом на гласный или согласный категория рода не находит формального выражения: cortés 'вежлив|ый, -ая', nobre 'благородн|ый, -ая', ruin 'плох|ый, -ая', torda 'глуп|ый, -ая', doente 'больн|ый, -ая'.

Прилагательные malo, santo, grande перед существительными м. р. ед. ч. могут иметь апокопированные формы: mal fillo 'плохой

сын', San Xoan 'святой Иоанн' (но Santo Tomás 'святой Фома', Santo Domingo 'святой Доминик' и др.), un gran home 'великий человек'.

Множественное число существительных и прилагательных. По общему правилу флексией множественного числа является формант -s для имен с исходом на гласный, дифтонг и согласный -n и формант -es для имен с исходом на согласные -s, -r и -z: mestre — mestres 'учител|ь, -я', bo — bos 'хорош|ая, -ие', boi — bois 'вол, -ы', can — cans 'собак|а, -и', pazán — pazáns 'вежливы|й, -е', mes — meses 'месяц, -ы', noz — nocés 'орех, -и', feliz — felices 'счастливы|й, -е', tear — teares 'ткацкий станок' — 'ткацкие станки', falador — faladores 'болтлив|ый, -е'. Отличие от кастильского заключается в формах множественного числа имен на -n и на ударный гласный, которые имеют флексию -s, а не -es, однако в культизмах слова на -n имеют во множественном числе флексию -es: dólmen — dólmenes 'дольмен, -ы', canón — cánones 'канон, -ы'. В говорах имена на -n во множественном числе могут иметь следующие формы: cans, cas, cais; pantalóns, pantalós, pantalois; все они употребляются в языке художественной литературы в зависимости от предпочтений того или иного писателя, но форма на -ns наиболее престижна [Alonso Montero 1970, 51].

Для существительных rei 'король' и lei 'закон' наряду с обычными формами множественного числа reis, leis допускаются гиперхарактеризованные формы reises, leises, которые Р. Карбальо Калеро считает, однако, диалектными [Carballo Calero 1966, 89].

Основной спорной проблемой нормативной грамматики является образование форм множественного числа имен с исходом на -l. В учебнике Института галисийского языка рекомендуется окончание -es, как в испанском, и делается исключение только для трех существительных: cadril 'бедро', real 'реал' и adral 'борт телеги', формы множественного числа которых звучат cadrís, reás, adráis. Р. Карбальо Калеро распространяет мену -l/-s на другие существительные и прилагательные, делая исключение для односложных: feal — feás 'сеновал, -ы', mantel — mantés 'скатерт|ь, -и', pirifol-pirifós 'сушеная груша' — 'сушеные груши', lanzal — lanzás 'стройн|ый, -ые', но fol — foles 'мех, -а (кузнечные)'. Окончание -es представляется ему просторечным кастилизмом [Carballo Calero 1966, 91, 102]. Ш. Алонсо Монтеро [Alonso Montero 1970, 49, 50] считает, что модель mantel — mantés мало распространена в говорах, потому что уже в XIX в. были восприняты кастильские формы, которые попали и в язык художественной литературы. У Р. де Кастро альтернируют различные модели: mortáis, azúes, frois, видимо, по соображениям метра и рифмы. К концу века писатели стали предпочитать формы, отличные от кастильских: animal — animáis, animaes, animáis 'животн|ое, -ые'. М. Вальядарес [Valladares 1970, 30–32] также рекомендует формы типа coral — coraes, corás 'коралл, -ы', band — baríes, barís 'мужественн|ый, -е'. Формы на -is обычны в восточных говорах: nogal — nogáis 'орешник, -и', espiñol — espiñáis 'испански|й, -е'.

Сторонники сближения с португальским языком считают, что формы множественного числа на -es, являющиеся результатом много-

векового влияния кастильского на галисийский, надо решительно изгнать из литературного языка и восстановить исконно галисийские формы *animáis, papeis, azuis, difíceis, áxeis* и т.д. [Enríquez Salido 1982, 295]. Поэтому в правилах Галисийской социопедагогической ассоциации рекомендуются формы, близкие к португальским: *papel — papéis* 'бумага', *-и*, *posibel — posibeis* 'возможны', *-й, -е*, *útil — úteis* 'полезны', *-й, -е*, делая исключение только для односложных *mil — miles* 'тысяч', *-а, -и*, *tal — tales* 'так', *-ой, -ие*.

Что касается реального употребления форм множественного числа в художественной литературе и публицистике, то здесь наблюдается совершенный разнобой; авторы то следуют кастильскому: *animales, posibles*, то приближаются к португальскому: *animáis, posiveis, sociáis, sociaes* и даже *tais* от *tal* [Schroten 1981, 257]. Есть предложение форму множественного числа односложных имен на *-l* образовывать следующим образом: *sol — sois* 'солнце', *-а*, *sal — sais* 'соль', *-и*, но *fol — foles* 'мех', *-и*, *mol — moles* 'мягкий', *-й, -е*, потому что в латинском эти имена имели двойное *ll* [С. 1978b, 108].

Не имеют формального выражения числа некоторые существительные на *-s*: названия дней недели *luns* 'понедельник', *martes* 'вторник', *mércores* 'среда', *xoves* 'четверг', *venres* 'пятница'; сложные существительные типа *furabolos* 'указательный палец', *fervellasberzas* 'неугомонный человек', ряд имен с оценочным значением: *brégoles* 'неопрятный, неряха', *bardallas* 'болтун', *trécolas* 'вечно оправдывающийся', и ряд *pluralia tantum*: *cóxegas* 'щекотка', *miolos* 'мозги', *cirolas* 'штаны'.

Сложные существительные, построенные по модели "существительное + существительное", образуют формы множественного числа в зависимости от степени слияния элементов: *porco teixo — porcos teixos* 'барсук', *-и*, но *cartafoi — cartafoles* 'рабочий', *-цы*. В существительных, построенных по модели "существительное + прилагательное", морфеме *-s* имеют оба элемента: *raporrubio — raposrubios* 'малиновка', *-а, -и*. В существительных, построенных по модели "глагол + существительное", имеет флексию только второй элемент: *vichelocrego — vichelocregos* 'иволг', *-а, -и*.

Степени сравнения прилагательного. Из синтетических форм сравнительной степени галисийский сохранил *mellor/millor* 'лучший', *peor/pior* 'худший', *maior* (в просторечии *maor*) 'большой', *menor* 'меньший'. Форма *meirande* 'большинный' образовалась в результате слияния *maís + grande*: *a miña filla é meirande ca a túa* 'моя дочь больше твоя'. Синтетические формы могут заменяться аналитическими конструкциями с прилагательными *bo, mal, grande, pequeno*. Основные же способы выражения степени проявления признака — лексико-синтаксические.

Конструкция, выражающая равенство проявления признака у двух предметов, имеет вид *tan + adx. + coma/como*, *o fillo é tan bo coma o pai* 'сын такой же хороший, как и отец'. Грамматика Р. Карбальо Калеро и учебник Института галисийского языка дают в качестве единственно возможной формы наречия 'как' форму *coma* [Carballo Calero 1966, 105; Galego 1977, 66]. В речи происходят колебания между формами *somo* и *coma*, вторая из которых является специфически галисий-

ской. Вопрос был специально рассмотрен А. Сантамариной [Santamarina 1974a, 25 и сл.], который обнаружил, что в речи перед ударной формой личных местоимений всегда употребляется *сота* (предположительно из лат. *quomo* (*do*) *ас*), что он и рекомендует признать нормой: *é tan alto sota ti* 'он такой же высокий, как и ты'. В других случаях наблюдаются колебания, хотя несколько преобладает *сота*: *non é tan guara sota/como cando era nova* 'она не такая красивая, какой была в молодости'.

В устной речи при сочетании *сота* с формами артикля *о*, *а*, *ун* произносятся открытые гласные [ɔ], [a]: *сота о* [kɔmɔ́], *сота а* [komá], *сота ун* [kɔmɔ́r], что и позволяет реконструировать употребление именно *сота*, а не *сото*, так как сочетание закрытого [o] с [o], [a], [u] не может дать открытый звук. В XIX в. и в первой половине XX в. писатели обычно пользовались апострофом при сочетании *сота/сото* со словом, начинавшимся с гласной, что позволяло им избегать выбора между двумя формами: *com'un lóstrego* 'как молиния', *com'el* 'как он'.

Конструкция неравенства проявления признаков имеет вид *máis/menos + adx... са/que*: *o carballo é máis alto cá casa* 'дуб выше дома', *esta rapaza é menos alta ca ti* 'эта девушка ниже тебя'. Р. Карбальо Калеро и учебник Института галисийского языка приводят единственную форму наречия 'чем' — *са*, хотя в речи наблюдаются колебания между *са* и *que*. А. Сантамарина [Santamarina 1974a, 17 и сл.] рекомендует употреблять исключительно *са* (из лат. *quam*) перед ударными формами личных местоимений: *é máis forte ca min* 'он сильнее меня'; в других случаях в узусе *са* и *que* альтернируют, но поскольку *са* преобладает, то эта форма может быть рекомендована в качестве литературной.

Р. Карбальо Калеро [Carballo Calero 1966, 107] допускает в любом случае замену *са* союзным речением *do que*: *esta nena é meirande ca (или do que) a túa* 'эта девочка больше твоей'. Перед глаголом возможно только *do que*: *é máis doado do que coidabas* 'это более легкое дело, чем ты думал'; *é máis listo do que decías* 'он хитрее, чем ты говорил'.

В значении относительной превосходной степени употребляется конструкция с определенным артиклем и предлогом *de*: *é o máis cativo dos fillos* 'он самый маленький из сыновей', *é a menos leda das rapazas* 'она самая невеселая из девушек'; *eu son o menor dos irmáns* 'я самый младший из братьев'.

В категорию абсолютной превосходной степени объединяются различные лексические, словообразовательные и синтаксические средства интенсификации, в которых преобладает момент эмоциональной оценки качества. В галисийском языке обнаруживаются в основном те же способы интенсификации, что и в испанском языке. К наиболее употребительным в письменной и устной речи относятся наречия *moi* 'очень', *ben* 'очень', 'довольно', *dabondo* 'довольно', *sumamente* 'в высшей степени', и др., и также суф. *-ísimo*, *-ismo* (вторая форма признается нормативной в [Galego 1977, 68—69]): *Eran moi altos/altismos* 'Они были очень высокие, высооченные'; *É ben sabida*

а cousa 'Это дело очень хорошо известно'; ¡Virxe santísima! 'Пресвятая дева!' (распространенное междометное речение). В разговорной речи суф. -ismo весьма употребителен, при этом может происходить контаминация лексического и суффиксального способов интенсификации: *moi grandismo* 'большущий, огромный'. Р. Карбальо Калеро отмечает, что эта форма употребляется даже чаще, чем просто *grandismo* [Carballo Calero 1966, 110]. Интенсификаторы *ben*, *abondo* выражают прежде всего субъективную оценку, поэтому употребительны в восклицательных, оценочных и оптимативных высказываниях, например: ¡Es *ben sinvergüenza*! 'Ну и бесстыжий же ты!' По мнению Ш.А. Порто Дарена [Porto Darena 1977, 152], употребление *ben* предполагает меньшую степень интенсификации, чем *moi*: ¡Es *moi sinvergüenza*! 'Ты совсем потерял стыд!'

Другими средствами интенсификации в разговорной речи являются: повторение прилагательного — *o noso mestre é bon bon* 'наш учитель хороший-хороший', *meu pai está forte que forte* 'мой отец сильный-пресильный'; употребление префиксов *re-*, *requete-*, *ultra-*, *super-*, *atqui-* и суффиксов *-iño*, *-ico*, *-echo*, *-errecho* *-egrechiño*; ср. ряд образований от прилагательного *pequeno* 'маленький': *pequeno* — *requeno* — *requetecho* — *requerrecho* — *requenico* — *moi pequeno*, — *requeniño* — *moi requeniño* — *requerrechiño* — *moi requerrechiño*, расположенный в порядке возрастания интенсивности эмоциональной оценки [Там же, 151]. Из эмфатических синтаксических конструкций следует упомянуть выделение прилагательного с помощью *qué* и *de*: ¡Qué home tan/máis malo! 'Какой злой человек!'; ¡Qué guín de home! 'Что за худой человек!'; Así de grande 'Вот такой огромный', обнаруживаемые и в испанском языке, а также ¡É de malo! 'Таких худых надо поискать!'

Употребление прилагательного в препозиции или постпозиции к существительному обнаруживает те же закономерности, что и в испанском и португальском языках. Субстантивация прилагательного для обозначения отвлеченного качества происходит, как и в португальском языке, с помощью определенного артикля м.р. о, поскольку форма "среднего рода" (кастильское *lo*) отсутствует: *o bo* 'хорошее', *todo o mal* 'все плохое'; в выделительных конструкциях сохраняется согласование прилагательного с определяемым существительным: *Eu sei o fermosa* que é a doncela porque trato ao pintor que fixo o seu retrato (Cunqueiro, 36) 'Я знаю, насколько красива эта девушка, потому что знаком с художником, который нарисовал ее портрет'.

ДЕТЕРМИНАТИВЫ ИМЕНИ

Артикль

Формы неопределенного артикля следующие: м. р. ед. ч. *un*, м. р. мн. ч. *uns*, ж. р. ед. ч. *unha*, ж. р. мн. ч. *unhas*. Эти формы являются в речи ударными. В центральных и восточных говорах имеются формы м. р. мн. ч. *us* и *unhos*, которые можно обнаружить и в письменной речи. На крайнем востоке галисийского ареала бытуют формы м. р. мн. ч. *uis* и ж. р. ед. ч. *ua* [Carballo Calero 1966, 113–114].

Предлог	Артикль			
	un	unha	uns	unhas
con	cun	cunha	cuns	cunhas
de	dun	dunha	duns	dunhas
en	nun	nunha	nuns	nunhas

Таблица 4

Предлог	Артикль			
	o	a	os	as
a	ao/ó	á	aos/ós	ás
con	co	coa/ca	cos	coas/cas
de	do	da	dos	das
en	no	na	nos	nas
por	po/o	pola	polos	polas
pra	pró	prá	prós	prás

Неопределенный артикль образует регулярно употребляемые на письме слитные формы с некоторыми предлогами (см. табл. 3).

С частицей *sa* 'чем' в сравнительных оборотах слияния не допускается, чтобы не возникала путаница с формами *cunha* < *con* + *unha* и т.д.

Формы определенного артикля следующие: м. р. ед. ч. *o*, м. р. мн. ч. *os*, ж. р. ед. ч. *a*, ж. р. мн. ч. *as*. Основные формы определенного артикля не несут ударения и одинаковы во всех говорах; трудности возникают при отражении на письме некоторых слитных форм предлога и артикля (см. табл. 4).

Формы *ao* и *ó*, *aos* и *ós* произносятся одинаково: [ɔ], [ɔs]; *ao* и *aos* рекомендуются Галисийской академией и другими лингвистическими учреждениями; *ó* и *ós* предлагает Институт галисийского языка. На практике употребительны обе формы, хотя, по-видимому, преобладают *ao* и *aos*, идентичные португальским. Произношение [ao], [aos] встречается редко и ощущается как искусственное [Porto Dapena 1977, 155].

Слитные формы *sa* < *con* + *a* и *cas* < *con* + *as* употребляются редко; *sa* имеет то неудобство, что омографично *sa* 'чем'.

Формы *polo*, *pola*, *polos*, *polas* некоторыми пишущими отвергаются и заменяются полными *por o*, *por a*, *por os*, *por as*. Слитные формы с предлогом *pra* предлагаются Институтом галисийского языка, однако сама синкопированная форма предлога *pra* многим кажется слишком разговорной; на письме чаще употребляется форма *para*, и слияния с артиклем не происходит.

Что касается слияния артикля с частицей *sa* 'чем', то Р. Карбальо

Калеро допускает форму $ca < ca + a$, но не $co < ca + o$, которая может путаться с $co < con + o$ [Carballo Calero 1966, 107]. Институт галисийского языка предлагает слитные формы $co < ca + o$, $ca < ca + a$, $cós < < ca + os$, $cás < ca + as$ [Galego 1977, 66], которые не нашли всеобщего применения.

Употребление артиклей, обусловленное тонкими семантико-коммуникативными различиями, естественно, не является объектом нормативизации в рамках литературного языка; внимание нормализаторов обращено прежде всего на случаи несвободного синтаксиса, где употребление или неупотребление артикля асемантично и является фактом нормы.

В галисийском является обязательным употребленне определенного артикля перед притяжательными прилагательными, как в португальском: *a posa escola* 'наша школа', *o meu profesor* 'мой учитель'. Опускание его регулярно происходит перед притяжательными прилагательными *meu*, *teu*, *seu*, если далее следует существительное в ед. ч., обозначающее родственника обладателя; ср.: *meu pai* 'мой отец', *tua irmá* 'твоя сестра', но *o voso pai* 'ваш отец'. Если имя обладаемого стоит во множественном числе, наблюдаются колебания: *(os) teus irmáns* 'твои братья'. Так же регулярно артикль опускается при обращении: *poñ llo creás, meu fillo* 'не верь ему, сын мой'. Опускание артикля в других случаях расценивается как кастилизм: *(os) seus ollos* 'его глаза', *(a) súa razón* 'его довод', хотя в современном языке, как и в португальском, это нередкое явление [Alonso Montero 1970, 46].

Из других детерминативов имени с определенным артиклем всегда употребляются *todo* 'весь', *ambos/entrambos* 'оба': *tódalas portas* 'все двери', *ámbolos fillos* 'оба сына'. В конструкции *toda (a) casa* 'всякий дом' наблюдаются колебания между португальской и испанской конструкцией [Carballo Calero 1966, 203].

При постпозиции указательного прилагательного также обязателен определенный артикль: *o can este* 'собака эта'. Неопределенный артикль при постпозиции притяжательного прилагательного имеет квантифицирующую функцию: *unha amiga miña* 'одна из моих подруг'.

Элементом формы является определенный артикль во многих наречных оборотах: *ás veces* 'иногда', *ás escuras* 'в темноте'; в соответствующих испанских оборотах артикля нет.

Определенный артикль входит в состав реплик-переспросов *¿o qué?* 'что?', *¿что такое?*, *¿что ты сказал?*, *¿o cal?* 'который' [Там же, 204—205].

Названия дней недели в обстоятельственной функции могут употребляться без артикля: *chegou sábado* 'он прибыл в субботу'.

Употребление определенного артикля с антропонимами — именами, фамилиями и прозвищами считается принадлежностью просторечия, и в литературе некоторые писатели избегают его. Все же его можно встретить с фамилиями известных деятелей галисийской культуры: *o Castelaio*, *o Risco*. Р. Карбальо Калеро оценивает как просторечное употребление фамилий и прозвищ в женском роде с определенным артиклем для обозначения жены носителя фамилии или прозвища: *a Salgueira* 'жена Салгейро', *a Manca* 'жена Безрукого'.

Определенный артикль входит также в состав многих географических названий: A Coruña 'Ла Корунья', O Sar 'Сар' (река в Галисии) O Grove 'О Грове' (название местности в Галисии), A América 'Америка'. Решающим при регулировании узуса здесь является традиция.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Подобно испанскому, в галисийском имеется три ряда указательных местоименных прилагательных, которые могут употребляться и независимо, в местоименной функции: 1) *este, estes, esta, estas* 'этот' (ближе к говорящему); 2) *ese, eses, esa, esas* 'этот, тот' (ближе к слушающему); 3) *aquel, aqueles, aquela, aquelas* 'тот'. Формы *estos, esos* вместо *estes, eses* являются кастилизмами. С предлогами *de* и *en* образуются слитные формы *deste, neste, dese, nese, daquel, naquel* и т.д.: *neste ano* 'в этом году', *pesa casa* 'в этом доме' *daquela cidade* 'из того города'.

Слитные формы образуются также с местоименным прилагательным *outro* 'другой': *estoutro, esoutro, aqueloutro* и т.д.; эти формы в свою очередь могут сливаться с предлогами *de* и *en*: *destoutro, nestoutro, desoutro, nesoutro, daqueloutro, naqueloutro*, но они употребляются редко и ощущаются как архаичные. Архаичными являются также формы *aqueste* 'этот, тот' [Carballo Calero 1966, 122—124].

В диалектах и в художественной литературе встречаются формы указательных прилагательных с коренным гласным [i]: *iste, ise, aquil* (последняя форма крайне редка).

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

По своей форме и функционированию галисийские притяжательные прилагательные обнаруживают гораздо больше сходств с португальскими, чем с кастильскими прилагательными (см. табл. 5).

В общем случае наличие притяжательного прилагательного перед существительным требует определенного артикля (см. выше). С именами родства в просторечии вместо *miña* употребляется форма *ña*: *ña pai* 'моя мать', *ña filla* 'моя дочь'. Распространены, даже в сельской местности, кастильские формы обращения к родителям *mi madre, tu padre, su madre*, которые ощущаются как более почтительные [Porto Dapena 1977, 159].

Обычно место притяжательного прилагательного при наличии определенного артикля — в препозиции к существительному. При наличии перед существительным других детерминативов — отрицательных, неопределенных, вопросительных, указательных — предпочитается постпозиция притяжательных прилагательных: *é un amigo meu* 'это один из моих друзей', *algún veciño teu* 'кто-нибудь из твоих соседей', *estes fillos teus* 'эти твои сыновья', *ningunha proposta túa foi adoptada* 'ни одно из твоих предложений не было принято', *¿de qué casa miña falas?* 'о каком моем доме ты говоришь?'. Постпозиция отмечается также в случае невозможности употребления определенного артикля или другого детерминатива: *cheguei tarde por culpa túa* 'я опоздал из-за твоей

Лицо и число обладателя	Род и число обладаемого				
	мужской род		женский род		
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	
Ед. ч.	1 л.	meu	meus	miña	miñas
	2 л.	teu	teus	túa	túas
	3 л.	seu	seus	súa	súas
Мн. ч.	1 л.	poso	posos	posa	posas
	2 л.	voso	vosos	vosa	vosas
	3 л.	seu	seus	súa	súas

вине', é cousa miña 'это мое дело'; Eu quero porme de criado seu (Prosa galega I, 244) 'Я хочу стать его слугой'.

Формы 3 л. в силу своей многозначности часто заменяются определениями del, dela, deles, delas, de vostede(s): collín a carta del 'я взял его письмо'. Ш. Порто Дапэна указывает, что обычно сочетание a súa vaca понимается как 'его, ее, ваша (ед. ч.) корова', если речь идет о нескольких обладателях, предпочитается a vaca deles/delas/de vostedes 'их, ваша (мн. ч.) корова'. Конструкция типа исп. su hijo de usted совершенно чужда галисийскому [Там же, 164—165].

Разговорной является конструкция un tío de meu вместо un tío meu 'один мой дядя'.

Приведем также несколько случаев идиоматичного употребления притяжательных прилагательных: Cibrán tenche os seus 50 anos 'Сибрану уже все пятьдесят'; volver ó seu 'вернуться в родной дом'; facer das súas 'начудить, отколоть номер'; Antón ten gado de seu 'у Антона собственный скот' (т.е. он его не арендует); eu teño terreos de meu 'у меня своя земля'.

В отличие от испанского языка особых форм притяжательных прилагательных в абсолютном употреблении нет и в местоименной функции используются те же формы: este hórreo é meu 'этот амбар мой'; a miña acabóuse 'моя кончилась'.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАТИВЫ

Неопределенные количественные детерминативы. Местоименные прилагательные tanto 'сколько', tanto 'столько', moito 'много', pouco 'мало', todo 'весь', demasiado 'слишком много' согласуются в роде и числе с определяемым существительным: cantos homes 'сколько человек', moitas rapazas 'много девушек'. Форму множественного числа имеет прилагательное varí|los, -as 'несколько'; неизменяемыми являются máis 'больше' и menos 'меньше'.

Прилагательное tanto и pouco образуют партитивную конструкцию с предлогом de, в которой сохраняется их согласование с существительным: un pouco de rap 'немного хлеба', unha pouca de auga 'немного воды', unhas poucas de cereixas 'несколько черешен', outra

rouca de cervexa 'еще немного пива', outras tantas de mulleres 'еще столько же женщин'. Также todo, выступая в наречной функции перед прилагательным, сохраняет согласование с существительным: chegou toda molladiña 'она пришла вся промокшая'.

Ambos 'оба' всегда употребляется с определенным артиклем и согласуется с существительным в роде: ámbolos irmáns 'оба брата', ámbalas irmás 'обе сестры'. Усиленными формами являются ambos e dous, ambas e dúas.

Количественный детерминатив medio всегда согласуется с существительным: medio pan 'половина хлеба', media libra 'полфунта'. В отличие от испанского, выступая в наречной функции перед прилагательными в значении 'наполовину' medio согласуется в роде и числе с прилагательным: medios mortos 'полумертвые', median núa 'полуголые' [Carballo Calero 1966, 228, 229].

Количественное значение может иметь и полифункциональная форма ben: ten ben anos 'ему много лет'.

Числительные. Приводим формы количественных числительных: 1. un, unha; 2. dous, dúas; 3. tres; 4. catro; 5. cinco, 6. seis; 7. sete; 8. oito; 9. nove; 10. dez; 11. once; 12. doce; 13. trece; 14. catorce; 15. quince; 16. dazaseis; 17. dazasete; 18. dazaoito; 19. dazanove; 20. vinte; 21. vinteún, vinteunha; 22. vintedós, vintedúas; 30. trinta; 31. trinta e ún; 40. corenta; 50. cincuenta; 60. sesenta; 70. setenta; 80. oitenta; 90. noventa; 100. cen, cento; 200. douscentos, duascenas; 300. trescentos, -as; 400. catrocentos, -as; 500. cincocentos, -as; 600. seiscentos, -as; 700. setecentos, -as; 800. oitocentos, -as; 900. novecentos, -as; 1000. mil; 1 000 000. un millón.

Числительные un, dous и сложные с -centos согласуются в роде с определяемым существительным: un carballo 'один дуб' — dous carballos 'два дуба'; unha cunca 'одна чашка' — dúas cuncas 'две чашки'; trescentos libros 'триста книг' — trescentas árbores 'триста деревьев'. Форма cen 'сто' используется в присубстантивной позиции или абсолютно и с числительным mil 'тысяча': cen libros 'сто книг'; déame cen 'дайте мне сто'; cen mil 'сто тысяч'; mil cen 'тысяча сто'. Форма cento входит в состав сложных числительных cento un 'сто один', cento dous 'сто два' и употребляется в качестве собирательного существительного с предлогом de: centos de paxaros 'сотни птиц'.

Порядковые числительные в разговорной речи употребляются в пределах первого десятка: 1. primeiro; 2. segundo; 3. terceiro; 4. cuarto; 5. quinto; 6. sexto; 7. sétimo; 8. oitavo; 9. noveno; 10. décimo. Primeiro 'первый', имеет диалектные и просторечные варианты pírmeiro, pormeiro, promeiro, встречающиеся и в письменной речи. В предикативной функции порядковым числительным предшествует предлог de, если связкой не является глагол ser: estar, ir de primeiro 'быть, стоять, идти первым'.

Дробные числительные имеют особые формы medio 'половина', 'одна вторая', tercio 'треть'; от четырех до десяти они совпадают с порядковыми числительными; свыше десяти употребляются формы с суффиксом -avo, заимствованным из кастильского.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ, ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ И ДРУГИЕ ДЕТЕРМИНАТИВЫ

В роде и числе согласуются с определяемым существительным местоименные прилагательные *algún, algunha, algúns, algunhas* 'какой-нибудь'; *ningún, ningunha, ningún, ningunhas* 'никакой'; *outro, -a, -os, -as* 'другой'; *certa, -a, -os, -as* 'некий'; *mesma, -a, -os, -as* 'тот же самый, сам'; *as mesmas verbas* 'те же слова', *o doutor mesmo o dixo* 'сам доктор это сказал'.

Прилагательные *algún* и *outro* имеют слитные формы с предлогом *en*: *nalgun, nalgunha* и т.д.; *noutro, noutra* и т.д. Употребление *algún* в постпозиции к существительному в отрицательном значении: *non come cousa algunha* вместо *non come cousa ningunha* 'он ничего не ест' рассматривается как кастилизм [Galego 1976, 117].

Местоименное прилагательное *tal* имеет форму мн. ч. *tales* (иногда *tais*) и употребляется без артикля: *nunca vin tal cousa* 'никогда не видал такого'; *tales homes non os atopas* 'таких людей не сыщешь'. *Un tal* перед именем лица имеет значение 'некий'; *un tal Sobreira* 'некий Собрейра'.

Cada 'каждый' является неизменяемой формой: *cada cousa a seu tempo* 'каждой вещи свое время'.

Форма *calquera* (также *calqueira*) 'любой, какой-нибудь' имеет неизменяемую форму как в присубстантивной позиции, так и в абсолютном употреблении: *calquera home* 'любой человек', *calquera día destes* 'в любой из ближайших дней'. Форма *calquer* в присубстантивном употреблении (*calquer home*) признается Институтом галисийского языка кастилизмом; иногда употребляется форма мн. ч. *calesquera* (также *calesqueira, calesquer*).

Только формы мн. ч. имеет прилагательное *os/as demais* 'остальные' и дистрибутивное прилагательное *sen, -os, -as* (соответствующее исп. *sendo, -os, -as*) 'каждый, соответствующий'.

Глава 5

МЕСТОИМЕНΙΑ

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНІЯ

Личные местоимения галисийского языка обнаруживают много оригинальных черт как со стороны формы, так и со стороны функционирования. Наблюдается значительное число схождений с португальскими местоимениями. В ряде случаев неустойчивость норм приводит к колебаниям в употреблении местоимений (см. табл. 6).

Субъектные формы. Формы *tu* и *il* являются диалектными, но часты в художественной литературе, где встречаются также *ila*, *ilo* вместо *ela*, *elo*, хотя первые в говорах не обнаруживаются. Изредка в литературе встречаются кастилизированные формы *vosoutros*, *vosoutras*. Наличие неперсонифицированной формы *elo* сближает галисийский с кастильским и отличает его от португальского, где такая форма отсутствует: *elo é evidente* 'это очевидно'. Форма *elo* обнаруживается уже в памятниках галисийско-португальского языка [Carballo Calero 1966, 117, 118].

В разговорной речи местоимения 3 л. ед. и мн. ч. *ela*, *eles*, *elas* употребляются плеонастически в определенных придаточных предложениях после относительного местоимения: *Atopéi unha que era ela ben feita* 'Я повстречал одну, которая была очень хороша собой'; *Traballa cunhas mulleres que elas viven na Praza Vella* 'Она работает с женщинами, которые живут на Старой площади'.

Местоимение *el/il* в разговорной речи имеет тенденцию употребляться в качестве формального подлежащего в безличных оборотах: *il hai cecáis outro problema* 'По-видимому, здесь есть другая проблема'; *...i el é sabido que pra que ista pranta teña todo o seu poder é collida no campo* (Cunqueiro, 34) '...ведь известно, что для того чтобы это растение возымело полное действие, его срывают в поле'. Во фразе *¿Ei é certo?* 'Это верно?' *el* можно трактовать как формальное подлежащее, но также и как вопросительную частицу, которую обнаруживаем мы в фразе, где подлежащее выражено другим словом: *¿E il non virá ningún por aquí que te comprometa?* (Esmorga, 62) 'Сюда не придет никто, кто может тебя выдать?' *¿E el qué se lles ofrece?* 'Что вам угодно?'

Упомянутые особенности разговорного языка не являются обязательными в письменной речи, они характерны не для всех писателей, но не отвергаются нормой, так как воспринимаются как характерные черты галисийского языка.

Лицо	Род	Субъектные формы	Объектные ав- тономные фор- мы	Объектные неавтономные формы	
				прямо-объект- ные	косвенно-объ- ектные
Единственное число					
1 л.		eu	min	me	me
2 л.		ti/tu	ti	te	che
3 л.	Муж.	el/il	el/il	o	lle
	Жен.	ela	ela	a	lle
	Непредметная форма	elo	elo	o	lle
	Возвратная форма		si	se	se
	Вежливая форма	vostede	vostede	o,a	lle
Множественное число					
1 л.		nós	nós	nos	nos
2 л.		vós	vós	vos	vos
3 л.	Муж.	eles	eles	os	lles
	Жен.	elas	elas	as	lles
	Возвратная форма		si	se	se
	Вежливая форма	vostedes	vostedes	os, as	lles

Объектные автономные формы. Особая объектная форма, отличающаяся от субъектной, имеется только у местоимения 1 л. ед. ч.: *min*. Имеется также объектная автономная форма возвратного местоимения *si*; в остальных лицах субъектные и объектные автономные формы совпадают.

Объектные автономные формы употребляются с предлогами: *sen ti* 'без тебя', *ante min* 'передо мною', а также в сравнительных оборотах после союзов *ca* и *coma*: *é mais forte ca ti e ca min* 'он сильнее тебя и меня'; *este libro non me gusta tanto coma a ti* 'мне эта книга не так нравится, как тебе'; *ca eu* вместо *ca min* расценивается как кастилизм.

Имеется ряд слитных форм с предлогами *de* и *en* местонмений 3 л. ед. и мн. ч: *del, dela, deles, delas; nel, nela, neles, nelas*.

С предлогом *con* употребляются слитные формы *co(n)migo* 'со мной', *contigo* 'с тобой', *con(n)osco* 'с нами', *convosco* 'с вами', *consigo* 'с собой'. Если при местоимениях имеются детерминативы, эти слитные формы не употребляются: *con nos mesmos* 'с самими нами', *convos todos* 'со всеми нами'.

С предлогом *a* объектные автономные формы функционируют в качестве прямого или косвенного дополнения при местоименной репризе в эмфатических конструкциях, подобных испанским: *a min non me gusta* 'мне это не нравится'; *a el leváronlle todo* 'у него-таки все унесли'.

Объектные неавтономные формы. Прямо-объектные и косвенно-объектные неавтономные формы не различаются в 1 л. ед. и

ми. ч. и во 2 л. мн. ч., а также у возвратного местоимения. Особенностью галисийского языка, выделяющей его среди других иберо-романских языков, является различие данных форм во 2 л. ед. ч.: *te* 'тебя', *che* 'тебе'; *véxote* 'я тебя вижу'; *dínche o libro* 'я дал тебе книгу'. В функции возвратного местоимения употребляется всегда *te*: *¿ferícheste?* 'ты поранился?' При некоторых глаголах (*querer* 'любить', *valer* 'помогать', *temer* 'бояться', *perdonar* 'прощать', *esperar*, *agardar* 'ждать', *obedecer* 'слушаться' и др.) наблюдаются колебания в трактовке местоименного дополнения как прямого или косвенного: *quéroche/quérote ben* 'я очень тебя люблю' [Porto Dupena 1977, 175]; ср. также: *¿Qué che gusta máis de isto? — Gústame esan tixelun.* — *Pois que te quiten os ollos co-elas* (Folklore, 57) 'Что тебе из этого больше всего нравится? — Мне нравятся эти ножницы. — Так чтоб тебе ими глаза выкололи'; ...*vin no chan, entre a herba, a groms de rip trigo coa cruz, pro non lle toquei* (Cunqueiro, 53) '...я увидел на земле, в траве, каравай пшеничного хлеба с крестиком, но не стал его трогать'. Этот факт, а также сильное влияние кастильского обуславливают неразличение многими говорящими функций *te* и *che*, поэтому галисийские лингвисты обращают особое внимание на этот пункт нормативной грамматики.

В косвенно-объектных формах 3 л. ед. и мн. ч. *lle*, *lles*, соответствующих также формам вежливости *vostede[s]*, снимается противопоставление по роду, а в разговорной речи и у некоторых писателей также по числу, если употребляется только форма *lle* в значении ед. и мн. ч.: *En días sinalados a tía Adegá mandáballe ós sobriños un caixón cheo de cousas de comer* (Castelao, 175) 'В определенные дни тетя Адега посылала племянникам посылку с едой'; *Dille, anda dille ós teus diltxentes maestros que multipliquen os castigos* (Casares, 91) 'Скажи, иди и скажи своим старательным учителям, пусть умножат наказания'.

Прямо-объектные местоимения *o*, *a*, *os*, *as* имеют особые формы *lo*, *la*, *los*, *las*, если они присоединяются в качестве энклитик к инфинитиву, личным формам глагола, оканчивающимся на *-s*, и к местоимениям *nos*, *vos*, *lles*. Если же местоимения присоединяются к глагольным формам, оканчивающимся на ударный дифтонг, употребляются формы *no*, *na*, *nos*, *nas*: *eu seiño* 'я это знаю'; *A vinganza de Martiño foi tal que aínda hoxe eu estouna padecendo* (Cousas, 26) 'Мсть Мартиньо была такова, что я до сих пор от нее страдаю'.

Приводим образец спряжения глагола *contar* 'считать', 'рассказывать' в претерите индикатива с энклитическими местоимениями 3 л.

1. *contéi*: *contéino*, *contéina*, *contéinos*, *contéinas*
2. *contaches*: *contáchelo*, *contachela*; *contáchelos*, *contáchelas*
3. *contou*: *contóuno*, *contóuna*, *contóunos*, *contóunas*
4. *contamos*: *contámolo*, *contámola*, *contámoslos*, *contámoslas*
5. *contachedes*: *contachedelo*, *contachedela*, *contachedelos*, *contachedelas*
6. *contaron*: *contárono*, *contárona*, *contáronos*, *contáronas*

Омонимия форм возникает в случае присоединения к глаголу местоимений *os* и *nos*: *levábonos pri casa* 'он отвел нас в дом' или 'он отвел их в дом'; *faínon* 'он их делает' или 'он нам делает'.

При сочетании двух неавтономных местоимений косвенно-объектное

Косвенно-объектные формы	Прямо-объектные формы			
	o	a	os	as
me	mo	ma	mos	mas
che	cho	cha	chos	chas
lle	llo	lla	llos	llas
nos	nolo	nola	nolos	nolas
vos	volo	vola	volos	volas
lles	llolo	llela	llelos	llelas

обычно предшествует прямо-объектному, причем образуются слитные формы (см. табл. 7).

Примеры: *non cho dixen* 'я тебе этого не сказал'; *déronvolos* 'их вам дали'. В отличие от испанского и португальского в галисийском языке не происходит снятия противопоставления по числу в косвенно-объектных формах 3 л. при присоединении к ним прямо-объективных форм; ср.: исп. *se lo*, порт. *lho*, гал. *llo*, *llelo*.

Возвратное местоимение *se* предшествует другим местоимениям: *non se pos díxo* 'нам не было сказано'; *acabóuselle a boa vida* 'кончилось ему привольное житье'. В сочетании с *che* Р. Карбальо Калеро допускает любой порядок: *che se* или *se che*: *non se che* (или *che se*) *esqueza* 'не забудь' [Carballo Calero 1966, 218, 219], однако в [Galego 1977, 111] *che se* расценивается как просторечная форма.

В 1 и 2 л. в функции возвратных местоимений используются прямо-объектные формы. В отличие от испанского в галисийском отсутствует *reflexivo de interés*, т.е. употребление местоименной формы в функции "дательного интереса" или среднего залога; ср.: исп. *se lava las manos* и гал. *lava as mans* 'он моет (себе) руки'; исп. *me comí un par de huevos* и гал. *comín un par de ovos* 'я съел пару яиц'. Однако появление таких форм под влиянием кастильского языка является обычным фактом.

Самобытной чертой галисийского языка является употребление местоимений 2 л. *che*, *vos* и 3 л. *lle*, *lles* (при вежливом обращении) в функциях так называемого "датива солидарности". Это употребление характерно для диалогической речи и обусловлено стремлением заинтересовать собеседника, привлечь его внимание, завоевать его симпатию: *dóicheme ben a cabeza* 'голова у меня очень болит'; *non vos sei* 'ди не знаю я'; *non vos teño vagar* 'нет у меня свободного времени'; *élle moi prigueiro* 'он такой ленивый'; *Ha che teño vinte e catro anos e pasoume o tempo de crer en bruxas* (Esmorga, 44) 'Мне уже двадцать четыре года, и прошло то время, когда я верил в ведьм'; *Voulle pra feira mercar uns porquiños* (Folklore, 51) 'Иду на ярмарку купить поросят'; *¡Eu qué sei! Esas sonvos cousas de Deus* (Castelao, 169) 'Я-то здесь причем! Это дело бога'. При наличии датива солидарности употребление тех же местоимений в другой функции исключается. В разговорной речи могут употребляться даже два местоимения подряд в функции датива

солидарности: *échevos* algo parvo 'он, знаешь ли, несколько глуповат'; *dóichemevos* ben a cabeza 'если бы ты знал, как у меня болит голова'; *hálllevos* moito que ver 'тут, знаете, есть на что посмотреть'. Вторым элементом для усиления употребляется *vos*.

В сочетаниях "дательный солидарности + объектное местоимение" Р. Карбальо Калеро допускает любой порядок форм: *Ile me* или *me Ile* [Carballo Calero 1966, 219]; в [Galego 1975, 83] приводятся только формы с порядком *Ile me*.

В результате частого употребления в разговорной речи дательного солидарности обычными являются сочетания трех неавтономных местоимений; при этом в позиции проклитики *che*, *Ile*, *vos* пишутся отдельно; *che mo*, *Ile nolo*, а в позиции энклитики все три местоимения пишутся слитно с глаголом: *tróuxochemo* 'он мне, понимаешь, это принес'; *díxollenolo* 'он, знаете ли, сказал нам об этом'.

Местоимения *o*, *os*, *a*, *as* могут выполнять анафорическую функцию, замещая именную часть составного именного сказуемого и согласуясь с ней в роде и числе: *Crin que aquela muller era a túa irmá, e non a é* 'Я думал, что эта женщина твоя сестра, а она вовсе не твоя сестра'; *Bos, sonos, pero rallantes tamén* 'Добрые-то они добрые, но и надоедливые'; *...ía tan contento eu coma facía moito que nono estivera* (Esmorga, 31) '...я был так доволен, как давно уже не был'. Согласование осуществляется в идентифицирующих и квалифицирующих предикатах, в то время как в предикатах тождества выступает неизменное *o*: *Migueliño escolléu así moitos pais que non o eran e a todos quixo*, *tolamente* (Cousas, 95) 'Так Мигелиньо принимал за отца многих, которые вовсе не были им, и всех начинал любить беззаветно'.

Препозиция и постпозиция объектных неавтономных местоимений по отношению к глаголу является объектом особого внимания нормализаторов языка, поскольку соответствующие правила довольно сложны и отличаются от правил испанского языка.

Типичным для галисийского является постпозиция рассматриваемых форм по отношению к глаголу и слитное написание глагола и местоимений (ср. написание через дефис или апостроф в португальском и каталанском).

Рассмотрим сначала позицию местоимения по отношению к глаголу в финитной форме. В общем случае в простом утвердительном предположении или в главной части сложноподчиненного обязательна постпозиция: *dixenllelo* ben claro 'я им довольно ясно сказал об этом'; *unha vez tocóulle* 'однажды ему повезло'; *agora págoche a viaxe* 'теперь я заплачу тебе за дорогу'. По сравнению с португальским и галисийским постпозиция наблюдается чаще, поскольку число слов, вызывающих препозицию местоимения в простом предложении, более ограничено [Dubroca 1974, 15]. К таким словам относятся прежде всего наречия: *tamén* 'тоже', *xa* 'уже', *cedo* 'рано', *ben* 'хорошо, очень', *tanto* 'столько', *moito* 'много', *aínda* 'еще', *cicáis* 'может быть', *sempre* 'всегда', *mesmo* 'даже', *así* 'так', *máis* 'больше, еще', *menos* 'меньше', *momento* 'только', *axiña* 'быстро, скоро', *pouco* 'мало', *craramente* 'ясно' [Carballo Calero 1966, 212 и сл.]; *xa cho decía eu* 'я же тебе говорил'; *moito llelo agradecéu* 'он был им очень благодарен

за это'; tamén *me* gusta este 'этот мне тоже нравится'. Если предложение вводится наречием *logo* в значении 'потом', предписывается постпозиция местоимения: *logo fóronse deitar* 'потом они пошли спать'; если *logo* имеет значение 'быстро', предписывается препозиция: *logo se foron* 'они быстро ушли'. После других наречий, таких как *hoxe* 'сегодня', *mañá* 'завтра', *onte* 'вчера', *entón* 'тогда', *despóis* 'потом', *denantes*, *antes* 'до этого, раньше', *agora* 'сейчас' и других наречий времени и образа действия, предписывается постпозиция местоимения: *mañá dirécho* 'завтра я тебе скажу об этом'; *entón díxome* 'тогда он сказал мне'.

Препозицию местоимения обуславливает также наличие отрицания *non*, союза *nin*, отрицательных местоимений *ninguén*, *nadie* 'никто', *nada* 'ничто', отрицательных наречий *nunca* 'никогда', *ningures* 'нигде' и др.: *tampouco non o nego* 'я тоже этого не отрицаю'; *ninguén nos fixo caso* 'никто не обратил на нас внимания'; *nin siquiera me axudóu* 'он даже не помог мне'.

Неопределенные местоимения *alguén* 'кто-то', *algo* 'что-то' обуславливают препозицию: *alguén o fixo* 'кто-то это сделал'; при местоимениях *algún* 'некто', *os demais* 'остальные', *ún* 'кто-либо', *moito* 'много', *outro* 'другой', *varios* 'несколько' наблюдается постпозиция: *algún axudarialle de boa gana* 'кое-кто охоту помог бы ему'; *moitos fórono buscar* 'многие отправились искать его'.

Исключительно препозиция наблюдается в вопросительных и восклицательных высказываниях при наличии вопросительных слов: *¿qué che pasa?* 'что с тобой?'; *¿e canto lle dan?* 'а сколько ему дают?'; *¿quén te verá?* 'увидел бы тебя кто-нибудь!'. То же наблюдается в опативных высказываниях, начинающихся с подлежащего: *¡mal raio te parta!* 'разрази тебя гром!'; *¡Deus lle axude!* 'да поможет вам бог!'

В специальных исследованиях отмечается проклиза местоимения при наличии перед сказуемым числительного: *seis compañeiros lle cadraron a Pedro* 'у Педро оказалось шесть спутников'; вводных слов *con que*, *que*, *seí que* 'так, значит', местоимения *todo* 'все', союзов *e*, *rego*, субъектных местоимений [Dubroca 1974; Meier 1976]. Ш. Порто Дапэна отмечает колебания в постановке местоимений при наличии наречий места *aquí*, *alí*, *aló*, *alá* и проклизу косвеннообъектных форм в эмфатических высказываниях: *eso che digo* 'вот что я тебе говорю' [Porto Dapena 1977, 178, 179]. Р. Карбальо Калеро также отмечает колебания в случаях с наречиями места и со словами *algún*, *hoxe* [Carballo Calero, 1966, 216, 217]. Нормативные описания не затрагивают эти случаи, но в общем можно предполагать наличие обширной зоны колебаний как в разговорной речи, так и в художественной литературе.

В придаточных предложениях общим правилом является препозиция местоимений по отношению к сказуемому: *contóunos que lle fixeran unha trasnada* 'он рассказал нам, что над ним подшутили'; *ven cando che pareza* 'приходи, когда тебе удобно'. Однако в большом числе случаев допускаются отступления от этого правила. Постпозиция допускается при вклинивании между союзом и придаточным другого придаточного: *Tede tino de non vos achegar á*

circular, que, como xira a moitas revolucións, pódemos levar unha man 'Осторожнее, не подходите к циркульной пиле, которая, поскольку она вращается очень быстро, может отхватить вам руку'. [Galego 1977, 47]. Распространенным случаем является энклиза местоимения при наличии между союзом и сказуемым большого количества слов: *dille a fulano que mañá ou pasado vaille enfermá-la besta* 'скажи такому-то, что завтра или послезавтра у него заболит скотина'. Энклиза также часта в придаточных второй степени, при наличии союзных слов *pois*, *porque*, *que*, когда придаточное трактуется скорее как равноправное с главным и в других случаях [Meier, 1976]. Энклиза может быть также результатом своеобразной гиперкоррекции, т.е. распространения ее на все случаи употребления как явления, отличающего галисийский язык от испанского.

В императиве местоимения следуют за глаголом в утвердительной форме и предшествуют ему в отрицательной: *dígame* 'скажите мне', *non llo diga* 'не говорите ему об этом'.

Разнообразие позиций местоимений характерно для сложного глагольного сказуемого с инфинитивом или герундием. При независимом употреблении инфинитива и герундия местоимение присоединяется к ним в качестве энклитики: *é millor deixalo* 'лучше оставить это'; *vin un home facéndonos ascenos* 'я увидел какого-то человека, делавшего нам знаки'. В случае зависимого употребления местоименная энклитика может употребляться как при основном глаголе, так и при зависимом инфинитиве или герундии: *hei facé-lo* = *heino facer* 'я сделаю это'; *estóu vëndoo*=*estouno vendo* 'я его вижу'; *quero vé-la*=*quéroa ver*=*quéro a ver* 'я хочу ее видеть' [Carballo Calero 1966, 215]. При наличии связующей частицы *que* предоставляются три возможности: *teño que darcho*=*teño que cho dar*=*téñocho que dar* 'я должна дать тебе его'. Отмечается более частая постановка местоимения после глагола в личной форме. Если инфинитив или герундий вводятся предлогом, возможна энклиза или проклiza местоимения; в речи наблюдается некоторое предпочтение препозиции: *non te vaias sin avisarme*=*non te vaias sin me avisar* 'не уходи, не предупредив меня'; *en acabándoas pide máis*=*en as acabando pide máis* 'когда они у тебя кончатся, попроси еще'; *Chilraron de improviso os polróns, cun se laiar de preguiza importunada* (Dieste, 23) 'Заскрипели вдруг дверные петли, издавая стон потревоженной лени'. Ш. Порто Дапэна рассматривает постпозицию как кастилизм [Porto Dapena 1977, 178, 179].

Наконец, исконной особенностью галисийского языка считается возможность отделения проклитических местоимений от глагола другими словами [Carballo Calero 1966, 216, 218]: *algún día me eu hei de ir* 'однижды я уйду'. В языке художественной литературы эта возможность реализуется нечасто. Обычным является только вклинивание между местоимением и глаголом отрицания *non*: *mañ o vello lle non díxo cousa* (Folklore, 76) 'но старик ему ничего не сказал'. В учебнике Института галисийского языка [Galego 1976, 61] такой архаичный порядок слов решительно отвергается как еще одно проявление дифференциализма.

Вопросительное местоимение *quén* 'кто' в отличие от испанского *quién* не имеет в норме формы множественного числа. Некоторые писатели употребляют форму *quênes*, которая отвергается как не имеющая оснований в разговорном языке. Сказуемое при *quén* всегда ставится в единственном числе, за исключением глагола *ser*, который может быть и в единственном, и во множественном числе: *¿quén es?* 'ты кто?', *¿quén sodes?* 'вы кто?'. В функции вопросительного местоимения и в восклицательных высказываниях *quén* всегда имеет знак ударения: *¡quén me dixera!* 'кто бы мог сказать!'.

Относительное местоимение *quen* (без знака ударения) в основном используется в письменной речи, заменяясь в устной на *que*. Оно может выступать в роли подлежащего или косвенного дополнения, употребляясь в последнем случае с предлогами: *foi Maria quen chegou* 'это Мария приехала'; *Houbo mulleres a quen se lles agasaron os ollos de auga* 'Были и такие женщины, у которых увлажнились глаза'; *...endexamáis me faltaron mozos en quen escoller* (Castelao, 358) '...у меня всегда были парни на выбор'.

В разговорной речи *quén* часто употребляется в устойчивом сочетании (*non*) *ser quén pra facer algo* 'быть не в состоянии сделать что-либо': *El sería quén de abalar un pexegueiro poño por caso; pero eso de roubar galiñas...* (Castelao, 202) 'Он мог бы, к примеру, наворовать персиков, но украсть курицу...'; *E dimpóis dormía días inteiros que ninguén era quén pra facélo acordar* (Esmorga, 104) 'А потом он спал целыми днями, и никто не мог его разбудить'.

Разнообразны функции формы *qué*. В качестве вопросительного местоимения *qué* 'что' оно может играть роль подлежащего или прямого дополнения; с предлогами употребляется как косвенное дополнение: *¿qué che gusta máis?* 'что тебе больше нравится?'; *¿qué fixeches?* 'что ты сделал?'; *¿a qué vineches?* 'ты зачем пришел?'. Далее *qué* может выступать в роли детерминатива имени в вопросительных и восклицательных высказываниях, соотносясь с качественной характеристикой объекта: *¿qué libro prefere?* 'какую книгу ты предпочитаешь?'; *¡qué nenazo!* 'вот детина!' конструкция *qué de + sust.* употребляется в восклицаниях для оценки количественной стороны объекта: *¡qué de homes!* 'сколько народу!'; *¡qué deles!* 'сколько же их!'. Наконец, в диалоге *qué* может выполнять междометную функцию, являясь средством привлечения внимания собеседника: *¡Qué! ¿Fíxechelo que che mandei?* 'Ну, как, сделал, что я тебе велел?'.

Относительное местоимение *que* (без знака ударения) является основным средством связи главного и придаточного определительного: *o besego que mercamos* 'бычок, которого мы купили', *a leira que aramos onte* 'поле, которое мы вчера вспахали'. В сочетании с артиклем выступает в придаточных подлежащих в качестве эквивалента *quen*: *Dixéronme os que chegaron* 'Мне это сказали те, которые приехали'; *O que rouba a un ladrón, ten cen anos de perdón* (Refráns, 181) 'Тому, кто украдет у вора, прощение на сто лет'.

Сочетания *o que*, *as que* употребляются в восклицательных высказываниях в функции количественного или качественного наречия 'сколько', 'как': *¡o que ela lle rogóu!* 'как она его просила!'; *¡as que ela nos dixo!* 'чего она только нам не наговорила!'

В галисийском отсутствует форма, соответствующая испанской *суо* 'чей'; галисийско-португальская форма *суо*, давшая бы в современном языке **сухо*, не сохранилась. Однако употребление *суо* широко распространено и в устной и в письменной речи, хотя и расценивается как явный кастилизм.

Вопросительное местоимение *сál* 'который' может употребляться с предлогом или без него; имеет форму мн. ч. *cáles*; *¿cál queres?* 'который ты хочешь?'; *¿con cá vas?* 'с которым ты пойдешь?'

Относительное местоимение *cal*, *cales* употребляется с артиклем и предлогом в тех же случаях, что и исп. *cual*, т.е. для установления более четкой связи с антецедентом, чем это позволяют сделать местоимения *quen* и *que*; *cal* является принадлежностью литературного языка: *a irmá do pintor do/da cal falabamos onte* 'сестра художника, о котором/о который мы говорили вчера'; *a vila pola cal pasaban* 'селение, которое они проезжали'.

Без артикля *cal* употребляется в корреляции с *tal* в некоторых сравнительных оборотах: *cal o pai, tal o fillo* 'каков отец, таков и сын'; *cóntame o asunto tal cal é* 'расскажи мне о деле все как есть'.

Как и в испанском, в галисийском имеются три формы непредметных указательных местоимений: *esto* 'это', *eso* 'это, то' и *aquelo* 'то'. С предлогами *de* и *en* они образуют слитные формы: *desto*, *nesto*, *deso*, *neso*, *daquelo*, *paquelo*. В диалектах и в художественной литературе встречаются формы с коренным гласным [i]: *isto*, *iso*, *aquilo* (последняя редко). Примечательно чрезвычайно распространенное употребление формы *aquel* в качестве существительного-классификатора с целой гаммой значений: 'манера', 'свойство', 'чувство', 'изюминка в человеке' и т.д.: *O que máis gracia me facía do señor Elimas eran os calzós bombachos, de pano verde, i o aquel que tiña de descalzarse ao entrar na casa* (Cunqueiro, 58) 'Больше всего мне нравились шаровары сеньора Элимаса из зеленого сукна, а также его манера снимать обувь при входе в дом'; *Téñolle muito aquel ao teu amo don Merlin* (Cunqueiro, 59) 'Я с большой симпатией отношусь к твоему хозяину дону Мерлину'.

К неопределенным местоимениям относятся *alguén* 'кто-то', *algo* 'что-то', *todo* 'все', *cadaquén* 'каждый, любой', *quenquer* 'любой, кто угодно', *calquera* 'всякий, любой, кто угодно', *cada ún* 'каждый, всякий'. *Outrén* 'другой' является малоупотребительным архаизмом. Неопределенно-личное местоимение *ún* (пишется с ударением), *unha* употребляется подобно исп. *un* для представления в качестве безличных высказываний, смысл которых относится к самому говорящему: *Pois ún vai quedando, pouco a pouco, sen saber que facere de sí* (Esmorça, 15) 'Так вот постепенно и приходишь к тому, что не знаешь, что с собой делать'.

К отрицательным местоимениям относятся *ninguén* 'никто', *nada*

‘ничто’; формы *nadie*, *naide* ‘никто’ являются диалектными. Просторечная форма *namáis* ‘больше ничего’ возникла в результате стяжения *nada* + *máis*; в литературном языке рекомендуется употреблять *máis nada*.

В 20—30-е годы XX в. поколение Семинара галисийских исследований пыталось оживить архаизм *ren* ‘ничто’, в общем не прижившийся в литературном языке. Э. Бланко Амор пользуется им даже в речи персонажей: *Eu non teño ren de que me disculpar que eu nada fixen* (*Esmorga*, 32) ‘Мне извиняться не за что, ведь я ничего не сделал’.

Отрицательные местоимения в препозиции к глаголу не требуют употребления отрицательной части *non*: *ninguén veu* ‘никто не пришел’, *nada quero* ‘я ничего не хочу’.

НАРЕЧИЯ И СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

НАРЕЧИЯ

Наречия места. В [Galego 1977, 228] дается табл. 8 так называемых абсолютных наречий места, которые служат для локализации предмета по степени близости относительно говорящего:

Таблица 8

Система 1	aquí (eiquí)	ahí (ái)	alí
Система 2	acá		alá acolá aló acoló

Система 1 служит как для локализации предмета в состоянии покоя, так и для локализации конечной точки движения: *está aquí* 'он здесь'; *ven aquí* 'он идет сюда'. Система 2 служит только для локализации конечной точки движения: *alá vai* 'он идет туда'; *traíno acá* 'неси его сюда'. В какой степени эта схема отражает реальный узуз, неясно, особенно если учесть, что в употреблении форм могут быть и региональные различия; см., например, соответствующие статьи в словаре Э. Родригеса Гонсалеса [Rodríguez González 1958—1961]. Ш. Порто Дапэна [Porto Dapena 1977, 207] устанавливает следующую последовательность наречий места по шкале "ближе к говорящему — дальше от говорящего": *aquí* — *ahí* — *alí* — *alá* — *acolá* — *aló*.

В сочетании с предлогом *de* наречия места могут обозначать начальную точку движения, а в сочетании с предлогом *por* — путь движения или неопределенную локализацию: *¿qué pasou por alá?* 'что там произошло?'. В отношении наречия *acolá* А. Сантамарина [Santamarina 1975, 61] уточняет, что наряду со значением 'там вдали' оно сохраняет свое этимологическое значение 'там' при указании на путь движения: *míra acolá vni* 'смотри, вон там он идет'. Р. Карбальо Калеро считает, что *acolá* может указывать не только на более отдаленное место по сравнению с *alí*, но и просто другое место: *alá está a escola*, e *acolá a igrexa* 'там школа, а вон там церковь'. *Alá* употребляется для неопределенной локализации: *Un individuo diste país, caíra prisioneiro da mourerla, alá polas Castillas* (Folklore, 37) 'Один житель этих мест попал в плен к маврам там, в Кастилии'.

Из отрицательных наречий места наиболее употребительными являются *enriba/ariba* 'наверху, навверх', *embaixo/abaixo* 'внизу, вниз', *debaixo* 'внизу', *encima, derriba* 'наверху', *dentro* 'внутри', *fora* 'снаружи, наружу', *diante* 'вперед', *de trás* 'позади', *adiante/avante* 'вперед', *atrás* 'назад', *perto/cerca* 'вблизи', *lonxe, lexos* (кастилизм) 'вдали'; эти наречия могут сочетаться с предлогами *a, de, por*.

Вопросительным наречием места является *ónde* 'где', которое сочетается с предлогами: *a/pra ónde* 'куда', *por ónde* 'где'; 'какой дорогой', *dónde* 'откуда', *desde ónde* 'с какого места'. Наречие *u* 'где' употребляется с энклитическими прямообъектными местоимениями: *¿úlo?* 'где он?', *as donas, ¿úlas?* 'женщины, где они?'. Это наречие является принадлежностью архаизирующей письменной речи и в живой речи не употребляется.

Отрицательным наречием места является *ningures* 'нигде' (*a/pra ningures* 'никуда', *de ningures* 'ниоткуда'), неопределенным — *algures* 'где-либо'.

Наречия времени. К наиболее употребительным наречиям времени относятся *cando* 'когда', *daquela, entón* ('тогда'), *sempre* 'всегда', *nunca, endexamáis* 'никогда', *agora* 'сейчас', *arestora/destora/nestora* 'теперь', *noutroa* 'в-былое время', *antes* 'прежде', *despóis* 'потом', *xa* 'уже', *aínda* 'еще', *decote* 'часто', *logo, axiña* 'тут же, немедленно', *asemade* 'одновременно', *mentres/namentres/entrementes* 'тем временем', *cedo* 'рано', *tarde* 'поздно', *hoxe* 'сегодня', *onte* 'вчера', *antonte* 'позавчера', *mañá* 'завтра', *trasantonte* 'три дня назад', *pasadomañá* 'послезавтра'.

Ahora (вместо *agora*) является распространенным кастилизмом. *Daquela* и *entón* имеют также логическое значение 'тогда', 'следовательно'. *Asemade* (варианты *asomade, asomantes*) употребляется современными писателями в значении 'также', этимологически необоснованном.

Количественные наречия. Основные количественные наречия следующие: *cantó* 'сколько, насколько', *tanto* 'столько', 'настолько', *moito* 'много, намного', *pouco* 'мало', *abondo* 'очень много', *demáis* 'слишком много', *moí* 'очень', *máis* '(еще) больше, более, еще', *menos* 'меньше, менее', *tan* 'так, настолько', *somente(s)* 'только'. Наречие *soio* 'только' имеет несколько фонетических вариантов: *iso, solo, soilo*.

Наречие *ben* может употребляться в количественном значении, являясь более разговорным и экспрессивным эквивалентом наречия *moí, moito*: *quéroche ben* 'я очень тебя люблю', *teño ben que facer* 'мне много надо сделать'; *divirtíuse ben* 'он здорово повеселился'; *é ben boa* 'она очень добрая'; с предлогом *de* образует партитивную конструкцию: *xa teño ben deso* 'у меня уже полно того'; *rapazas había ben delas na festa* 'девушек было полно на гулянье'.

В значении 'почти' употребляются формы *case/cuase, casemente/cuasemente, logo*. *Case* в значении 'как' употребляется в восклицательных высказываниях: *¡case me doi este dedo!* 'как болит палец!'; *¡case tardan os rapaces!* 'как долго не идут парни!'. В этой же функции употребляется *cómo*: *¡cómo me gustan!* 'как они мне нравятся!'; ср. также: *¿cómo é de grande?* 'какой он величины?'.

В наречной функции употребляются местоимения *nada* 'нисколько, совсем, вовсе не' и *algo* 'немного, несколько'; *non che quero nada* 'я совсем тебя не люблю'; *non é nada lelo* 'он вовсе не глуп'; *axudarêiche algo* 'я помогу тебе чуть-чуть'; *é algo parvo* 'он несколько туповат'.

Наречие *máis* в значении 'еще' употребляется перед существительными *máis unha vez* 'еще раз' и в сочетаниях *máis algo* 'еще чего-нибудь', *máis nada* 'больше ничего'.

Наречие *medio* 'наполовину', употребляющееся при глаголе, следует отличать от местоименного прилагательного *medio*, согласующегося с существительным; ср.: *Ela medio se volvéu | para ollálo* 'Она обернулась, чтобы взглянуть на него' и *Son medios noivos* 'Они уже почти жених и невеста' [Carballo Calero 1966, 248].

Качественные наречия. К обширной группе качественных наречий, или наречий образа действия, принадлежат немногие первообразные наречия: местоименные *como/coma* 'как', *así* 'так', *igual*, *mesmo* 'так же, таким же образом', *aliás* 'иначе' (португализм), далее *ben* 'хорошо', *mal* 'плохо', *mellor* 'лучше', *peor* 'хуже', *despacio* 'медленно', а также целый ряд транспонированных в категорию наречия прилагательных и причастий: *alto* 'высоко, громко', *baixo* 'низко, тихо', *regular* 'так себе, средне', *lento* 'медленно', *forte*, *rexo* 'сильно', *quedo* 'спокойно', *claro* 'ясно', *xusto* 'точь-в-точь', *seguido* 'беспрерывно', *volado* 'быстро, налету'.

Основную массу качественных наречий образуют производные от прилагательных с суф. *-mente*: *difícilmente* 'трудно', *rapidamente* 'быстро' и т.д., в том числе местоименные наречия, присущие разговорной речи: *outramente* 'иначе', *mesmamente* 'так же'; однако не все наречия на *-mente* являются качественными: *somente* 'только', *dergadeiramente* 'в последнее время'. С 20-х годов XX в. получила распространение в литературе просторечная форма на *-mentes*: *facilmentes* 'легко', *craramente* 'ясно' [Там же, 175].

Сравнительная степень наречий, за исключением *mellor* и *peor*, образуется аналитически с помощью наречий *máis* и *menos*: *fixoo máis ben ca ti* 'он это сделал лучше тебя'; *traballa menos afincadamente* 'он работает с меньшим рвением'. В конструкциях абсолютной степени используются те же наречия *mellor* и *peor* с артиклем *o* и наречие *moí*: *andivo o máis lixeiramente que puido* 'он шел как можно более неслышно'; *síntome moi mal* 'я чувствую себя очень плохо'. Используется также суф. *-ísimo* (в сочетании с *-mente*): *portóuse brillantísimamente* 'он блестяще проявил себя'. Кроме качественных наречий степени сравнения могут иметь количественные наречия *moito*, *pouco* и ряд пространственных и временных наречий: *máis lonxe* 'он живет дальше'; *chegou tardísimo* 'он пришел очень поздно'; *sade pouquísimo* 'он очень мало знает' [Там же, 179, 180].

Модальные наречия. В галисийской грамматике вслед за испанской к наречиям традиционно относят обширный круг слов, обладающих синтаксической самостоятельностью в составе высказывания и модифицирующих различным образом его модальный аспект. К модальным наречиям и наречным оборотам относятся слова, выражающие предположение: *quizáis*, *seica*, *igual*, *o mesmo*, *pode ser*,

se cadra 'может быть'; igual ven hoxe 'может, он придет сегодня'; o mesmo non lle parece ben 'наверное, ему не нравится'. Форма quizáis считается более книжной, чем seica: seica ti sabes 'ты, наверное, знаешь'.

Для усиления утверждения служат наречия *si* 'да, ведь', *si por certo*, *abofé* 'в самом деле, действительно'. Ряд наречий на *-mente* относится к модальным; в качестве вводных слов они обычно стоят в конце или начале фразы и отделяются запятой: *certamente*, *seguramente* 'конечно, наверняка', *naturalmente* 'естественно', *desafortunadamente* 'к несчастью' [Freire 1976, 264].

Модифицируют все высказывание в целом также наречия *tamén* 'тоже, также', *xiqueira* 'хотя бы', многозначное *mesmo* 'даже, как раз, именно'. *Xiqueira* может иметь отрицательное значение 'даже не': *xiqueira me contestou* 'он даже мне не ответил'.

К отрицательным наречиям относятся *non* 'нет, не', *non por certo* 'точно нет', *tampouco* 'тоже не'. Употребление *tampouco* не исключает постановки *non* перед глаголом: *tampouco non o nego* 'я тоже этого не отрицаю'.

ПРЕДЛОГИ

Простые первообразные предлоги представлены многозначными *a*, *en*, *de*, *con*, *para/pra*, *por*, а также *desde/dende* 'с, от', *deica*, *hastra* 'до', *contra* (de) 'против, напротив, к', *entre/antre* (de) 'между', *sobre* 'на, над', *sob/su/baixo* 'под', *ante/perante* 'перед', *tras* 'за, позади', *onde/onda* 'около, мимо', *canda/candia* 'одновременно с, около', *sabo* 'у, к', *agás* 'кроме', *após* 'за, после', *fora* 'кроме', *malia* 'несмотря на', *sin/sen* 'без', *segundo* 'согласно чему-л.', *sinte* 'за исключением', *xunta* 'рядом с, около'.

Рассмотрим лишь некоторые особенности употребления простых предлогов в галисийском, не имея возможности дать подробное описание.

Предлог *a* в свободном употреблении обозначает конечную точку движения: *vou a Santiago* 'я еду в Сантьяго'; изредка служит для локализации вблизи чего-л.: *á porta* 'у двери', *ó lume* 'у очага', *á cancela* 'у калитки'. Важнейшей синтаксической функцией предлога *a* является введение прямого дополнения, соотносимого с одушевленным объектом, и косвенного дополнения: *vin a Xan na rúa* 'я увидел Шана на улице'; *dádelle os libros a el* 'отдайте книги ему'. В несвободном употреблении предлог *a* входит в состав многочисленных устойчивых наречных и предложных сочетаний с пространственным, временным и прочими значениями: *á man* 'вручную'; *á deshora* 'не вовремя', *á beira de* 'на краю чего-л.', *ó cabo de* 'в конце чего-л.'.

Предлог *en* в пространственном значении служит для локализации внутри или на поверхности чего-л.: *na casa* 'в доме', *na mesa* 'в столе, на столе'. С глаголом *ir* 'идти, ехать' в 3 л. презенса и имперфекта образует устойчивое сочетание, в котором обозначает конечную точку движения: *vai en Vigo* 'он уехал в Виго' [Santamarina 1975, 86]; *Dona Ginebra iba nos baños quentes en Lugo con Manoeliña de doncela* [Cunqueiro, 58] 'Донья Хинебра ездила в баню в Луго с Манозилиней в качестве служанки'.

Важной синтаксической функцией предлога *en* является введение прямого дополнения, соотносимого с одушевленным или неодушевленным объектом. Условия употребления *en* в этой функции пока мало исследованы. Р. Карбальо Калеро [Carballo Calero 1966, 253] считает употребление *en* показателем интенсивности действия: *adora nas súas fillas* 'он обожает своих дочерей'. Действительно, в текстах *en* чаще всего употребляется после глаголов *mallar*, *pegar*, *bater* 'бить, колотить': *É dos que se cegan cando se pon a bater nun home* (Esmorga, 24) 'Он из тех, кто теряет голову, когда принимается бить человека'; *A muller de Romualdo mallaba no home coma quen malla nun fol vello* (Cousas, 97) 'Жена Ромуальда колотила его так, как колотят старый бурдюк'. Ш. Порто Дапэна видит в употреблении *en* средство подчеркнуть длительность действия или показать действие в его развитии: *están plantando nas patacas* 'они сажают картофель'; ...*a vaca baixou a testa e siguiu comendo na herba* (Castelao, 31) '...корова опустила голову и продолжала щипать траву'. При наличии перфектной формы возникает значение итеративности: *petou na porta hastra que se cansou* 'он бил в дверь, пока не устал' [Porto Dapena 1977, 213]. Употребление *en* в этой функции не является достаточно регулярным, чтобы можно было говорить о возникновении грамматикализованного противопоставления *plantar as patacas* 'посадить картофель' — *plantar nas patacas* 'сажать картофель', когда с помощью формы дополнения выражаются аспектуальные признаки.

Предлог *de* при обозначении начальной точки движения легко сочетается с другими предлогами, локализирующими эту точку: *pillar de enriba da mesa algo* 'схватить со стола что-л.', *sair de embaixo da ponte*, *de tras a casa* 'выйти из-под моста, из-за дома'. Сохраняются случаи употребления *de* перед прямым дополнением в партитивном значении: — *Queremos que nos dea da súa riqueza*, *dixo un* (Folklore, 62) 'Мы хотим, чтобы вы уделили нам часть своего богатства, — сказал один'; *Deixou os pesos con fondo door e tomou das máis ruins moedas* (Folklore, 76) 'Сильно огорчившись, он оставил песо и взял самые плохие монеты'.

Предлог *para/pra* в пространственном значении эквивалентен предлогу *a*, но употребляется с глаголами движения гораздо чаще, чем в кастильском (то же наблюдается в португальском): *vou para a vila* 'я еду в город'; *voltou pra casa* 'он вернулся домой' [Carballo Calero 1966, 254]. Возможны сочетания *para* с предлогами, локализирующими конечную точку движения: *para dentro de* 'внутри', *para fora de* 'наружу', *para debaixo de* 'под что-л.', и др.: ...*de alí a pouco chamoume pra dentro da casa* (Esmorga, 33) '...через некоторое время она позвала меня в дом'. Во временном значении *para* обозначает предел, до которого должно совершиться действие: *pra esa hora estou aquí* 'к этому времени я буду здесь'. Из абстрактных значений важнейшим является целевое: *estudia pra médico* 'он учится на врача'.

Предлог *por* в пространственном значении имеет две основные функции: 1) обозначает путь движения; 2) употребляется для неопределенной локализации. В обоих значениях он может вступать в связь с другими пространственными предлогами, образуя предложные соче-

тания, в которых каждый предлог сохраняет свое значение: *por diante de*, *por fora de*, *por (en)riba de*, *por entre*, *por (em)baixo de*, *por debaixo de*, *por tras (de)*; *Salto por/riba do fogo de San Xoan*, *pra que me non morda nin cobra nin can* (Refráns, 221) 'В Иванов день я прыгаю через костер, чтобы меня не укусила ни змея, ни собака'; *A xente sentábase pola plaza*, *como cando as comedias* (Casares, 19) 'Люди рассаживались на площади, как во время представлений'; *Os mouros viven no castro por baixo da terra* (Folklore, 47) 'Мавры живут в крепости, под землей'; *sempre habia un rabano de nenos por onda el* 'вокруг него всегда была стайка детей' [Santamarina 1975, 86]. Как это происходит в португальском, *por* может локализовать путь движения вблизи кого-либо или чего-либо: *Pasou por min* *o meu mozo e non me quixo falare* 'Прошел мимо меня мой парень и не захотел говорить со мной' [Carballo Calero 1966, 254]; *Eu non teño magoa do picariño que mira con ollos encalmados de boi cando os automóviles pasan pola sua porta* (Cousas, 49) 'Мне не жаль малыша, который спокойными, словно у вола, глазами смотрит на автомобили, проносящиеся мимо его двери'. В этом случае возможно употребление предложенных сочетаний *por onda*, *por candia* 'около, мимо': *pasou por onda/candia min* 'он прошел мимо меня'.

Начальный предел движения или начальный момент времени обозначается синонимичными формами *dende(s)/desde* 'с, от'. Конечный предел движения или конечный момент времени выражается рядом форм, соответствующих исп. *hasta* и порт. *até*: (h)astra, até, ata, até, atra, asta, fasta, fastra, из которых в разговорной речи употребительна форма *astra*, иногда в сочетании с *de*: *astra de agora* 'до сих пор' [Carballo Calero 1966, 181]. Предлог *deica* 'до' рекомендуется употреблять только во временном значении: *deica a noite* 'до ночи'; *deica logo* 'до свидания, пока', однако в реальном узусе предлог *deica* обычен и в пространственном значении: *vou deica a cas do tío Xan* 'зайду к дяде Шану'.

Предлог *contra* (иногда *contra de*) в пространственном значении может обозначать направление движения: *imos contra a serra* 'мы идем по направлению к горам' или положение в пространстве напротив чего-либо: *o pazo está contra a igrexa* 'замок стоит напротив церкви'. Во временном значении обозначает приблизительную локализацию во времени: *virá ahí contra a noite* 'он придет сюда к вечеру'.

Предлог *sobre* 'на, над' имеет формальные варианты *sobre de*, *sobor de*; *sobor da mesa* 'на столе, над столом'. Может иметь значение приблизительной локализации во времени: *sobre o vinte segarémo-lo trigo* 'к двадцатому числу скосим пшеницу'.

Формы *sob*, *su*, *baixo* 'под' в пространственном значении в разговорной речи употребляются редко, здесь обычны *baixo de*, *debaixo de*, *embaixo de*; в переносном значении обычна форма *baixo*: *baixo fianza* 'под залог'.

Ante (perante) 'перед', *tras* 'за, позади' в пространственном значении редки и в разговорной речи заменяются синонимами *diante de*, *tras de*, *detrás de*; во временном значении используется также *antes de* 'до, перед тем, как'.

Onde, onda (<onde + a), ondia обозначают близость к кому-либо, чему-либо: quédate aquí onda min 'встань здесь, рядом со мной'; pasou onda min 'он прошел мимо меня'.

Первоначальное значение предлога canda (<cando + a)/candia временное — 'одновременно с, вместе с': Manolo veu canda min 'Маноло пришел одновременно со мной'; однако он может употребляться в качестве синонима onde.

Cabo (de) обозначает или близость: estando cabo de min non teñas medo 'рядом со мной не бойся', или соответствует испанскому сложному предлогу a/en casa de 'у, к': vou cabo meu pai 'я иду к отцу'; emí cabo seu pai 'он у отца'.

В речи нередок кастилизм hacia 'к', которому в галисийском соответствует кроме para также сложный предлог para a: correte sin a casa 'бежать к дому'.

Наряду с простыми предлогами употребляется большое количество сложных, из которых упомянем наиболее частые: cara a 'к', diante de 'перед, к', (de)trás de 'за, позади', (de)baixo de 'под', sobor de, enriba de 'на', 'над', dentro de 'в, внутри', fora de 'вне, снаружи', perto/preto de, a carón de, a beira de, ó pé de, a rentes de 'рядом с, около, у', lonxe de 'далеко от', cabo de 'у, к', en cas 'у', encol de 'о, вокруг', ó redor de 'по кругу', denantes de 'до, перед', dempóis de 'после', máis aló de 'за, по ту сторону чего-л.', a cabalo de 'верхом на чем-л.', apesares de 'несмотря на', xunto a 'вместе с', co gallo de 'по случаю/поводу чего-л.', por mor de 'из-за, по причине чего-л.', verbo de 'относительно', alén de 'кроме', en troques de 'вместо' и др.

Общей особенностью как простых, так и сложных предлогов является их формальное варьирование и в некоторых случаях нечеткости семантических противопоставлений, что является следствием отсутствия строгой нормы. По этой же причине следует ожидать и значительного варьирования употребления предлогов в синтаксических функциях, колебаний в глагольном управлении, но этот вопрос остается неисследованным.

СОЮЗЫ

Кроме нескольких простых союзов союзные функции выполняют многочисленные речения, форма которых в силу неустойчивости норм весьма варьирует.

К сочинительным союзам относятся e 'и', nin 'ни', ou 'или', pero/pro 'но', mais 'но', senón 'а', porén, emporiso, emporeso, secomasí, ende-bén 'однако', conque, ora, logo, pois 'так, ведь, значит, следовательно', poustante 'тем не менее' и ряд двойных союзов: ora... ora, ben... ben, xa... xa, sexa... sexa, que... que, cal... cal, quer... quer 'или... или; ли... ли'.

Союз e имеет форму i перед словами, начинающимися с e-, но эта форма употребляется не всеми пишущими: frores i/e herbas 'цветы и травы'; в устной речи союз e произносится как i также перед словами, начинающимися с безударных a- и o-. В разговорной речи используется усиленная форма e máis: miña nai e máis a túa 'моя мать да твои'. Mais в значении 'но' употребляется реже, чем pero, и ощущается как 'португализм'.

Наиболее употребительные союзные предложения с сочинительной функцией следующие: *con todo, por eso, así e todo, non embargantes* 'тем не менее', *así que, de xeito (maneira) que* 'так что', *pois logo, xa que logo* 'итак, следовательно', *onda non* 'иначе'.

Среди подчинительных союзов наиболее универсальным средством связи является союз *que*, имеющий те же функции, что и в испанском и португальском языках. Союз *se* (иногда *si*) вводит косвенный вопрос без вопросительного слова и придаточные условные. Последние вводятся также союзами *como/ coma* 'если', *agás que* 'если только'.

Придаточные цели вводятся союзными предложениями *para que, a que, a fin de que* 'для того чтобы'.

Придаточные причины вводятся союзами и союзными предложениями *porque* 'потому что', *como, pois que, xa que* 'поскольку', *en vista de que* 'ввиду того что'.

Придаточные следствия вводятся союзными предложениями *polo tanto* 'поэтому', *tanto... que* 'столько... что', *tan... que* 'такой... что'.

Придаточные времени вводятся союзами и союзными предложениями *cando* 'когда', *mentres, mentras, namentres, namentras, entramentres, domentres* 'пока, в то время как', *despóis que, da que* 'после того как', *denantes que* 'прежде чем, до того как', *así que, ó que* 'когда, как только, после того как', *desque, logo que* 'как только, после того как', *non ben, aínda non, a nadia que, axiña que, ao que, ao pronto que* 'как только, едва', *en canto* 'пока, как только', *asomade/ asemade/ asomante(s)* 'как только, едва', *deica, astra/até que* 'до тех пор пока', *sempre que, cada que* 'всякий раз как'.

Придаточные уступительные вводятся союзами и союзными предложениями *anque, inaque, aínda que, mesmo que* 'хотя', *a pesar de que* 'несмотря на то что', *siquera/xiquera* 'пусть, хотя бы', *por máis que, por moito que* 'как бы ни'.

В сравнительных оборотах используются союзные обороты *tal... cal/coma* 'такой... какой', *tanto... coma* 'столько... сколько', *ca, do que* 'чем', *como/coma se* 'словно, будто'.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА ГАЛИСИЙСКОГО ЯЗЫКА

Различия между испанским и галисийским языками в области синтаксиса гораздо менее значительны, чем в морфологии; морфосинтаксические особенности в основном были описаны при рассмотрении функционирования той или иной части речи, здесь же мы ограничимся рядом частных замечаний, частично повторяя и обобщая сказанное в предыдущих главах.

Структура вопросно-ответных единств. В разделе "Личные местоимения" (см. гл. 5) указывалось, что в некоторых говорах употребляется в частных и общих вопросах вопросительная частица *el*, по форме совпадающая с местоимением 3 л. ед. ч. *el* 'он'; *¿El non se lle chama máis ca don Martiño?* 'А не зовут ли его просто дон-ом Мартином?'; *¿E el qué te trae por aquí?* 'И чего тебе здесь надо?'. Та же частица может употребляться в качестве вводной в утвердительных высказываниях: *...non tiña sono i el púxenme a contar rombas* (Cunqueiro, 47) '...мне не хотелось спать, и я принялся считать голубей'.

Для переспроса употребляется частица *¿ho?* 'верно?, не правда ли?': *E a filla do alcalde, ¿ho?* 'Это дочь алькальда, да?'.

Типичным для галисийского, как и для португальского, является ответ-эхо, т.е. ответ на общий вопрос не только наречиями *sí* 'да' и *non* 'нет', но и повторением сказуемого; приглагольные местоименные энклитики при этом опускаются: *¿Está o teu pai en casa?* — *Está* 'Твой отец дома? — Да, дома'; *¿Foches á feira?* — *Non fun* 'Ты был на ярмарке? — Нет, не был'; *¿Fericheste?* — *Ferin* 'Ты поранился? — Да'. Если в вопросе сказуемое выражено аналитической формой глагола, в ответе повторяется только вспомогательный глагол: *¿Has vir á miña casa?* — *Hei* 'Придешь ко мне? — Приду'.

Ответ глаголом считается менее вежливым, чем с помощью одних *sí* и *non*. Наиболее вежливым является ответ глаголом с добавлением *sí* и *non*: *¿Veu o médico?* — *Veu, sí, señor* 'Пришел врач? — Да, пришел, сеньор' [Porto Dapena 1977, 205, 206]; *¿Tomas algo?* — *Non tomo, gracias* 'Выпьешь чего-нибудь? — Нет, спасибо'. Отмечается, что в отрицательной форме ответ-эхо употребляется редко [Santamarina 1975, 79].

Усиление утверждения или отрицания. Для усиления утверждения в ответе на вопрос или при возражении употребляется наречие *sí* 'да': *este sí merece a pena* 'этот действительно заслуживает'; *sí que veu* 'да-да, пришел'; *e máis sí* 'конечно, да'. Наречие *tamén* 'тоже' употребляется только в утвердительных высказываниях, его синоним

igual — в утвердительных и в отрицательных высказываниях: eu tamén o vin 'я тоже его видел'; igual non o sei 'я тоже этого не знаю'.

Усиление отрицания в ответе производится с помощью повторения non: non que non veu 'да нет, не приходил'; e máis non 'да нет же' выражает отрицание с оттенком удивления.

В отрицательных высказываниях, как и в испанском, невозможно употребление двух отрицаний в позиции перед сказуемым: *nada non veu. Однако наречие tamprouco 'тоже не' допускает употребление второго отрицания non, даже если оно находится перед сказуемым: eu non vexo tamprouco; tamprouco (non) vexo 'я тоже не вижу' [Там же, 81].

В разговорной речи употребляются различные интенсификаторы отрицания; в позиции субъекта: non rasóu un alma triste 'ни живой души не было'; chovéu hostias 'ни капельки дождя не выпало'; в позиции прямого дополнения: non probóu gota 'ни капельки не попробовал'; deron merda (hostias, centellas, ruñetas, ora, o nabo, o carallo, o picho, narices, a gana) 'ни черта не дали'; в позиции обстоятельства: ese non volve na vida 'этот ни в жизнь не вернется'; na miña vida cousa tal vin 'в жизни не видал такого' [Там же, 80, 81].

Наряду с этим наблюдается эксплетивное употребление non в придаточных дополнительных после глаголов и глагольных сочетаний со значением 'бояться': teño medo non vaia chegá-lo amo 'боюсь, как бы хозяин не пришел'. При божбе наблюдается постпозиция эксплетивного non по отношению к сказуемому для интенсификации высказывания: léveme non o demo букв. 'унеси меня дьявол'; pártiame non un raio 'разрази меня гром'.

Эмфатическая атрибутивная конструкция. Как и в испанском, в галисийском языке существует эмфатическая атрибутивная конструкция "прилагательное/существительное + de + существительное": o bo do crego 'добряк поп', a lercha da rapaza 'болтливая девочка', o parvo de Xan 'дурак Шан', un ladrón dun xantre 'ворюга портной', un enllevo de muller 'восхитительная женщина'. Именные члены этой конструкции могут определяться указательными или неопределенными местоименными прилагательными: iste poxo diste home 'этот зануда', algún demo de algún rapaz 'просто чертенок, а не мальчишка'; aquel santiño de rei (Dieste, 101) 'этот святой король'; ínc diño do intérprete (Dieste, 100) 'этот чертов переводчик'. В художественной литературе XIX—XX вв. эта конструкция широко употребительна [Carballo Calero 1966, 197—199].

"Предложное" прямое дополнение. Если в испанском проблема разграничения прямого и косвенного дополнения возникает только в случае употребления предлога a перед именем лица, то в галисийском положение сложнее, поскольку во многих случаях наблюдаются колебания между беспредложным введением дополнения и употреблением предлогов en, de, con, por. Многие переходные глаголы могут употребляться с предлогом en; при этом изменяется аспектуальная характеристика глагольного действия, которое мыслится как не достигшее своего предела, даже если глагол стоит в перфектной форме; ср.: segaron o rap 'сжали хлеба', но segaron po rap 'жали хлеба' (некоторое время, но не окончили жатву). Невозможны перфек-

тивные перифразы при употреблении еп: *tiñan po ran segado. Наличие еп перед прямым дополнением может вызвать необходимость изменить предложное оформление косвенного во избежание повторения двух еп: араñaba as patacas nun cesto — араñави пив patacas pra un cesto 'он собирал картофель в корзину'. Предлог еп может употребляться также перед прямым дополнением — лицом, где он может коммутировать не только с предлогом а, но и с отсутствием предлога, когда прямое дополнение — лицо — не индивидуализируется или мыслится в отвлечении от его одушевленности как неактивный предмет. Таким образом, прямое дополнение — лицо — может оформляться трояко: abrazá-lo neno, abrazar o neno, abrazar po neno 'обнимать, обнять ребенка'. Присутствие или отсутствие предлогов в этой позиции не является фактом глагольного управления. Поэтому если категорию прямого дополнения считать чисто формальной категорией, для галисийского ее нужно определять не только по признаку отсутствия предлога, но и по признаку иаличия предлогов а и еп, если они не являются фактом глагольного управления и обусловлены характером прямого дополнения и аспектом глагольного действия. Также и предлог de в партитивном смысле (см. раздел о предлогах) может оформлять прямое дополнение.

Иной случай представляет отсутствие или присутствие предлогов de и con перед дополнением после некоторых глаголов: coller (de) caiada 'взять посох', cuidar (de) os pais 'заботиться о родителях', manter (de) os fillos 'содержать детей'; tira (con) eso 'выбрось это'; colléu cá/a cesta prá casa 'он взял корзину домой'; atopéi con el/atopéino po camín 'я встретил его по дороге'. Здесь мы имеем дело с чисто формальным варьированием, не сопровождающимся семантическими различиями. В других случаях, например с предлогами con и por, могут наблюдаться изменения в лексическом значении глаголов: acabóu a casa 'он закончил (строить) дом', acabóu cá casa 'он разорил дом'; chamar a alguén 'звать кого-л.', chamar por alguén 'громко звать, окликать'. Однако и там и здесь отсутствие или наличие предлогов является фактом глагольного управления, и эти случаи не должны смешиваться с употреблением предлогов а, de и еп независимо от лексического значения глагола.

Некоторые особенности сложного предложения. Ряд придаточных имеют в качестве синтаксических синонимов конструкции с герундием или инфинитивом. Так, придаточные времени с союзными предложениями ó que, axiña que 'как только' могут заменяться конструкцией ó mesmo + infinitivo: ó mesmo chegares, escribe 'как только приедешь, напиши'. Придаточные времени с союзом mentres 'пока' могут заменяться герундием: non se che ocurra marchar chovendo 'не вздумай уходить, пока идет дождь'. Конструкция en + герундио эквивалентна придаточному с despóis que 'после того как': en morrendo cebada ó gabo (пословица) 'как мертвому припарки'.

Конструкции с герундием могут быть также эквивалентны придаточному причины: chovendo así non salio 'раз идет такой дождь, я не пойду'; также придаточному условному: morrendo non arreglas nada 'если умрешь, дел не поправншь' и придаточному уступительному:

(xerundio + e todo): chovendo e todo atrevéuse a marchar 'хотя шел дождь, он решился поехать' [Santamarina 1975, 99—106].

Условный период может быть бессоюзным: *non foras ti tan fermosa, paide envexa che tería* 'не была бы ты так красива, ни кто бы тебе не завидовал'; это построение Р. Карбальо Калеро считает типичным для галисийского [Carballo Calero 1966, 256].

Любопытной особенностью разговорной речи является инвертированное положение главного и придаточного предложений при глаголе мысли *coidar* 'думать', 'полагать' в главном: *coido que ven hoxe o meu irmán* — *ven hoxe o meu irmán, coidoque* 'думаю, что сегодня придет мой брат', где *coidoque* фактически превратилось в модальное наречие [Carballo Calero 1966, 256].

Итак, мы дали краткое описание грамматических особенностей современного галисийского языка, подчеркивая его отличия от современного испанского литературного языка. Если бы мы обратились к диахронии, то увидели бы, что многие особенности современного галисийского языка были присущи староиспанскому; в галисийском сохраняются многие черты, исчезнувшие в испанском, причем значительные различия наблюдаются в морфологии, в то время как синтаксис обоих языков един в своей основе.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО ГАЛИСИЙСКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМЫ ГАЛИСИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Дать общую характеристику лексического состава современного литературного галисийского языка чрезвычайно трудно из-за того, что сам литературный язык находится в процессе становления и в нем действуют очень разнородные тенденции. Можно утверждать, что для галисийского характерно "лексическое изобилие", которое проистекает не только из наличия многочисленных фонетических и морфологических вариантов слова, о чем шла речь в предыдущих разделах. Дело в том, что диалекты и говоры, питающие литературный язык, различаясь незначительно в области фонетики и грамматики, дают такое обилие лексических единиц, какое вряд ли можно найти в каком-либо другом регионе Пиренейского полуострова. Ведь галисийские диалекты в отличие от кастильских развивались в относительно спокойной социально-политической и демографической обстановке, вдали от Реконкисты; они являются автохтонным развитием народной латыни в данном регионе, в то время как в большинстве других районов Пиренейского полуострова современные диалекты являются результатом процессов колонизации в эпоху Реконкисты. Высокая степень оседлости населения, распыленного по небольшим селениям и хуторам в гористой местности и на побережье, способствовали сохранению огромной массы слов, образованных на базе латинского лексического фонда. Еще В. Гарсия де Диего утверждал, что количество слов, которым владеет галисийский крестьянин, больше, чем у крестьянина из любого другого района Испании [García de Diego 1979]. Изучение обширного лексического материала, собранного галисийскими диалектологами, показывает, что это не преувеличение. Достаточно указать, что наименования отдельных представителей морской и наземной флоры и фауны достигают нескольких десятков, а то и сотен единиц. Не случайно в галисийской диалектологии говорят об ихтиолингвистике — науке о названиях обитателей моря, птероллингвистике — науке о названиях птиц и т.д.

Не имеет себе равных по богатству и галисийская топонимия. Вышеупомянутая распыленность населения по небольшим селениям имеет следствием то, что на долю Галисии приходится около половины населенных пунктов, зарегистрированных в Испании, а именно 31883 из 63613. Официально зарегистрировано более 33 тыс. топонимов, что составляет одну треть всех зарегистрированных топонимов Испании. Но в Галисии чрезвычайно развита микротопонимия; каждое урочище, каждое угодье имеет свое наименование, поэтому

общее число топонимов перевалило за 3 млн. Хотя большая часть топонимов повторяется, тем не менее можно себе представить, какое богатство представляет галисийская топонимика наряду с остальной лексикой для сравнительно-исторических, в том числе этимологических исследований. Не случайно изучение диалектной лексики и этимологические разыскания представляют собой два наиболее интенсивно разрабатываемых направления в галисийской лингвистике.

Однако богатство лексики галисийских диалектов оборачивается тяжелой проблемой для литературного языка, поскольку отсутствуют критерии отбора тех или иных диалектных лексем для литературной нормы. Язык произведений художественной литературы не может здесь служить подспорьем, поскольку писатели в основном следуют своему родному говору и употребляют те слова и в той форме, которые им близки с детства. Собственно говоря, серьезных попыток упорядочивания лексического хаоса до недавнего времени не было. Первым опытом подобного рода является Словарь Института галисийского языка [Instituto... 1980], содержащий всего около двух тысяч слов и предназначенный для учебных целей. Но даже в пределах такого небольшого количества слов составителям пришлось иногда давать не только синонимические лексемы, действительно присутствующие в общем узусе, но и синонимичные лексемы, бытующие в отдельных ареалах. Например, из сотни названий светлячка выбраны *lucescú, vagalume, verme de luz, vella facendo papas*.

Другой острой проблемой в области нормирования лексики является отношение к кастилизмам. В разговорной речи галисийцев употребляются сотни кастилизмов, в том числе эквиваленты самых обычных галисийских слов: *ayer* вместо *onte* 'вчера', *luna* вместо *lua* 'луна', *relámpago* вместо *lóstrego* 'молния', кастильские названия дней недели и месяцев. Веками живут в галисийском *color* вместо *cor* 'цвет', *dolor* 'вместо *dor* 'боль', *malo* вместо *mau* 'плохой'. Быстрые изменения в быту влекут за собой лавину кастилизмов, обозначающих неизвестные ранее галисийским крестьянам предметы: *pila, ladrillo, bombilla, servilleta, carretilla, tortilla, bocadillo, acera* [Instituto..., 1980, 9]. Такие кастилизмы, как *reló, albañil, frente, aire, silla*, настолько вытеснили исконные слова, что последние вряд ли возможно теперь восстановить.

С 20-х годов XX в. в литературе началось злоупотребление архаизмами (медиэвализмами), хотя их положение в галисийском отличается, видимо, от положения архаизмов в других языках. Если под архаизмом в отличие от историзма подразумевается намеренное употребление в стилистических целях вышедшего из употребления слова, то о каком стилистическом задании можно говорить, когда писатели употребляют *gen* вместо *nada* 'ничто' или *outrén* вместо *o/un outro* 'другой'? Медиэвализмы вводятся писателями не как архаизмы, а как исконные галисийские слова, которые должны стать составной частью современного языка и отличать его от испанского (все тот же дифференциализм). Если в галисийском релятивируется различие между литературным и нелитературным и даже галисийским и негалисийским (кастильским), неудивительно, что

релятивизируется и различие между современной лексикой и устарелой. Отсутствие подлинного развития литературного языка дало основание для такого парадоксального утверждения, что в галисийском, собственно, нет устарелых слов [Fernández Pouma 1952, 370].

В те же 20-е годы усилилось заимствование слов из португальского, но количество португализмов незначительно, и особой проблемы они не представляют (в отличие от проблемы фонетической и морфологической португализации галисийских слов).

Словообразование в целом остается малоисследованной областью галисийского языка, хотя именно в плане установления литературной нормы процессы словотворчества представляют особый интерес. Слабая нормированность письменной речи ведет к обилию не только фонетических дублетов, но и словообразовательных, что было показано выше на примере варьирования морфологического состава глагольных форм. Многие производные слова создаются самими авторами, а не берутся готовыми из говоров, например: *cheúga* вместо *enchenta* 'полнота', *enxoitar* вместо *enxugar* 'вытирать', *lonxanza* вместо *lonxanía* 'даль', *merguranza* вместо *amargor* 'горечь', *contenteza* вместо *contento* 'удовлетворение'.

Варьирует форма и самих словообразовательных аффиксов, в основном суффиксов. Эта проблема рассматривается в пособии Галисийской социопедагогической ассоциации [Asociación... 1980, 19—21]. Так, несмотря на то что в исконных словах латинский суффикс -ANU, -ANA отражается как -án, -a (эта форма западных говоров стала нормативной, в других говорах возможны рефлексy -ao, -á; -á, -á), в культизмах предлагается сохранять этот суффикс без изменения: *ourensano*, -a 'относящийся к г. Оренсе', *republicano*, -a 'республиканский'; *humano*, -a 'гуманный'. В письменной речи, однако, можно встретить *ourensán(s)*, *ourensá(s)* и т.д. Наибольшие споры вызывает, пожалуй, форма суффикса -BILE. В упомянутом пособии предлагается португализованная форма -bel: *agradábel*, *posíbel*, *estábel*, в то время как Институт галисийского языка предпочитает форму, идентичную кастильской: *agradable*, *estable*, *posible*. В галисийско-португальском возможна была двоякая форма: *noble/nobre*. У Р. де Кастро в "Новых листах" еще преобладает форма -bre, хотя ко времени возрождения слова с -ble стали обычными в галисийском [Carballo Calero 1971, 244—254]. В современном узусе в этом отношении царит полный разнобой, сосуществуют формы -ble, -bre, -bel, -vel, -bele.

Формы суффиксов -dade, -tude: *liberdade*, *dignidade*, *altitude*, *virtude* — единодушно признаются исконно галисийскими, а редуцированные формы -dá, -tú отвергаются как кастильские.

Суффиксы -cia, -ción, -sión нередко принимают архаизирующую форму -za, -zón, -són: *importanza*, *provinza*, *nazón*, *afirmazón*, *tensón* вместо *importancia*, *provincia*, *nación*, *afirmación*, *tensión* [Galego 1976, 61]. Формы с йотом без всякого основания считаются кастилизмами [Carré/Alvarellos 1972, XXI], хотя по этой линии кастильские и галисийские диалекты разделить невозможно: формы с йотом и без него издревле сосуществовали как в галисийском, так и в кастильском. Неправы поэтому те, кто считают исконным названием страны

Галисия только форму *Galiza*, а форму *Galicia* требуют отбросить как кастильскую.

В формах бывших причастий на *-iente* нередко допускается стяжение дифтонга из чувства дифференциализма: *conveniente*, *conscente*, *ambiente* вместо нормативных *conveniente*, *consciente*, *ambiente*. Суффикс отглагольных существительных *-mento*, наоборот, не имеет дифтонга в отличие от кастильского: *movimento*, *sentimento*, *acontecimento*.

Суффиксы *-ITIS*, *-TIS*, *-OSIS*, *-SIS* в существительных женского рода — культизмах — имеют форму *-ite*, *-te*, *-ose*, *-se*: *apendicite*, *bronquite*, *neurose*, *análise*, *elipse*, *tese*. Латинское окончание *-US* превращается в культизмах в *-o*: *cacto*, *espírito*, *tribo*, *ímpeto*, *referento* [Asociación 1980, 21].

Стремление к галисизации лексики проявляется не только в отборе вариантов словообразовательных элементов, но и в общем соотношении исконной и книжной лексики. Й. Схротен в ходе экспериментального исследования обнаружил интересное явление, которое заключается в том, что пишущие и говорящие избегают культизмов, соотносимых с исконным словом по форме в историческом плане (типа *pai* — *paterno*) и изобретают собственные производные от исконного слова. Так, от *srego* 'священник' образуется *sregués*, *sregal*, *sreguense*, *sreguil*, которые конкурируют с культизмом *clerical* (или *sterical*, *clerical*, *sterigal* в галисизированной форме) [Schroten 1981, 258]. Продолжающаяся борьба между латинизирующей (и для некоторых кастилизующей) тенденцией и галисизующей имеет следствием обилие синонимичных производных слов, что затрудняет стандартизацию в области лексики.

Отметим такую черту галисийского языка, как обилие производных с оценочными суффиксами. Основным уменьшительно-ласкательным суффиксом является *-iño* || *o*, *-a* и его вариант *-ciño* || *o*, *-a*, употребляющийся при исходе основы на дифтонг *[i]* и на *-n*: *casíño* 'домик', *homiño* 'человечек', *paiciño* 'мамочка', *sañciño* 'собачка'. Кроме существительных суф. *-iño* может присоединяться к качественным прилагательным: *mougiño* 'смугленький', *soxiño* 'хроменький', к причастию и герундию: *exhoitiño* 'сухонький', *caladiño* 'молчком', *correndiño* 'бегом', к наречиям количественным, образа действия, иногда к наречиям места: *rouquiño* 'маленько', *amodiño* 'потихоньку', *ó rentiño* 'рядышком', *todiño* 'всё-всё', *cerquiña* 'близехонько' [Porto Dapena 1977, 142 и сл.]; *levóuno todiño* 'унес всё-всё'; *fixo o mesmiño* 'сделал аккуратно то же самое' [Carballo Calero 1966, 104]; *deica loguiñ* 'до свиданья'. В конструкциях с редупликацией прилагательного или наречия суффикс *-iño* выражает высокую степень качества: *goxa goxiña* 'рыжая, рыжуха', *mainiño maino* 'потихонечку'. В крайних восточных говорах уменьшительно-ласкательный суффикс имеет форму *-ín*: *raxaín* 'птичка'.

Другими, менее употребительными уменьшительными суффиксами являются *-acho*: *riacho* 'речушка', *-echo*: *gordecho* 'толстенький'; *-elo*: *soutelo* 'рощица'; *-ete*: *rapacete* 'мальчонка'; *-exo*: *lugarexo* 'местечко'; *-ico*: *capicico* 'собачонка'; *-olo*: *rapazolo* 'мальчуган'; *-ote*: *cabalote* 'лошаденка'; *-uco*: *ventanuco* 'окошко' [Galego 1976, 209] и ряд других.

К основным увеличительно-уничижительным суффиксам относятся -ón, -a; -az|o, -a: festón, festaza 'гулянье', cabezón 'банка', mulleraza 'бабища', cabalazo 'коняга', mamón, mamonazo 'бесстыжий', а также -etón, -a; -zarrón, -a; -o|le, -a [Carballo Calero 1966, 93, 94; Porto Dapena 1977, 143].

Как же отражаются в существующих галисийских словарях многочисленные культнзмы, кастилизмы, медиевализмы, португализмы и просто выдуманные слова? Сразу же надо отметить, что галисийские (а это в основном галисийско-кастильские) словари крайне неудовлетворительны во многих отношениях. Начало галисийской лексикографии относится к середине XIX в. Хотя она зарождается позже каталанской, однако развивается параллельно с литературным возрождением. Первым печатным словарем является "Галисийско-кастильский словарь" Франсиско Хавьера Родригеса, изданный уже после смерти автора А. де ла Иглесиа; в 1863 г., т.е. в год выхода "Галисийских напевов" Р. де Кастро. При работе над словарем Ф.Х. Родригес не прибегал к исследованию живой речи. Источниками для него послужили собственная память библиотекаря, книги и брошюры, свидетельства друзей и знаменитые четверостишия М. Сармьенто. За пределами словаря у него оставалось еще более тысячи слов из коллекции Сармьенто, среди которых было много кастилизмов и латинизмов. Издатель все это ввел в словарь, изменил дефиниции и орфографию автора по своему усмотрению. Этот корпус слов вместе с дефинициями перешел почти без изменения в последующие словари Кувейро Пиньоля (1876) и Марсиала Вальядареса (1884). Последний словарь содержит около одиннадцати тысяч слов, в два раза больше своих предшественников. М. Вальядарес пополнял материал из живой речи, из языка фольклора и современной ему художественной литературы. Однако это был переводный словарь, как и предыдущие, а не филологический, поэтому, как отмечал рецензент словаря М. Менендес-и-Пелайо, в нем отсутствовала локализация слов, этимологии и другая лингвистическая информация.

В настоящее время галисийская лексикография располагает трехтомным галисийско-кастильским словарем Э. Родригеса Гонсалеса [Rodríguez González 1958—1961], большим словарем Л. Франко Гранде [Franco Grande 1972] и рядом других меньших по объему галисийско-кастильских словарей. Галисийская лексикография имеет своеобразный характер: все словари являются не толковыми, а переводными, но, главное, они являются не нормативными словарями, а чем-то вроде тезаурусов, хотя и ущербных. В этих словарях собрана лексика, зафиксированная их составителями в различных письменных текстах, будь то диалектизмы, вульгаризмы или архаизмы, причем без соответствующих помет. Ущербность же состоит в том, что приводятся только те слова, форма которых отличается от кастильских, поэтому словари не могут дать общую картину узуса, не говоря уже о том, что они не могут дать нужную информацию при выработке лексических норм литератур-

ного языка. Культизмы в словарях не отражаются вовсе. На основе словарей невозможно даже определить, является ли слово галисийским или нет, если оно совпадает по форме с кастильским. Многие архаизмы вводятся без соответствующей пометы; некоторые составители, боясь допустить в словарь мнимый кастилизм, выдумывают вместо него псевдогалисизмы или извлекают из небытия арханзмы. Дело доходило до того, что в словари попадали неверно прочитанные слова из средневековых текстов.

Итак, можно сделать вывод, что существующие словари галисийского языка служат чисто практическим целям и не имеют никакого отношения к формированию литературного языка. Они полезны при чтении литературных текстов на галисийском, поскольку последние наводнены всеми теми "измами", которые стараются извлечь из литературного языка. Но в сущности эти словари не ушли далеко от грамматики Ф. Мираса; ее целью было научить кастильцев понимать речь галисийских крестьян, а целью словарей является помощь тем же кастильцам при чтении галисийских текстов. Так своеобразно в лингвистической практике преломилось неравноправное положение двух языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из рассмотрения внутренней структуры и функционирования литературного галисийского языка можно сделать следующие выводы относительно некоторых особенностей, выделяющих его на фоне других романских языков.

1. Литературный галисийский язык не есть нечто законченное и неподвижное, это язык в становлении, "в состоянии вечной молодости", как писал в начале нашего века Э. Карре Алдао [Carre Aldao 1911, 28]. Процессы нормализации — введение галисийского во все возможные сферы коммуникации, присущие галисийскому обществу, и процессы нормативизации — выработка устойчивых норм на всех уровнях языковой системы — еще далеки от завершения. Если нормализация галисийского в конечном счете зависит от социально-экономических факторов, то нормативизация, выработка единой нормы литературного языка являются непосредственной задачей деятельности лингвистических учреждений, отдельных филологов и писателей. Конкуренция нескольких норм и нежелание пишущих прийти к соглашению относительно единой нормы, несомненно, ослабляют позиции галисийского в его конфронтации с испанским.

2. Когда говорят о становлении литературного языка, принято прежде всего указывать на его диалектную основу. Относительная однородность галисийских диалектов и тот факт, что ни в XIX, ни в XX в. ни один диалект не выдвинулся в качестве базового для литературного языка, делают невозможным утверждение, что в основе литературного языка лежит тот или иной диалект. Этим галисийский отличается не только от языков типа испанского или французского, но и от таких "молодых" литературных языков, как каталанский или окситанский.

Конкретно принцип интердиалектности проявляется в том, что в литературном языке смешиваются черты разных диалектов; если в морфологии преобладают черты западных диалектов, то в фонетике преобладают черты восточных диалектов [Carballo Carlero 1974, 39]. Что касается лексики, то здесь любые диалектизмы могут занять место в системе литературного языка, если это ведет к обогащению лексики, к более тонкой семантической и стилистической дифференциации [Galego 1976, 93—95].

3. Если проблема диалектной основы литературного галисийского языка легко разрешима, то проблема выбора социального

страта в качестве основы литературного языка и в связи с этим проблема соотношения литературного и разговорного языка в галисийском стоят очень остро. До недавнего времени между литературным языком, которым владела лишь небольшая прослойка интеллигенции, и то в различной степени, и разговорным языком, сильно кастилизированном, существовал большой разрыв. Галисийские филологи ясно представляют себе, что литературный язык не может быть создан на основе современного узуса; создать литературный язык — это в некотором роде значит вернуть народу его национальное достояние, утерянное в процессе кастилизации [Alonso Montero 1973, 133; Carballo Calero 1979, 149]. В то же время нельзя совершенно пренебрегать разговорным языком и искусственно увеличивать расстояние между ним и литературным языком; в частности, большого такта и осмотрительности требует разрешение вопроса о допущении или недопущении в норму тех или иных кастилизмов.

4. Важнейшей особенностью литературного галисийского языка является отсутствие непрерывной письменной традиции между средневековым языком и современным. Поскольку литературный язык не может всецело полагаться на современный разговорный язык, понятно положительное отношение галисийских филологов к разработке литературных норм как к процессу "реставрации" языка на основе классических текстов [Carballo Calero 1974, 38; Fernández 1979, 493]. Однако и здесь требуется большой такт в отборе форм, который не должен приводить к излишней архаизации языка, к отрыву его от разговорного узуса.

5. Галисийский язык, будучи генетически теснее связанным с португальским, многие века находится в сфере влияния кастильского. Это двойственное положение обусловило оригинальные взаимоотношения, которые сложились у галисийского с названными двумя языками. Испытав мощное влияние испанского, галисийский в настоящее время любыми средствами пытается вырваться из объятий "языкового империализма". Однако в последнее время эти попытки парадоксальным образом привели к возникновению пораженческой по существу идеологии — идеологии интеграции галисийского с португальским. Необходимо отметить, что за единство галисийского и португальского выступают многие писатели и лингвисты; в интеграции некоторые видят единственный способ избежать поглощения галисийского испанским [Carballo Calero 1980, 127]. Однако аргументация в этих случаях носит чисто культурологический, а зачастую и просто ненаучный характер. Этим веяниям противостоит деятельность Института галисийского языка, члены которого полагают, что норма современного галисийского языка может быть основана только на галисийском узусе [Galego 1976, 82].

6. При создании норм молодого романского литературного языка неизбежно возникает проблема адаптации латинского лексического фонда, общего всем романским литературным языкам. В галисийском в результате стремления во что бы то ни стало избежать совпадения звучания галисийских и испанских слов про-

цессы освоения латинской лексики приняли причудливый, нередко просто комический характер. Реакция на излишнюю фонетическую адаптацию латинизмов достаточно сильна, однако отсутствие единства в этом деле является одним из главных факторов неустойчивости норм литературного языка.

7. История галисийского языка XIX—XX вв. показывает, насколько ограниченной оказалась роль художественной литературы в создании норм литературного языка. Взаимоотношение литературного языка и языка художественной литературы складывается различным образом в разных странах и в разные эпохи. Конечно, нельзя отрицать заслугу галисийских писателей в том, что они реставрировали каким-то образом письменный узус на галисийском, однако в истории галисийской литературы не было периода, когда писатели, проникнувшись идеей национального единства и независимости, поставили бы задачей дать образцы литературной речи, пригодные для галисийского общества в целом. В XIX в. литература носила костюбристский характер, язык ее характеризовался полидиалектальностью. В XX в., особенно во второй его половине, восприятие галисийской литературой различных модных европейских течений также не способствовало стандартизации языка. Современная "объективная" проза характеризуется стремлением растворить авторское "я" в разноголосице различных социальных типов речи, и авторская речь зачастую так же далека от стандартного языка, как и речь персонажей. Таким образом, в галисийской культуре нет ни одного писателя, язык которого мог бы быть принят в качестве образцового, хотя бы в целях школьного преподавания; "есть галисийские писатели, которые являются классиками культуры, но не языка" [Moralejo Alvarez 1982, 59]. Галисийских писателей отличает особый дух анархизма, нежелание подчиняться какому-либо языковому авторитету, будь то Галисийская академия или Институт галисийского языка.

Отмеченные особенности литературного галисийского языка придают ему особый дух незаконченности, относительности; колеблющееся разнообразие узуса приводит к отсутствию четких функционально-стилистических характеристик элементов языка, затрудняет выделение отдельных его стратов. Вряд ли можно найти нечто аналогичное галисийскому языку в пределах Романии; этот необычный лингвистический феномен — благодатное поле исследования для социолингвистов и специалистов в области теории литературного языка.

В антологию включены отрывки из прозаических произведений наиболее известных галисийских писателей XX в. Все тексты приводятся с сохранением орфографии оригинала, что позволит читателю судить о разнообразии орфографических приемов и о том, с каким трудом вырабатывается письменная норма галисийского языка. В примечаниях объясняются значения только тех слов, фонетическая форма которых затрудняет их понимание для лиц, владеющих испанским языком (этот принцип стал традиционным в галисийских учебниках и словарях).

АЛЬФОНСО ДАНИЭЛ МАНУЭЛ КАСТЕЛАО
(1886—1950)

ALFONSO DANIEL MANUEL CASTELAO

COUSAS¹

Si eu fose autor escribiría unha peza en dous lances. A obraña duraría dez minutos nada máis.

Lance primeiro

Érguese o pano e aparece unha corte aldeán. Enriba do¹ estrume² hai unha vaca morta. Ao redor da vaca hai unha vella velliña, unha muller avellentada, unha moza garrida, dúas rapaciñas bonitas, un vello petrucio³ e tres nenos loiros⁴. Todos choran a fio⁵ e enxoitan⁶ os ollos coas mans. Todos fan o prunto⁷ e din cousas tristes que fan rir, ditos paifocos⁸ de xentes labregas, angurentas⁹ e cobizosas¹⁰, que pensan que a morte dunha vaca é unha gran disgracia. O prunto debe ter unha graciá choqueira¹¹ para que estoupen¹² de risa os do *patio de butacas*.

E cando se fartan de rir os señoritos buixará o pano.

Lance segundo

Érguese o pano e aparece un estrado elegante, adobiado¹³ con moito señorío. Enriba dunha mesa de pés ferrados de bronce, hai unha bandexa de prata, enriba da bandexa hai unha almofada de damasco, enriba da almofada hai unha cadelíña¹⁴ morta. A cadela

¹ Castelao. *Cousas*/ Ed. Galaxia. Vigo, 1979. P. 50—51, 55—56.

morta semellará unha folerpa⁵ de neve. Ao seu redor chora unha fidalgona e dúas fidalguiñas novas¹⁶. Todas elas fan o pranto e enxoitan as bágoas¹⁷ con paniños de encaixe. Todas van dicindo, unha a unha, as mesmas parvadas¹⁸ que dixeron os labregos diante da vaca morta, ditos tristes que fan rir, porque a morte dunha cadela non é para tanto.

E cando a xente do galliñeiro se farte de rir a cachón¹⁹, baixará o pano moi amodiño²⁰.

* * *

Chegou das Américas un home rico e trouxe consigo un negriño cubano, coma quen trai unha mona, un papagaio, un fonógrafo...

O negriño foi medrando²¹ na aldea, onde depredou a falar con enxebreza²², a puntear muiñeiras²³, a botar aturuxos²⁴ abrouxadores²⁵.

Un día morreu o home rico e Panchito trocou²⁶ de amo para ganar o pan. Co tempo fíxose mozo comprido²⁷, sen máis chatas²⁸ que a súa coor²⁹... Aínda que era negro coma o pote, tiña gracia dabondo³⁰ para facerse querer de todos. Endomingado, con un caravel enriba da orella e unha ponla³¹ de malva na chaqueta, parecía talmente un mozo das festas.

Unha noite de estrelas xurdéu³² no seu maxín³³ a idea de saír polo mundo á cata de³⁴ riquezas. Tamén Panchito sinteu, como todos os mozos da aldea, os anceios³⁵ de emigrar. E unha mañán de moita tristura gabeou³⁶ polas escaleiras dun trasatlántico.

Panchito ía camiño de Habana e os seus ollos mollados e brillantes esculcaban no mar as terras deixadas pola popa.

Nunha rúa da Habana o negro Panchito tropezou cun home da súa aldea e confesoulle saloucando³⁷:

— Ai, eu non me afago³⁸ nesta terra de tanto sol; eu non me afago con esta xente. ¡ Eu morro! .

Panchito retornou á aldea. Chegou probe e endeble; pero trouxe moita fartura no corazón. Tamén trouxe un sombreiro de palla e máis un traxe branco...

¹ enriba de *prep* на, над

² estrume *m* навоз

³ petrucio *m* глава семьи

⁴ loiro *adx* белокурый

⁵ a fío беспрерывно

⁶ enxoitar *vi* вытирать

⁷ pranto *m* плач

⁸ rufoso *adx* грубый, невежественный

⁹ angustento *adx* нуждающийся

¹⁰ cobizo *adx* алчный

¹¹ choqueiro *adx* экстравагантный

¹² entourar *vi* попытаться

¹³ adobiar *vi* укринать

¹⁴ cadela *f* собака

¹⁵ folerpa *f* ожогный ком

¹⁶ novo *adx* молодой

¹⁷ bágoa *f* слеза

¹⁸ parvada *f* шушкет

¹⁹ cachón *adx* надрываться от смеха

²⁰ amodiño *adx* индифферентно

²¹ medrar *vi* расти

²² enxebreza *f* чистота

²³ muiñeira *f* мунье́йра (галсийский народный танец)

²⁴ aturuxo *m* протяжный выкрик в конце народной песни

²⁵ abrouxador *adx* оглушительный

²⁶ trocar *vi* менять

²⁷ comprido *adx* настоящий, что надо

²⁸ chata *f* недостаток

²⁹ coor, cor *f* цвет

³⁰ dabondo *adv* достаточно

³¹ ponla *f* ветка

³² xurdir *vi* возникать

³³ maxín *m* воображение

³⁴ á cata de *prep* в поисках чего-л.

³⁵ anceio *m* желание

³⁶ gabea *vi* талезать, избираться

³⁷ saloucar *vi* вслащивать

³⁸ afagar *vi* привыкать

EDUARDO BLANCO AMOR

A ESMORGA²

Eu tiña ouvido¹ o conto, igoal que todo o mundo; aquela historia de don Fernando de Andrada e da súa muller, e déralle o mesmo creto² que ás outras moitismas marmuracións que van e veñen duns a outros nesta vila de folgazás³. Como eiquí chove⁴ sete meses ao ano, a xente entretense en palicar⁵ a carón das⁶ camillas e arredor dos braseiros, ou nas tabernas e cafés, matinando⁷ en tales pantesías.

Polo visto, asegún se marmuraba xa facía anos, que eu xa o viña ouvindo dende o rapaz, o vinculeiro⁸ dos Andrada, que era o único vivo que quedara dunha familia morta toda dunha tísiquis⁹ do peito que pegara niles e que os fora levando un a un, pasara toda a mocidade no estranxeiro, a onde o mandaran pra que non se lle apegase o mal. Contábanse dil cousas de moita grandeza, como fan decote¹⁰ os probes cando falan dos ricos, que ao mellor non é tanto... Que si lances de xogo e de amoríos, que si estivera nunha guerra de por eí adiante entre xentes que non teñen ren que vere conosco; que si fora, en segredo, amigo dunha raíña, porque disque era baril¹¹ e bó mozo coma non se tiña conecido outro; que si sabía falar todas as falas do mundo e tal e que sei eu... que penso que todas serían latricadas¹² de comadres, de xastres ou de costureiras que teñen ese bezo¹³ de dárenlle á língoa e de andaren a remexer nas honras alleas¹⁴... O que parez que era certo, é que, voltara, xa bastante estragado das súas andadas polo mundo, a facerse cargo de seu herdo que disque que era aínda de moita cuantía. Asegún din, as cousas da herdanza non as tratou con ninguén e arranxáranas uns abogados cos outros pra lle sacar do papo¹⁵ aos frades de San Francisco unha boa endentada que lle tiraran á nai que morréu tola¹⁶, asegún din, que eu neste non me meto. Conque disque¹⁷ voltou a viaxar por esas terras de Deus, i ao cabo dos anos chegou de novo traguendo consigo unha dona de tal fermosura, que os poucos que a viran decían que endexamáis se tiña ollado cousa somellante... Pro ninguén voltou a ollala dende o día que chegaran, fai desto uns doce anos, que foi cando eu o ouvin contar. Polo visto o Andrada meteu á muller na casa, fechou¹⁸ as portas e non tratou con alma diste mundo nen se lle viu endexamáis andar polo povo, nen xiquera cando veu o rei, nin cando ardéu o barrio de Ferreiría, e iso que o lume andivo a lamberlle as paredes do pazo¹⁹, pola parte que dá a carón da cibdade... Disque, ás vegadas²⁰, víaselle dacabalo, ao mencer²¹, pro fora dos camiños, perto dunha finca que tén, con outro pazo, polas terras de Santa Cruz de Arrabaldo; i outras veces tamén de noite,

² Blanco Amor E. A Esmorga/ Ed. Galaxia. Vigo, 1970. P. 37—40.

que puña moito medo... Falar falábase moito, pro ninguén sabía decire cómo era nen cómo andaba vestido, que todos debían sere latricadas de folgazás e contos de vellas... Tamén disque que os criados que trouxera desas terras por onde andivo, non falaban coma nós e que os remudaba cada ano, ou antes si os vía tratárense con alguén do povo, pro eu endexamáis soupén de ninguén que os tivese tratado que de iste modo son as historias e as testemuñas que levantan as xentes de moito lecer²² pra darlle á condenada da língoa...

¹ ouvir *vi* слышать

² creto *m* вера, доверие

³ folgazán *m* лентяй

⁴ chover *vi* дождить

⁵ palicar *vi* болтать

⁶ a carón de *prep* рядом с, у

⁷ matinar *vi* размышлять

⁸ vinculeiro *m* старший сын, наследник

⁹ tísiquis *vulgarismo* вместо tisis *f* чихотка

¹⁰ decote *adv* часто

¹¹ baril *adx* статный; мужественный

¹² latricada *f* болтовня

¹³ bezo *m* привычка

¹⁴ alleo *adx* чужой

¹⁵ rapo *m* зоб

¹⁶ tolo *adx* сумасшедший

¹⁷ disque говорят; мол

¹⁸ fechar *vi* закрывать

¹⁹ prazo *m* помещичий дом

²⁰ ás veces иногда

²¹ ao mencer на рассвете

²² lecer *m* время, досуг

РИКАРДО КАРБАЛЬО КАЛЕРО (Род. 1910)

RICARDO CARBALLO CALERO

A XENTE DA BARREIRA³

Chegados á casa do Rosende, os dous homes sentáronse cabo da¹ lareira². A señora Rosa preparóulles uns ovos; discolpándose por non ter pano pra cobrir a artesa³, nen coberto de metal.

Namentres fora caía a neve, o lume da lareira ía fundindo o lazo⁴ de silencio que recobría os ensoños do viaxeiro. A súa língoa, mollada⁵ pol-o vinõ de Lucenza, comezou a se esterricar. Era de monte, máis alá da Fontanela. Ninguén o agardaba. Facía moitos anos que saíra da terra. Fillo de solteira, a morte da súa nai⁶ deixáralo ceibe⁷ de vencellos⁸ familiares, pois non tiña parentes. Viñera porque a terra o chamaba. Tencionaba⁹ facer unha casa branca e outa¹⁰ onde estivera o celeiro¹¹ que o vira nacer. Traguía con il o ganado en tantos anos de traballo. Nas Américas fora mozo de corda, bufariñeiro¹², criado de bar. Os seus ollos embazados¹³ de saudade¹⁴ e de sono¹⁵ ollaban¹⁶ pra a maleta.

Durmía a tía Rosa. Na cama trais das táboas que afastaban¹⁷ o seu recanto¹⁸ durmía o viaxeiro. ¿Metera a maleta debaixo do leito; puxéaraa antre as sábanas, ao seu carón¹⁹, como un corpo querido? O Rosende, rebulindo no enxergón²⁰ de folla²¹ de millo²², coidaba²³ que se il tivera aquela maleta non faría a casa no lugar onde nacera, n-aquil recuncho²⁴ do monte onde inda agora vivía.

³ Carballo Calero R. A xente da Barreira/Bibliófilos Gallegos. Santiago de Compostela, 1951. P. 143—144.

Faría unha casa máis pequena que a soñada pol-o viaxeiro, na mesma Fontanela. Poría taberna, logo pousada, trataría cos feireantes²⁵, chegaría a ter capital. E virían pra il a boa mesa, a boa roupa, as mulleres de roxos cabelos e vizosas²⁶ fazulas²⁷...

A señora Rosa soñaba. No seu soño semelláralle ouvir un berro²⁸ e bruído fora, rentes da²⁹ casa. ¡Ah! Era o Rosende, que viña do pozo. E ila que coidaba ter deixado a sella³⁰ chea. Logo sentíu ao fillo remexer³¹ trais das táboas que afastaban o recanto dos hóspedes. E logo ¿qué pasaba? Ren. O viaxeiro quería partir axiña³² e o Rosende ía enganchar as mulas ao carro pra encetar³³ o camiño denantes da luzada do abrinte³⁴. A tía Rosa durmíuse de novo. O rapaz era listo, e ate chegar ás voltas de Canedo non lle era mester³⁵ que fose día. Cando ila encetara os seus traballos, xa estaría il máis alá da casoupa³⁶ do peón.

¹ cabo de *prep* около, у

² lareira *f* очаг, топка

³ artesa *f* деревянное корыто

⁴ lazo *m* лёд

⁵ mollar *vi* смачивать

⁶ nai *f* мать

⁷ ceibe *adx* свободный

⁸ vencellos *f pl* узы

⁹ tencionar *vi* намереваться

¹⁰ outo *adx* высокий

¹¹ celeiro *m* погреб

¹² bufariñeiro *m* бродячий торговец

¹³ embazar *vi* затуманивать

¹⁴ saudade *f* тоска, одиночество

¹⁵ sono *m* сон

¹⁶ ollar *vi* глядеть

¹⁷ afastar *vi* отделять

¹⁸ recanto *m* угол

¹⁹ ao seu carón *рядом с собой*

²⁰ enxergón *m* тюфяк

²¹ folla *f* лист; листва

²² millo *m* кукуруза

²³ coidar *vi* думать

²⁴ recuncho *m* тихий уголок

²⁵ feireante *m* ярмарочный торговец

²⁶ vizoso *adx* пышный, цветущий

²⁷ fazulas *f pl* щеки

²⁸ berro *m* крик

²⁹ rentes de *prep* рядом с

³⁰ sella *f* бадья

³¹ remexer *vi* копошиться

³² axiña *adv* быстро

³³ encetar *vi* начинать

³⁴ abrinte *m* рассвет

³⁵ mester: é mester необходимо

³⁶ casoupa *f* лачуга

АЛЬВАРО КУНКЕЙРО МОРА (Род. 1911)

ALVARO CUNQUEIRO MORA

MERLÍN E FAMILIA E OUTRAS HISTORÍAS⁴

A Bañeira i o Demo

— Isto pasóu fai por agora un ano no reame¹ de Nápoles, nunha quinta que chaman Pratto Nuovo, e que é dunha nipota do Grande Inquisidor, e nista historia vése que nin as grandezas cristiás se libran do maliño. Paríu ista señora nipota, que se chamaba donna Eleonora, un menino, e fórono bañar naquela bañeira de cristal, que a estrenaban tal día. E non ben botaron o picariño² á iauga, desfixose nela coma se fora de sal ou de azucre. Todo foi un gran berro de pasmo na quinta, e ninguén daba crêto³ ao conto, pro o feito era o feito, i o neniño⁴ desaparecera. Houbo que

⁴ *Cunqueiro A. Merlín e familia e outras historias/Ed. Galaxia. Vigo, 1955. P. 56—57.*

botar aquela auga no camposanto, i ao botellón en que iba fixéronlle un enterro a oito⁵, con música, responsos froleados i o Grande Inquisidor de capa magna. Fai quince días paríu outra vez a nipota, e coma ao neniño había que bañalo, volveron poner a bañeira de cristal, que é unha obra antiga de moito apunte, na cámara da parida, i estaba o Grande Inquisidor presente, e tamén o exorcista de Palermo, que é quen lles quita o demo⁶ do corpo aos Borbós de Nápoles cando fai falla⁷, que é casi sempre por anos bisestos, e tamén estaba todo o protomedicato das Dúas Sicilias, e xa iban bañar o cativo⁸, cando se lle pasou á nai⁹ polo maxín¹⁰ que tiña o seu señor tío que benzoar a bañeira, e inda o Grande Inquisidor non dixera "In nomine Patris", xa se quebrara a bañeira en mil anacos¹¹, e saíra dela un grande cheiro¹² a solfo, i o exorcista de Palermo co puño curvo do seu paraugas tivo tempo de coller polo pescozo ao demo que fuxía, pro iste puido esgüirse¹³ e perderse pola chimenea. Sópouse que a bañeira fora mercada¹⁴ nunha abadía mui notada de monxas, que chaman Fossano, e que era a bañeira que tiñan as abadesas para bañarse por Pascoa e por San Martiño, i as monxas por San Pedro, e que non era tal bañeira, senon un demo que se trocara¹⁵ nela por ver, ao seu tempo, ás señoras monxas en coiros.

¹ reame *m* королевство

² picaro. picariño *m* малыш

³ creto *m* вера, доверие

⁴ nepo, nepiño *m* ребенок, мальчик

⁵ a oito *здесь* пышный

⁶ demo *m* черт, дьявол

⁷ fai falla *надо, необходимо*

⁸ cativo *m* малыш, ребенок

⁹ nai *f* мать

¹⁰ maxín: pasar polo maxín *прийти в голову*

¹¹ anaco *m* кусок

¹² cheiro *m* запах

¹³ esgüirse *vr* ускользнуть

¹⁴ mercar *vr* покупать

¹⁵ trocarse *vr* меняться, превращаться

ШОСЕ ЛУИС МЕНДЕС ФЕРРИН (Род. 1938)

XOSÉ LUÍS MÉNDEZ FERRÍN

O DIQUE DE AREA⁵

A caravana deixaba sinalado o seu roteiro¹ cunha longa caula² gris, suxa³, e, de tempo en tempo, un corpo morto. Un ceo⁴ opaco deitaba⁵ craridade morriñenta⁶. Estalaban as trallas sobre mulas famentas⁷, a mover as patas xeadas⁸ co aceno⁹ triste das pantasma. Veleiquí¹⁰ que a caravana cantaba, que a caravana, sobre a neve, no camiño interminábel do desterro, cantaba: Primeiro fora o laído¹¹ de unha muller, segado por un salouco¹² mollado¹³, ostentosamente doido¹⁴. ¿Cándo findou¹⁵ o choro¹⁶ e comenzou o canto? O lindeiro era borroso coma a brêtema¹⁵ xeada que escorrega¹⁸ polo lombo da serra, rachando¹⁹ nas agullas de cuarzo. ¿Cándo findou a sublevación e comezou a fuxida? Cándo findou a victoria e díu co-

⁵ Méndez Ferrín X.L. Percival e outras historias/Ed. Galaxia. Vigo, 1958. P. 115—118.

mezo a morte? O lindeiro é borroso, igoal que o da marea outa²⁰ e a marea baixa, os carros carregados de mulleres, diñamente²¹ trácicas, de nenos de ollos fríos e redondos, cheos²² ata o pasmo da imaxe da morte, renxían²³ con persistencia ousesiva²⁴, perdéndose no largasio e estreito val o queixido²⁵ dos chedeiros²⁶ ao pé do²⁷ queixido humán. Ninguén sabía a última razón da fuxida, da derrota. ¡Fora todo tan súpeto! Pro Lao Rismy, o xefe, ben sabía e con craridade, o proceso lento da morte do seu pobo, da súa antiga nación. Dixéralle á súa muller unha noite:

— ¿Sabes o que sería coutar²⁸ o río Menk somentes con area? Un intre²⁹ semellaría interrompirse a corrente, i encoraría³⁰ a iauga, e faríase unha fonda³¹ presa. Pro cedo³², moi cedo, había amolecer³³ a base mesma do muro e o Menk galloparía máis impetuoso que nunca o seu seco leito³⁴. Asíñ é o noso pobo, leva no seu celme³⁵ a descomposición moi avanzada. Somos unha raza vella e feble³⁶, e un levantamento non faría máis que apresar³⁷ o noso fin.

Asíñ decía Lao Rismy e, non embargantes³⁸, il era o coudel³⁹ da nación de Nijmenk, da triste e homilde nacion do val do Menk. Que os invasores do Leste⁴⁰ tiñan acabado con Nijmenk, sabíano todos, sabíao aínda il, Lao, o xefe. Pro era preciso erguer unha barreira fronte aos invasores, i ergueuse unha barreira de area. ¡Despóis todo foi tan fremoso⁴¹! Preparouse na sombra, no silencio. De feira en feira voaban os sinás, e nos pobos o sacerdote instruía á mocidade na escuridade máxica das carballeiras⁴². Lao dirixía todo dende a montana⁴³.

E amencéu⁴⁴ o día, arribóu a hora sagra. Cando o sol lucéu, as bandeiras de Nijmenk, as antigas bandeiras, substituíran aos negros pendóns dos invasores do Leste. Valdeiráronse⁴⁵ os cárceres e corréu as rúas⁴⁶ unha multitude rouca⁴⁷. Empuñáronse as pistolas gardadas con medo nos segredos dos burós. E a música das metralhadoras atacóu a obertura do derradeiro⁴⁸ día de Nijmenk. Os invasores de Leste foron obrigados a unha temporal fuxida. O pobo, con Lao por cabeza, ergueuse nas oito provincias e torturóu aos oito gobernadores estranxeiros.

— ¡Qué fremosas as rúas batuxadas⁴⁹ en sangue alleo⁵⁰! — dixera Lao, no furor da victoria.

Pro todo foi efímero, como un dique de area oposto á iauga fervente do río Menk. Axina⁵¹ voltaron os invasores do leste, cos seus pendóns negros, e o seu número⁵² era coma un número das estrelas, coma o número das areas do dique de area. E voltóu a vangarda extranxeira co furor da vinganza no entrecello⁵³; a riada, a arroiada dos estranxeiros. A sublevación, trunfante un intre pola sorpresa, foi cauterizada con lume, igoal que unha chaga⁵⁴ podre⁵⁵. O pobo — o vello, canso e nobre pobo de Nijmenk — cos sacerdotes da igrexa indíxena á cabeza, baixo o desesperado comando de Lao Rismy, foi abandoando rúa por rúa, castro por castro⁵⁶, templo por templo. As oito capitás das oito provincias arderon, e os seus fumes rubiron⁵⁷ direitos ao ceo, coma os do sacrificio do xusto Abel. Nos labres⁵⁸ apertados de Lao Rismy es-

talóu unha orde³⁹, contida⁴⁰ con forza queixada contra queixada: Pedir a fronteira.

Lao Rismy tanguéu⁶¹ as bestas con enerxía. A lembranza⁶² da derrota púñalle nos ollos unha estrana resiñación, unha calma poderosamente valeira⁶³. Sabía que o único que podía abranguer⁶⁴ eran aquelas rédeas⁶⁵ e o único que pisaba de firme era o carro aquíl, no que durmía a súa muller e no que lle ía morrer o único fillo. Il sabíao: non podería aturar⁶⁶ a temperatura, era un neno entangarañado⁶⁷ e seco. Non se estranóu⁶⁸ por tanto, cando ouviu o berro⁶⁹ de door⁷⁰ de ela. Colléu⁷¹ ao rapás nos brazos e Lao, o xefe, forte coma sempre, dono de sí coma sempre, guindóu⁷² ao seu fillo na neve. Logo, moi pálido, louridas⁷³ e aterecídalas maos, voltóu a tanguelas bestas. E a neve díu en cair sobre a caravana de Nijmenk, que cantaba no camiño interminábel do desterro.

E a door era grande.

- ¹roteiro *m* здесь путь, дорога
- ²caula *pseudogalicismo* вместо cola *f* хвост, шлейф
- ³sucho *adx* грязный
- ⁴ceo *m* небо
- ⁵deitar *vi* лить, проливать
- ⁶morriñento *adx* унылый, меланхолический
- ⁷famento *adx* голодный
- ⁸xear *vi* мерзнуть, замерзать
- ⁹aceno *m* жест
- ¹⁰veleiquí, velaí вот, пожалуйста
- ¹¹laído *m* жалобный стон, стенание
- ¹²salouco *m* всхлипывание
- ¹³mollar *vi* увлажнять, смачивать
- ¹⁴doer *vi* болеть
- ¹⁵findar *vi* кончаться
- ¹⁶choro *m* плач
- ¹⁷brêtema *f* туман
- ¹⁸escorregar *vi* скользить
- ¹⁹rachar *vi* рваться
- ²⁰outo *adx* высокий; marea outa прилив
- ²¹difamente *pseudogalicismo* вместо dignamente *adx* достойно
- ²²cheo *adx* полный
- ²³renxer *vi* скрипеть
- ²⁴ousesivo *adx* *pseudogalicismo* вместо obsesivo *adx* навязчивый
- ²⁵queixido *m* жалоба
- ²⁶chedeiro *m* кузов телеги
- ²⁷ao pé de *prep* рядом с
- ²⁸coular *vi* запрудить
- ²⁹intre *m* мгновение
- ³⁰encorar *vi* успокоиться, встать (о воде)
- ³¹fondo *adx* глубокий
- ³²cedo *adv* рано
- ³³amolecer *vi* размягчаться
- ³⁴leito *m* ложе (реки)
- ³⁵celme *m* нутро, сердцевина
- ³⁶feble *adx* слабый
- ³⁷urriega *vi* ускорять
- ³⁸non embaigantes однако, тем не менее

- ³⁹coudel *m* вождь
- ⁴⁰leste *m* восток
- ⁴¹fremoso *adx* красивый
- ⁴²carballeira *f* дубрава
- ⁴³montana *pseudogalicismo* вместо montaña *f* гора
- ⁴⁴amencer *vi* рассветать, заниматься (о дне)
- ⁴⁵valdeirarse *vr* опустеть
- ⁴⁶rúa *f* улица
- ⁴⁷rouco *adx* хриплый
- ⁴⁸derradeiro *adx* последний
- ⁴⁹batuxar *vi* обрызгивать, кропить
- ⁵⁰alleo *adx* чужой
- ⁵¹axina, axiña *adv* быстро; вскоре
- ⁵²púmaro *vulgarismo* вместо púmero *m* число
- ⁵³entrecello *m* переносица
- ⁵⁴chaga *f* язва
- ⁵⁵podre *adx* гнилой, сгнивший
- ⁵⁶castro *m* 1) крепость, замок феодала; 2) вершина горы или холма с руинами крепостных сооружений
- ⁵⁷rubir *vi* подниматься
- ⁵⁸labre *m* губа
- ⁵⁹orde *f* приказ
- ⁶⁰conter *vi* сдерживать
- ⁶¹tanguer *vi* гнать (скот)
- ⁶²lembianza *f* воспоминание
- ⁶³valeiro *adx* пустой
- ⁶⁴abranguer *vi* схватить
- ⁶⁵rédea *f* вожжа
- ⁶⁶aturar *vi* терпеть, выносить
- ⁶⁷entangarañado *adx* хилый, болезненный
- ⁶⁸estranarse *pseudogalicismo* вместо es-trañarse *vr* удивляться
- ⁶⁹berro *m* крик, вопль
- ⁷⁰door, dor, delor *m* боль
- ⁷¹coller *vi* брать
- ⁷²guindar *vi* бросать
- ⁷³lourido *adx* бледный; желтый

O ARREGUIZO⁶

Moito faláramos aquíl día do mes do castañal¹, pola noitiña, na tasca do Souto Grande, perto do pazo de Dompniñor, si era ou non era verdade o do arreguizo².

O Xan de Brais, o Vicentiño de Freituxe e máis eu estábamos a comer un magosto³. E veña de mougar⁴ bullós⁵ e de pasar o xarrote⁶. Maiormente, presa non tiñamos ningún, pois todos rematáramos o noso labor...

O Xan de Brais aseguraba que cando un batía⁷ cos lobos pola noite, nun sitio soedoso, púñanselle os pelos tesos...

— Todo iso — dixo o Vicente de Freituxe — é un conto. Eu atopéinos⁸ moitas veces na Carranchá, en noites ben tebregosas, e foron candia min cara Trascastro, e non lles tiven máis medo que si foran cadellos⁹.

Entón, falou o Fiz de Cotovelo, que viña de chegar.

O Fiz de Cotovelo era un tangaleirán¹⁰ moi mouro de cara, que andaría polos coarenta, antes máis que menos. Tiña o bico moi grosso e movíase e falaba con moito apouso¹¹.

Veleiquí o que dixo:

— Eu non sei se os lobos poñen ou non os pelos dereitos a un... Mais eu ben sei a quen se lle requicharon¹² todos dun medo que levou.

— ¿E sería asunto de fantasmas, ou da Santa Compañía...? — preguntou o Vicentiño de Freituxe.

— Inda era eu mozo noviño. Fora na Farreiría, cas¹³ o Alláparo. Eramos catro, tal como somos eiquí agora: o Uxío de Teixiz, o Periño da Alborga, o Garibaldo de Diciona e máis eu.

"Xuntáramonos a cear unha noite do vrao... Xa sabedes que aquela tasca está no cimo dun penedo¹⁴ e ten unha ventá sobor do río. Despóis de cear tomáramos us cafeses e puxémonos a xogar á brisca.

"O Uxío de Teixiz era un mozo moi ben prantado. Iba por dous anos que lle facía as beiras¹⁵ á Rola de Trascastro. O señor Ramilo, en groria esteña, o pai da rapaza, tiñao xa por seu xenro¹⁶ e deixábao que entrase na casa. Ben sabía il que o Uxío era home de moito proveito, moi formal il en todos os seus tratos, e que agardaba un bon herdo dun tío seu, celibato, que estaba a vivir na súa casa. Levaríame a min de catro anos pra cinco, pois xa iba pra dous que volvera do servicio.

"A Rola era unha rapaza de moi bon ver, xeitosiña¹⁷ e moi goberneira¹⁸... Mais, señor, tivo a disgracia de que lle saíse outro¹⁹ pretendente. Chamábanlle de mal nome o Falcón, pola súa valentía e coraxe nas liortas²⁰ das romerías...

"O señor Ramilo vía o coma si vera o demo, pois era sabedor de que toda a súa vida fora un perdidoño, bebedor e xogantín. Adicábase ó trato do gado. A súa compañía era o pior do pior... Larengos²¹, larchás²² e desleigados²³ que sempre andaban de troula²⁴.

"Parez mesmamente que o estou vendo, ó Falcón de Londriz, alto,

⁶Fole A. Terra brava/Contos da solaina/Ed. Galaxia. Vigo, 1976, p. 88—95.

enxoiito²⁵, cos ollos i o pelo como acibache i a dentamia²⁶ grande e botada pra fora coma a dun lobo. E logo, moi fachendoso²⁷ il.

Andaba ca zunia²⁸ de que a Rola había de sere pra il, i era tan teimudo²⁹ que ninguén lle facía virar o pensamento.

"Decíallelo a todos nas tascas e festas, nas rogas³⁰ e velorios; e máis cando levaba un chisco³¹ de máis... 'Téñolle o ollo botado á Rola... Veremos si algún cabrón se me pon diante... Ou pra min ou pra a terra, que o demo me coma...'

"Nós ben sabiamos que aqueles días o Uxío andaba moi caviloso, e sospeitabamos que fora menazado de morte polo Falcón.

"Pousóu as cartas na mesa e dixo:

"— Non xogo máis... Non sei qué me pasa que non estóu tranquílo... Un desacougo³² que boliga³³ en min...

"— Pois fala, hom... — díxolle o Garibaldo de Diciona, — que si de algo che podemos valer os amigos...

"E dixo o Uxío:

"— Xa sabedes tan ben coma min qué caste de demo é o Falcón. Nin il recúa³⁴ nin eu tampouco... Como a Rola non pode casarse con nós entramos, un dos dous está de sobro no mundo. Eu levo sempre a miña razón candia min.

"I en dicindo isto, ripóu³⁵ un revólver grande, de cachas de nacre, do peto³⁶ da cueira, e pousóuno enriba da mesa... Naquil intre, a péndula da parede díu as doce.

"— Ben podería sere — dixo — que ista mesma noite me saia ó camiño.

"— Non teñas medo — lle dixen —. Eu iréi candia ti. Veréille de pedir a escopeta ó Alláparo...

"Todo foi seguídiño... A todos se nos callaron as falas nos beizos³⁷. Sentíuse estourar un tiro, e resoóu por todo o val. Logo, outro tiro...

"— Alguén que atopóu o lobo — dixo o Garibaldo Diciona.

"— Andan moi mestos²⁸ — dixo o Pepiño da Alborga.

"Xúrovos polo que máis queirades que eu vin todo con istes mesmos ollos que han de comer os vermes...

"Eu fitaba pra o Uxío, que non tiña pucha³⁹ na testa; il fitaba⁴⁰ pra a ventá. Estaba branco coma o papel. E vin que se lle puñan os pelos dereitos.

"Unha mao de muller, grande e branca, acenando con un pano tamén branco, entrara pola ventá... Subía e baixaba, vagariño⁴¹, vagariño, e desfiáxose no aire. O Uxío quíxose erguer e non puido. E berróu con unha voz que parecía a voz de outro.

"— ¿E vós vistedes algo...?

"— Eu vin — dixo o Garibaldo de Diciona — como unha nebra branca que se me pousóu nos ollos, como din que ven os que ven a Estadea...⁴²

"— Que me leve Dios — dixo — como a matóu... Despedíuse de min... Xa estará co Señor.

"Polas súas meixelas esbaraban⁴³ pingotas de sudor.

"Somentes os dous viramos a visión...

"Erguéuse e dixo, metendo o| revólver, no peto traseiro:

"— Onde o atope, alí o mataréi o mesmo que un can doente... ou il me mata a min.

"Pedínlle a escopeta ó Alláparo e saín candia il. Os outros dous viñeron tras nós.

"Cando levabamos cousa dunha hora de camiño, sin ninguén dar fala, sentímos o estróupele⁴⁴ dos cascos na calzada.

"Faléi eu:

"— ¿Qué pasou en Trascastro, que sentimos dous tiros...?

"O xinete detivo o cabalo e respondeu:

"— Pois o que xa se vía que iba acontecer o día menos pensado... O Falcón, que matou á Rola... Zorregóulle dous tiros cando a rapaza viña de sacar a auga do pozo da aira⁴⁵. Batiulle un na testa i outro no medio e medio do peito... Queda a casa chea da familia. Xa foron avisar a Xusticia. I eu vou cabo do curmao⁴⁶ do señor Ramilo. Esganifaba⁴⁷ a ialma sentir laiar a nai.

"— ¿E qué se sabe dil? — preguntéille eu.

"— Din que o viron — dixo il — cispar⁴⁸ cara a serra pola ponte de Trascastro... Si ven ó Uxío, non lle digan nada astra despois... Non seña que haxa dúas, disgracias, e non unha.

"Ó sentir istas falas, o Uxío botóuse a chorar coma un neno. I eu dinlle unha aperta⁴⁹ moi forte, moi forte.

"Foron prender o Falcón a Bustofrío... Víuse a causa en Lugo, e saíronlle doce anos... Ó pouco de volver pra eiquí, embarcou pra Cuba.

"Din que o que a ferro mata, a ferro morre... E se non é, debería de sere... Ó cabo de dous anos de estar aló en Cuba, un negro xamaquino, que din que son dos máis sanguinos e brutarates, espetóulle unha navalla no corazón. Morréu botando sangue a cachón⁵⁰ coma un porco, dispensando...

"Escantiá que o Uxío se foi pra o Norte. Seica ten un gran capital. Casóuse eilí e xa leva os fillos criados.

¹ o mes do castañal ноябрь

² arreguizo *m* страх, ужас

³ magosto *m* пирушка, на которой едят жареные каштаны

⁴ mougar *vi* жевать, уплетать

⁵ bulló *m* очищенный жареный каштан

⁶ xarrote *m* кувшинчик

⁷ bater *vi* наткаться

⁸ atopar *vi* встречать

⁹ cadelo *m* собачонка

¹⁰ tangaleirán, *m* верзила

¹¹ apouso *m* степенность; расстановка

¹² requichar *vi* встать дыбом

¹³ cas *prep* у, в доме у

¹⁴ penedo *m* скала, утес

¹⁵ facer as beiras ухаживать

¹⁶ xengo *m* зять

¹⁷ xeitro *adx* стройный, изящный

¹⁸ goberneiro *adx* домовитый

¹⁹ outro *псевдогалицизм вместо outro* другой

²⁰ liorta *f* здесь драка

²¹ larengo *m* задира; повеса

²² larchán *m* лентяй

²³ desleigado *m* отщепенец

²⁴ andar de troula кутить, повесничать

²⁵ enxoito *adx* поджарый

²⁶ dentamia *f* зубы

²⁷ sachendoso *adx* тщеславный, гордый

²⁸ zunia *f* здесь мания, идея

²⁹ teimudo *adx* упрямый

³⁰ roga *f* помощь соседу

³¹ chisco *m* глоток вина

³² desacougo *m* беспокойство

³³ boligar *vi* шевелиться

³⁴ recuar *vi* отступать

³⁵ ripar *vi* вынимать

³⁶ peto *m* карман

³⁷ beizo *m* губа

³⁸ mesto *adx* здесь многочисленный

³⁹ pucha *f* шанка

⁴⁰ filar *vi* пристально смотреть, уставиться

⁴¹ vagarito *adx* тихонько

⁴⁴ esbregar *vi* скользнуть, катиться

⁴⁴ estróupele *m* топот

⁴⁵ aira *f* гумно

⁴⁶ curmao *m* двоюродный брат

⁴⁷ esganifar *vi* разрывать

⁴⁸ cispar *vi* убежать, скрыться

⁴⁹ aperta *f* объятие

⁵⁰ a cachón *здесь* ручьями

ЛИТЕРАТУРА

- Васильева-Шведе О.К.** К вопросу о галисийском языке/Некоторые черты неличных форм глагола//Учен. зап. ЛГУ, 1966, N 328. Сер. филол. наук. Вып. 70.
- Васильева-Шведе О.К.** Галисийско-португальская и провансальская сатирическая поэзия XIII—XV вв.//Сравнительное изучение литератур. Л., 1976.
- Васильева-Шведе О.К.** Каталанский и галисийский языки в культуре народов Пиренейского полуострова//Iberica/Культура народов Пиренейского полуострова. Л., 1983.
- Гах А.М.** Некоторые особенности галисийского в сравнении с испанским и португальским//Вопросы теории и истории романских языков. Л., 1985.
- Зененко Г.П.** Особенности системы личных местоимений галисийского языка в сравнении с этими же системами в испанском и португальском языках//Семантика и грамматика языковых единиц. М., 1980.
- Зененко Г.П.** Галисийский и португальский языки сегодня//Вопросы иберо-романской филологии. М., 1982.
- Плавский З.И.** Роль двуязычия в литературном творчестве на материале языков Пиренейского полуострова//Iberica/Культура народов Пиренейского полуострова. Л., 1983.
- Степанов Г.В.** Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
- Степанов Г.В.** Языки Пиренейского полуострова в социолингвистическом аспекте//Iberica/Культура народов Пиренейского полуострова. Л., 1983.
- Шушмарев В.Ф.** Очерки по истории языков Испании. М.: Л., 1941.
- Alonso Montero J.** Realismo y conciencia crítica en la literatura gallega. Madrid, 1968a.
- Alonso Montero J.** Textos griegos y latinos traducidos al gallego. Bibliografía//Actas del III Congreso español de estudios clásicos Madrid, 1968b Vol. 2.
- Alonso Montero X.** Constitución del gallego en lengua literaria. Datos de una problemática cultural y sociológica en el siglo XIX. Lugo, 1970.
- Alonso Montero X.** Rosalía de Castro. Madrid, 1972.
- Alonso Montero X.** Informe — dramático — sobre la lengua gallega. Madrid, 1973.
- Alonso Montero X.** Lingua, literatura e sociedade en Galicia. Madrid, 1977.
- Alonso Montero X.** Política e cultura en Galicia/1977. Lugo, 1978.
- Alvar M.** Galicia en la cartografía lingüística//Verba, 1974. Vol. 1.
- Alvarez S.** Ensaio encol do problema nacional galego. Madrid, 1976.
- Alvarez Caccamb J.M.^a** Galego cero. Vigo, 1979.
- Aracil Ll.V.** A sociolingüística da experiencia e da acción//Aracil Ll.V. et al. Problemática das linguas sen normalizar/Situación do galego e alternativas. Ourense, 1980.
- Armesto V.** Verbas gallegas. Vigo, 1973.
- Asociación socio-pedagoxica galega.** Orientacións para a escrita do noso idioma. Ourense, 1980.
- Barreiro-Fernández X.R.** Historia política // Los gallegos. Madrid, 1976.
- Bas López B.** Os nomes galegos dos hórreos e dos seus elementos//Verba, 1980. Vol. 7.
- Bibliografía dialectal galego-portuguesa.** Centro de lingüística: Universidades de Lisboa, 1976.
- Brea M.** Denominaciones gallegas de la hoja del pino//Verba, 1980. Vol. 7.
- Brea M.** Otras denominaciones para "cabecera de finca"//Verba, 1981. Vol. 8.
- Buschmann S.** Beiträge zum etymologischen Wörterbuch des Galizischen. Bonn, 1965.
- C.** Normas ortográficas e morfolóxicas//Grial, 1978a, N 59.
- C.** Novas bases para unha normalización lingüística//Grial, 1978b, N 59.
- Cambre Mariño X.** La lengua gallega/En pleno resurgimiento o en peligro de

- muetre?//Sin nombre. San Juan de Puerto Rico, 1974. Vol. 5, N 2.
- Carballo Calero R.* La poesía gallega del siglo XX. Madrid, 1955.
- Carballo Calero R.* Gramática elemental del gallego común. Vigo, 1966.
- Carballo Calero R.* Sobre lingua e literatura galega. Vigo, 1971.
- Carballo Calero R.* La constitución del gallego como lengua escrita//Verba, 1974. Vol. 1.
- Carballo Calero R.* Historia da literatura galega contemporánea/2-a ed. Vigo, 1975.
- Carballo Calero R.* Historia de la literatura gallega contemporánea. Madrid, 1976.
- Carballo Calero R.* O Idioma//Testemuñas e perspectivas en homenaxe ao Seminario de Estudos Galegos. A Coruña, 1978.
- Carballo Calero R.* Sobre a nosa lingua//Grial, 1979. N 64.
- Carballo Calero R.* A fortuna histórica do galego//Aracil Li.V. et al. Problemática das linguas sen normalizar/Situación do galego e alternativas. Ourense, 1980.
- Carballo Calero R.* Introducción á literatura galega//A nosa literatura/Unha interpretación para hoxe. A Coruña, 1982.
- Carvalho Calero R.* Lérias galegas. A Coruña, 1984.
- Cardenoso Alvarez S.* Acercamiento a la poesía gallega del siglo XIX. Barcelona, 1978.
- Carré Aldao E.* Literatura gallega con extensos apéndices bibliográficos y una gran antología de 300 trabajos escogidos en prosa y verso de la mayor parte de los escritores regionales/2-a ed. Barcelona, 1911.
- Carré Alvarellos L.* Dicionario galego-castelán e vocabulario castelán-galego/4-a ed. La Coruña, 1972.
- Carre Alvarellos L.* El idioma gallego en la Edad Media. Vigo, 1973.
- Casal Silva L.M.^a* O "Conto galego" de Rosalla//Grial, 1976. N 51.
- Castelao A.* Sempre en Galiza. Madrid, 1977.
- Catálogo de libros en gallego.* Madrid, 1974.
- Catálogo de libros en gallego.* Madrid, 1978.
- Cátedra de lingüística e literatura galega.* Xoan Manuel Pintos/Día das Letras Galegas. Santiago, 1975.
- Coromines J.* Sobre a unificación ortográfica gallego-portuguesa//Grial, 1976. N 53.
- Couceiro J.L.* Notas etnolingüísticas en torno a la pesca de río en Galicia (río Mandeo) //Verba, 1974, Vol. 1.
- Couceiro J.L.* El habla de Feás. Vigo, 1976.
- Couceiro J.L.* As vocais e, o, en rima na obra de Curros//Verba, 1977. Vol. 4.
- Chacón Calvar R.* Diglosia e historia//Grial, 1979. N 66.
- Díaz Nidia A.* La protesta social en la obra de Rosalía de Castro. Vigo, 1976.
- Dobarro Paz X.M.* Prensa e literatura galega no século XIX//A nosa literatura/Unha interpretación para hoxe. A Coruña, 1982.
- Dubroca D.* Le pronom personnel atone en Galicien//Les langues néolatines, 1974. N 210.
- Durán C.* Algunhas presicións sobre a ortografía//Grial, 1979. N 64.
- Enríquez M.^a del C.* Léxico de O Grove. Vigo, 1974.
- Enríquez M.^a del C.* Fonética y fonología del gallego de O Grove//Verba, 1976. Vol. 3.
- Enríquez Salido M. do C. et al.* Língua e cultura de Galiza/E.X.B. Ciclo superior. Leon, 1982.
- Falemos Galego/50 textos de onte e de hoxe/* Pról. de A. Alvarez Gándara. Vigo, 1973.
- Fernández C.* Teoría da lingua galega en Xan Vicente Viqueira//Grial, 1979. N 66.
- Fernández Pousa R.* La lengua gallega en Curros Enríquez // Revista de archivos, bibliotecas y museos. Madrid, 1952. T. 58, N 2—3.
- Fernández Rei F.* Bloques e áreas lingüísticas do galego moderno//Grial, 1982. N 77.
- Fernández del Riego F.* Poesía gallega. Do dezanove aos continuadores. Vigo, 1976.
- Ferreiro M.* Unha ruptura na literatura galega: os séculos escuros//A nosa literatura/Unha interpretación para hoxe. A Coruña, 1982.
- Filgueira Valverde J.* Lírica medieval gallega y portuguesa//Historia general de las literaturas hispánicas. Barcelona, 1949. Vol. 2.
- Fraga García R.* Notas etno-lingüísticas da terra de Melide/O pan//Verba, 1975. Vol. 2.
- Franco Grande X.I.* Dicionario galego-castelán e vocabulario castelán-galego/2-a ed. Vigo, 1972.
- Freire J.* Factividad y modo: procesos transformacionales de nominalización en el gallego actual//Verba, 1976. Vol. 3.
- Freixanes V.F.* Unha ducia de galegos. Vigo, 1976. Galicia/Catro documentos socio-políticos. Madrid, 1978.
- Gallego 1/* Instituto de la lengua gallega. Santiago de Compostela, 1975.
- Gallego 2/* Instituto da lingua galega. Santiago de Compostela, 1977.
- Gallego 3/* Instituto da lingua galega. Santiago de Compostela, 1976.

- Carla C.* Léxico de la comarca compostelana. Vigo, 1974.
- Carla C.* Interferencias lingüísticas entre gallego y castellano//Revista española de lingüística. 1976. Año 6, fasc. 2.
- García C. et al.* O Atlas Lingüístico Galego//Verba, 1977. Vol. 4.
- García C.* Los días de la semana en gallego Problema de interferencias//Verba, 1980. N 7.
- García C.* Los nombres gallegos de las estaciones del año//Verba, 1981. Vol. 8.
- García Alín A.* Un nuevo vocabulario de la jerga de los canteros pontevedreses//Revista de dialectología y tradiciones populares, 1977. T. 33, cuad. 1—4.
- García Arias X.Ll.* Las lenguas minoritarias de la Península Ibérica//Introducción a la lingüística. Madrid, 1982.
- García Negro M.P.* Unha experiencia pedagóxica de normalización do galego con alumnos español-falantes//Aracil Ll.V. et al. Problemática das linguas sen normalizar/Situación do galego e alternativas. Ourense, 1980.
- García Negro P. M.^a, Dobarro Paz X.M.^a* 33 aproximacións á literatura e á lingua galegas. A Coruña, 1984.
- García de Diego e a lingua galega*//Grial, 1979. N 63.
- González López E.* Grandeza y decadencia del reino de Galicia. Buenos Aires, 1957.
- González López E.* Historia de Galicia. La Coruña, 1980.
- González López E.* La Galicia de los Austrias. La Coruña, 1981. T 1—2.
- González Pérez C.* A diglosia na nosa etnografía//Grial, 1978. N 60.
- Guerra A.G.* Castellanismos e hiperenxebrismos na poesía de Manuel-Antonio//Grial, 1979. N 64.
- Hernández M.* Breve introducción a la literatura gallega (1200—1936). Madrid, 1974.
- Iglesia A., de la.* El idioma gallego, su antigüedad y vida. La Coruña, 1886. N. 1—3./Ed. facs. La Coruña, 1977.
- Instituto da Lingua Galega. Diccionario básico da Lingua Galega. S.I., 1980.
- Landeira Yrago X.* Poesía galega/Dos devanceiros ao dezaioito. Vigo, 1975.
- ¹legislación Preautonómica. Instituto de estudios de administración local. Madrid, 1980.
- Lorenzo Vázquez R.* Contribución al léxico gallego//Revista de dialectología y tradiciones populares, 1969. T. 25, cuad. 3—4.
- Losada Castro B.* La literatura//Los gallegos. Madrid, 1976.
- Lourenzo M., Pillado Mayor F.* O teatro galego. La Coruña, 1979.
- Marbán J.A.* The current status of Galician in Spain//Hispania, 1980. Vol. 63, N 3.
- Mayoral M.* La poesía de Rosalía de Castro. Madrid, 1974.
- McCartney J.M.* [Rec.:] Pensado J.L. (ed.). Mirages de Santiago/Edición y estudio crítico/Revista de filología española, 1958, anejo 68//Romance Philology, 1967. Vol. 20, N 3.
- Meier H.* Problemas de gramática gallega (I)//Verba, 1974. Vol. 1.
- Meier H.* Problemas de gramática gallega (II)//Verba, 1975. Vol. 2.
- Meier H.* Problemas de gramática gallega (III)//Verba, 1976. Vol. 3.
- Meier H.* Galizische Etymologien//Verba, 1977. Vol. 4.
- Meier H.* Galizische Beiträge zu zwei lateinisch-romanischen Wortfamilien//Verba, 1981. Vol. 8.
- Mirás F.* Gramática/Ed. facs. da primeira Gramática Galega, 1864. Madrid, 1978.
- Montero Santalla X.-M.* Unificación ortográfica galego-portuguesa//Grial, 1976, N 51.
- Maralejo Alvarez J.J.* A lingua galega hoxe. Vigo, 1977.
- Moralejo Alvarez J.J.* A lingua galega e os seus problemas. Vigo, 1982.
- Moralejo Laso A.* Sobre grafía y pronunciación de los topónimos gallegos//Verba, 1976. Vol. 3.
- Moralejo Laso A.* Sobre grafía y pronunciación de los topónimos gallegos (continuación)//Verba, 1977a. Vol. 4.
- Moralejo Laso A.* Topónimos variables con nasal o sin ella//Verba, 1977b. Vol. 4.
- Moralejo Laso A.* Ojeda, a los topónimos hispánicos y especialmente a los gallegos de origen prelatino de J. Corominas//Verba, 1978. Vol. 5; 1979. Vol. 6.
- Moralejo Laso A.* Notas acerca de Hidronimia Gallega//Verba, 1980. Vol. 7.
- Niederehe H.-J.* Die Sprachauffassung Alfons des Weisen. Tübingen, 1975.
- Novicov V.* Acerca de la influencia del gallego en el empleo de las formas indicativas en -ra en el español de América//Verba, 1979. Vol. 6.
- O estatuto de Galicia plebiscitabo no 1936. S.I., 1971.
- O libro galego a discusión/Ed. do Castro. S.I., 1974.
- Oro C.* Fluctuaciones morfológicas en el gallego; verbos en ER//Verba, 1976. Vol. 3.
- Oro C.* Fluctuaciones de los verbos gallegos en -ar al comienzo de los lexemas//Verba, 1977. Vol. 4.
- Otero C.-P.* Evolución y revolución en romance. Barcelona, 1971.

- Otero A. Vocabulario de San Jorje de Piquín. Vigo, 1977.
- Penas Patiño M., Pedreiro López C. Nomes galegos das aves do xénero "Streptopelia" e "Columba"//Verba, 1976. Vol. 3.
- Penas Patiño J.M., Pedreira López C. Nomes galegos de aves piciformes//Verba, 1977. Vol. 4.
- Penas Patiño J.M., Pedreira López C. Nomes galegos das aves da familia "fringillidae"//Verba, 1980. Vol. 7.
- Pensado J.L. Interferencias estruturais castellano-galegas: el problema de la geadá y sus causas//Revista de filología española, 1970. T. 53, cuad. 1—4.
- Pensado J.L. Opúsculos lingüísticos do século XVIII. S.l., 1974.
- Pensado J.L. Perfiles románicos do léxico galego//Verba, 1978. Vol. 5.
- Pensado J.L. Aportacións á historia de ceibar y ceibe en galego y portugués//Verba, 1980. Vol. 7.
- Pieczara S. Fonologia iberyjska — prowincji hiszpańskiej — Galicji//Sprawozdania Poznańskiego towarzystwa przyjaciół nauk, 1968, n 2 (81).
- Piel J.M. Novos fragmentos de toponimia galega oriunda de nomes latinos de senhores rurais medievos//Verba, 1975. Vol. 2.
- Piel J.M. Um problema de demonologia lingüística: gal. *proviso*, port. *proviço*, cast. *provizo* 'diabo' mais *proviceiro*/*porviceiro* 'feiticeiro'//Verba, 1978. Vol. 5.
- Piel J.M. Considerações gerais sobre toponimia e antroponimia galegas//Verba, 1979a. Vol. 6.
- Piel J.M. Odeitallas e outras Miudallas/Apontamentos de etimologia galega (con referencia a *caño*, *monllo*, *mouza*, *pavea*, *rabeira*, *veeira* e *vencello*)//Verba, 1979b. Vol. 6.
- Piel J.M. Sobre miragens de pré-história onomástico-lexical galega, a propósito do gal. Becerreá//Grial, 1979c, N 64.
- Piñeiro R.A. A expansión crecente da lingua galega//Colóquio/Letras. Lisboa, 1972, N 8.
- Piñeiro R. Importancia decisiva da Xeneración Nos//Grial, 1978, N 59.
- Piñeiro López R. Galician in Luso-Brazilian Studies//Portugal and Brazil in transition. Minneapolis, 1968.
- Porto Dapena J.A. Alternancias vocálicas en los nombres y verbos gallego-portugueses: un intento de explicación diacrónica//Thesaurus/Boletín del Instituto Caro y Cuervo. Bogotá, 1973. T. 28, N 3.
- Porto Dapena J.-A. Fonología de la N velar gallega//Revista de dialectología y tradiciones populares, 1976. T. 32, cuad. 1—4.
- Porto Dapena J.A. El gallego hablado en la comarca ferrolana. Vigo, 1977.
- Prieto Alonso D. Un problema ortográfico e un estudio lingüístico//Grial, 1977, N 56.
- Prieto Alonso D. Algunhas hipóteses sobre a geadá//Verba, 1980. Vol. 7.
- Rabanal M. Hablas hispánicas/Temas gallegas y leoneses. Madrid, 1967.
- Real Academia Galega. Normas ortográficas e morfolóxicas do idioma galego/2-a ed. A Cruña, 1977.
- Ríos Panisse M.C. Nomenclatura de la flora y fauna marítimas de Galicia. Vigo, 1977. I. Invertebrados y peces.
- Rodríguez F. Conflicto lingüístico e ideoloxía en Galicia. Pontevedra, 1976a; 2-a ed. Pontevedra, 1980.
- Rodríguez F. La lengua//Los gallegos. Madrid, 1976b.
- Rodríguez González E. Diccionario enciclopédico gallego-castellano. Vigo, 1958. Vol. 1; Vigo, 1960. Vol. 2. Vigo, 1961. Vol. 3.
- Rodríguez Lapa M. A [recuperação] literária do galego//Colóquio/Letras. Lisboa, 1973, N 13.
- Rodríguez Lapa M. Algo de novo sobre o problema do galego//Grial, 1981, N 74.
- Rojo G. Perífrasis verbales en el gallego actual. Vigo, 1974a.
- Rojo G. [Rec:] Alonso Montero X. Informe — dramático — sobre la lengua gallega. Madrid, 1973//Verba, 1974b. Vol. 1.
- Rojo G. Conductas y actitudes lingüísticas en Galicia//Revista española de lingüística, 1981. Año 11, fasc. 2.
- Santamarina A. Contribución pra un estudio das partículas comparativas que = ca e como = coma en galego//Verba, 1974a. Vol. 1.
- Santamarina A. El verbo gallego. Vigo, 1974b.
- Santamarina A. El adverbio gallego//Verba, 1975. Vol. 2.
- Santamarina A. Novas consideracións ó redor das orixes da geadá//Verba, 1980. Vol. 7.
- Sarmiento M. Estudio sobre el origen y formación de la lengua gallega. Buenos Aires, 1943.
- Sarmiento M. Colección de voces y frases gallegas/Edición y estudio por J.L. Pensado. Universidad de Salamanca, 1970.
- Sarmiento M. Catálogo de voces y frases de la lengua gallega/Edición y estudio por J.L. Pensado. Universidad de Salamanca, 1973.
- Schroten J. Interpretación de la geadá gallega//Verba, 1980. Vol. 7.
- Schroten J. Sobre el tratamiento del vocabulario culto en el gallego actual//Verba, 1981. Vol. 8.

Valladares M. Elementos de gramática gallega. Vigo, 1970.

Varela J.L. Poesía y restauración cultural de Galicia en el siglo XIX. Madrid, 1958.

Varela Jácome B. La literatura del siglo XVIII en Galicia//Historia general de las literaturas hispánicas. Barcelona, 1956. Vol. 4. Parte 1.

Varela Jácome B. La prosa en Galicia en el siglo XIX//Historia general de las literaturas hispánicas. Barcelona, 1957. Vol. 4. Parte 2.

Vázquez Cuesta P. Interferencias lingüísticas entre gallego y castellano//Actes du XIII-e Congrès international de linguistique et philologie romanes (Québec, 1971). Québec, 1976.

Veiga Arias A. Fonología gallega. Fone-mática. Valencia, 1976.

Veiga Arias A. Algunas calas en los orígenes del gallego/Extracto de la memoria pre-sentada para optar al grado de doctor en Filología. Santiago de Compostela, 1980.

Veiga Arias A. Algunas calas en los orígenes del gallego. Vigo, 1983.

Vilariño Pintos D., Pardo Gómez M.V. O libro galego onte e hoxe/Catálogo da Exposición Bibliográfica, Santiago, maio-xuño, 1979. Santiago, 1981.

Zamora Vicente A. La frontera de la genda//Homenaje a F. Krüger. Mendoza, 1952. Vol. 1.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Casares — *Casares C.* Xoguetes pra un tempo prohibido. Vigo, 1975.
- Castelao — *Castelao A.* Obra completa. Madrid, 1975. I. Narrativa e teatro.
- Cousas — *Castelao A.* Cousas. Vigo, 1979.
- Cuevillas — *Cuevillas F.L.* Prosas gallegas. Vigo, 1982.
- Cunqueiro — *Cunqueiro A.* Merlin e familia i outras historias. Vigo, 1976.
- Dieste — *Dieste R.* Dos arquivos do trasno. Vigo, 1973.
- Esmorga — *Blanco-Amor E.* A Esmorga. Vigo, 1970.
- Folklore — *González Reboredo J.M.* El folklore en los castros gallegos. Santiago de Compostela, 1971.
- Prosa galega — Prosa galega. Santiago, 1978. T. I.
- Teatro — *Blanco-Amor E.* Teatro pra a xente. Vigo, 1974.
- Refráns — *Zamora Mosquera V.* Refráns e ditos populares galegos. Vigo, 1972.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
---------------	---

Глава 1

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ГАЛИСИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	7
Доримский период и романизация Галлеции.....	7
Галисия в средние века (V—XIII вв.).....	8
Развитие романской речи на территории Галисии. Языковые последствия отделения Португалии от Галисии.....	10
Социально-политическое развитие Галисии в XIV—XV вв. и начало формирования ситуации двуязычия.....	12
Галисийская литература в XIII—XV вв.	14
Социально-политическая ситуация в Галисии в XVI—XVIII вв. и положение галисийского языка.....	17
Галисийский язык в XIX в.	22
Письменный галисийский язык в первой половине XX в.	34
Галисийский язык на современном этапе своего развития.....	38

Глава 2

ЗВУКОВОЙ И ГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК ГАЛИСИЙСКОГО СЛОВА И ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВИЗАЦИИ	46
Система вокализма	46
Сонанты /j/, /w/ и дифтонги	53
Согласные фонемы	54
Сочетаемость аллофонов согласных фонем и альтернации согласных	59
Ударение и интонация	60
Графика и орфография	62
Дифференциализм и проблема отбора фонетических вариантов слов	68

Глава 3

ГЛАГОЛЬНАЯ СИСТЕМА ГАЛИСИЙСКОГО ЯЗЫКА	75
Состав глагольных форм.....	75
Полиморфизм глагола	76
Формальные особенности некоторых глаголов 1-го спряжения	78
Формальные особенности некоторых глаголов 2-го спряжения	78
Формальные особенности глаголов 3-го спряжения.....	79
Спряжения нерегулярных глаголов.....	80
Некоторые особенности функционирования форм времени и наклонения.....	84
Особенности функционирования форм индикатива	86
Особенности функционирования форм конъюнктива	89
Залог	91

Нефинитные формы глагола	92
Глагольные перифразы	94
Перифразы с инфинитивом	96
Перифразы с герундием	100
Перифразы с причастием	102

Глава 4

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ И ДЕТЕРМИНАТИВЫ	105
Существительное и прилагательное	105
Детерминативы имени	110
Артикль	110
Указательные прилагательные	113
Притяжательные прилагательные	113
Количественные детерминативы	114
Неопределенные, отрицательные и другие детерминативы	116

Глава 5

МЕСТОИМЕНИЯ	117
Личные местоимения	117
Другие разряды местоимений	124

Глава 6

НАРЕЧИЯ И СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ	127
Наречия	127
Предлоги	130
Союзы	133

Глава 7

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА ГАЛИСНИЙСКОГО ЯЗЫКА ..	135
---	-----

Глава 8

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО ГАЛИСИЙСКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМЫ ГАЛИСИЙСКОЙ ЛЕКСИКО- ГРАФИИ	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	145
ПРИЛОЖЕНИЕ. АНТОЛОГИЯ ГАЛИСИЙСКОЙ ПРОЗЫ XX в.	148
ЛИТЕРАТУРА	159
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	164

БОРИС ПЕТРОВИЧ НАРУМОВ
Формирование романских
литературных языков.
Современный
галисийский язык

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства
Н.Г. Герасимова
Художник
Э.А. Дорохова
Художественный редактор
Г.П. Валлас
Технические редакторы
Н.М. Бурова, Л.В. Русская
Корректор
Т.И. Шеповалова

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ N 35876

Подписано к печати 29.07.87
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная N 1
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 10,8. Уч.-изд. л. 12,3
Тираж 850 экз. Тип. зак. 2595 Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., д. 90
Типография N 9 Союзполиграфпрома,
Москва, Волочаевская ул., д. 40